

2020

ТОМ: 1

■
ГОМЕР: 1

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. №1. 2020.**

Электронный журнал
www.psychanalysis-journal.hse.ru

Адрес редакции:
НИУ «ВШЭ»,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20
Тел.:
+7 (495) 7729590
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: www.psychanalysis-journal.hse.ru
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

[https:// psychanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html](https://psychanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html)

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., канд. культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Бушуева О.С.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. №1. 2020.**

Электронный журнал
www.psychoanalysis-journal.hse.ru

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-X – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Канестри Хорхе (Италия), Ph.D., профессор психологии в Università degli Studi di Roma Tre, обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Европейской психоаналитической федерации (EPF)

Коротецкая А.И. (Россия), проректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, доцент Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. №1. 2020.**

Электронный журнал
www.psychoanalysis-journal.hse.ru

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDV), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, эксперт Oxford Russia Fund

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российской отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Watzwater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф. программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Сама Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

Журнал клинического и прикладного психоанализа Том I № 1.2020

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

НОВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

- Россохин А.В.**
Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное 5

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

- Ален Жибо**
Символизация и психоз. Переход от матрицида в виде совершенного акта к фантазму о матрициде (часть 1) 52
- Жаклин Шаффер**
От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу 63

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

- Романов И.Ю.**
Школа в психоанализе – избранный факт или сверхценная идея? 69

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Пилявина А.А.**
Голос как психоаналитический феномен 94
- Куликов Д.А., Евдокименко А.С.**
Психоаналитический подход к оценке суицидального риска в профессии авиапилотов: случай Андреаса Любица (рейс 4u9525) 108

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ

- Шаповалова Е.В.**
Психодинамический подход к организационному развитию 126

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

- Манфред Кетс де Врис**
Как проводить коучинг CEO: Успешный коучинг направлен на работу с сопротивлением человека, а не против него 147
- Манфред Кетс де Врис**
Если вы чувствуете себя как выжатый лимон, то это вот из-за чего 151

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

НОВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Интерпретации в психоанализе: Там, где было Я и Оно, должно стать Иное

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), экс-президент Московского общества психоаналитиков (МОП), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС).

В предлагаемой статье автор продолжает разрабатывать собственную концепцию квантового психоанализа, в рамках которой детально описывает иную квантовую природу интерпереноса, различные состояния которого сосуществуют одновременно в психоаналитическом процессе. В ходе анализа оба участника теряют свою классическую идентичность, чтобы обрести новую двусмысленную (классическую и квантовую) идентичность, и развивают способность оставаться одновременно классическим Собой и квантовым Иным. В работе обосновывается необходимость изменения известной формулы Фрейда, которая, согласно автору, должна принять следующий вид: «Там, где было Я и Оно, должно стать Иное». Теоретическая концепция иллюстрируется детальным клиническим материалом. Ключевые слова: психоанализ, интерпретация, перенос, контрперенос, интерперенос, идентичность, квантовый психоанализ, интерсуперпозиция.

В память о Диди

«Это мудрое безумье
Обезумевшая мудрость».
Генрих Гейне

Психоаналитик – Демиург?

Где рождаются интерпретации в психоанализе? В голове у аналитика? Это результат его размышлений, работы вторичного процесса его психики? Или они зарождаются в первичном процессе, поднимаются на рефлексивный уровень, обретают вербальную форму и выражаются в словах, произносимых аналитиком на сеансе?

Мы уверены, что нам точно известны ответы на эти, ставшие уже банальными, вопросы. *Но действительно ли высказываемые аналитиком интерпретации ему принадлежат?* Если они зарождаются в его «первичном бульоне»¹ и затем обретают словесную плоть и кровь во «вторичном бульоне», то ответ очевиден – да, они являются продуктом его психической активности и, более того, именно эта его активность и позволяет пациенту прорабатывать свои конфликты, разрешать проблемы, развиваться, обретать новые пост-эдиповы смыслы. Иначе в чем была бы ценность психоанализа? В чем была бы суть работы аналитика?

Как мы хорошо знаем, психоанализ – это одновременно исследование и лечение. А психоаналитик – путешественник-исследователь и терапевт. Между этими двумя позициями существует непреодолимый конфликт, выражаемый в парадоксе, о котором я люблю рассказывать студентам первого курса психоаналитической магистратуры: «Если Вы хотите вылечить пациента, то Вы никогда не будете аналитиком. Но если Вы не хотите его вылечить, то тем более не будете им». Смысл парадокса в том, что, если мы хотим избавить пациента от его симптомов, то мы занимаем позицию терапевта, теряя позицию исследователя, для которого подобная цель является не более, чем побочным результатом психоаналитического путешествия. Демиургическая заряженность психоаналитического подхода питается как раз этим стремлением исцелить пациента, облегчить или даже полностью разрешить его психические и психосоматические страдания. В крайнем проявлении этой сугубо «терапевтической» тенденции пациент становится «объектом» лечения. Однако, если мы принимаем только позицию исследователя-путешественника, мы теряем контакт со страданием пациента, а следовательно, и с ним самим. Он становится «объектом» исследования, а не субъектом, с которым мы совместно проводим аналитическую работу.

¹ Я использую здесь аналогию между первичным психическим процессом и «первичным бульоном» в концепции зарождения жизни на Земле, выдвинутой А.И. Опариным.

Если же аналитик не стремится остаться ни в позиции «терапевта-демиурга», ни в позиции «исследователя-демиурга», а колеблется-балансирует между ними, то кому тогда принадлежит тот самый «первичный бульон» психоаналитического процесса, в котором зарождаются новые репрезентации, смыслы, инсайты, слова и интерпретации? Ответ хорошо известен. Это «бульон», возникающий в ходе взаимодействия бессознательного пациента и бессознательного аналитика. Но каким образом в ходе некоторых наших теоретических осмыслений он начинает принадлежать исключительно психическому аппарату аналитика? В других концептуальных подходах бессознательное аналитика улавливает нечто из этого общего бульона, затем это нечто контейнируется и перерабатывается уже во внутреннем мире аналитика. Неслучайно мы так часто используем формулировки: «аналитик формирует, конструирует, реконструирует, контейнирует, перерабатывает бета-элементы в альфа, делает то и это и т.п.».

В парижском интервью, полагая, что любой аналитик должен быть сродни художнику, Уилфред Бион уточняет, что аналитик: «Это точно не тот, кто может обмануть ваши глаза, заставить вас увидеть дерево там, где его нет, скорее это кто-то, кто сделал так, чтобы вы могли увидеть, что это на самом деле дерево, и обнаружить его корни, даже если они под землей» (*Bion, 1978*). Здесь есть несколько моментов, требующих прояснения. Бион противопоставляет два типа «художников».

Я понимаю предлагаемое им различие следующим образом. Первый *конструирует* совершенно новую реальность, создает ее как Демиург, заставляя увидеть «дерево там, где его нет», сознательно или неосознанно полагая, что в новой реальности пациент исцелится и сможет жить более удовлетворенным или даже счастливым. Аналитик-художник второго типа, напротив, стремится *реконструировать* внутреннюю реальность пациента, вновь открыть для него его собственное «дерево», сделать так, чтобы пациент смог увидеть, «что это на самом деле дерево, и обнаружить его корни, даже если они под землей». Эта на первый взгляд очень гуманистическая и центрированная на человеке метафора аналитической работы представляется мне продолжением все той же демиургической идеи работы с пациентом – аналитик знает то, что «на самом деле» спрятано во внутреннем мире пациента. Первый тип художника-аналитика можно сравнить со скульптором, который заранее знает, какую скульптуру он собирается высечь из твердого необработанного, бесформенного камня. Второй тип художника аналогичен скульптору, который «встречается и взаимодействует с камнем», от этого у него постепенно рождается образ будущей скульптуры, он «отсекает все лишнее, мешающее», и образ оживает.

Второй тип очень созвучен устоявшемуся в психоанализе пониманию психоаналитической работы как предоставление пациенту своего психического аппарата, контейнирование его сырых и неусвоенных психических элементов, их переработке и возвращению уже в виде альфа-элементов,

из которых выстраивается новая психическая реальность пациента. В некотором смысле такой аналитик-художник-скульптор еще больший демиург, чем представитель первого типа. На переднем плане он никак не навязывает пациенту своего видения, но за кулисами, на более скрытом плане он демиургически забирает в себя пациента, перерабатывает его и возвращает ему его обновленное «Я».

Я, конечно, полемически заостряю проблему «демиургичности» аналитика и неизбежно преувеличиваю ее, но я полагаю, что это необходимо сделать, чтобы четче дистанцировать от этого явного или скрытого демиургического подхода иной взгляд на психоаналитический процесс. Продолжая использовать аналогии со скульпторами, я мог бы сказать, что у первого типа скульптора интерпретация того, какой должна быть его скульптура, возникает на уровне вторичного процесса. У него уже есть образ, который он хочет создать. Напротив, интерпретации аналитика второго типа рождаются в его первичном «бульоне», который за счет эмпатии и контейнирования, принятия проекций пациента получает много новых сырых компонентов. Задача аналитика состоит в том, чтобы, не отвергнув эти проекции, принять их в свой первичный бульон, «сварить и приготовить» (Антонино Ферро) их так, чтобы они приняли съедобную и усваиваемую форму, перевести на уровень вторичного процесса (вторичного бульона) и вернуть пациенту, сказав в виде интерпретации «приятного аппетита!».

Возможен ли иной, не демиургический взгляд на психоаналитический процесс? Помня о том, что З. Фрейд метафорически описывал взаимосвязь Я и Оно как отношения всадника и лошади, для ответа на этот вопрос обратимся к методам приручения диких лошадей.

Дикая лошадь и терпеливый осел

В качестве одной из замечательных метафор взаимодействия между сознанием и бессознательным, Я и Оно, психоаналитиком и пациентом бразильский психоаналитик кляйнианской школы Руджеро Леви предложил латиноамериканский метод приручения дикой лошади с помощью осла. Лошадь привязывают к ослу на длинной веревке и выпускают эту пару на волю. Лошадь устремляется на свободу, прочь от лошадиного загона. Осел сопротивляется, не желая покидать угол, ставший ему домом, но он не в силах противостоять страстному желанию лошади освободиться. Неразрывно связанная пара уносится настолько далеко, насколько у лошади хватает сил преодолеть сопротивление осла. Наступает момент, когда она устает и слабеет. Торжествующий терпеливый осел, предчувствуя победу, начинает не торопясь, медленно, но немолимо возвращаться домой – туда, где его ждет еда. Уставшая, потерявшая много сил лошадь сопротивляется, но натянутая веревка вынуждает ее следовать за ослом. Легко можно себе представить, что она еще не раз решается на бунт, вновь утаскивая осла далеко от фермы, но каждый

раз ее восстание заканчивается упрямым, непреклонным движением осла по направлению к дому. Мы можем даже легко себе представить, что лошадь в какие-то моменты физически атакует осла, стремясь освободиться от него, но ничего не помогает – они продолжают быть связаны воедино. Как бы ни был ранен осел, он все равно найдет дорогу домой, где его накормят и залечат его раны. Единственная возможность лошади обрести свободу – перегрызть веревки, разорвать мучительную связь, уничтожающую ее свободу. Судя по тому, что это способ приручения лошади в Бразилии эффективен, мы можем полагать, что мало какой лошади удастся разгрызть веревку и освободиться. Осел приводит полностью обессиленную лошадь в загон, который теперь становится и ее новым домом. Она теряет свободу с ее опасностями и неопределенностью, но обретает взамен стабильность, защищенность и постоянное питание в обмен на труд.

В анализе роль такого осла играет аналитик, который призван обуздать бессознательное пациента. Этот совсем ненарциссический образ терапевта как осла крайне важен и симпатичен, особенно в связи с постоянно присутствующим в любой терапии искушением терапевта ощущать себя значимым, важным, помогающим, лечащим другого человека, который от него в этом зависит и который в одной из возможных нарциссических контртрансферентных фантазий без терапевта никак не справится. С другой стороны, осел в этой истории предстает одновременно и в роли всемогущего персонажа. Ничего не может произойти, что помешало бы ему вернуться домой и тем самым исполнить стоящую перед ним задачу. Он постепенно принуждает дикую лошадь к полному повиновению и послушанию, отказу от свободы, принятию ограничений с целью получения в результате лучших условий для выживания и существования, хотя последнее, конечно, очень спорно в случае лошадей, которых используют для тяжелого труда.

Использование способа приручения ослом дикой лошади в качестве метафоры для взаимодействия сознания и бессознательного, аналитика и пациента поднимает еще одну проблему. В этой истории осел и лошадь не понимают друг друга, они с самого начала и до конца говорят на разных языках. Осел в конечном итоге побеждает за счет своего терпения, воли и стремления вернуться домой. Между ними не образуется никакой новой связи, кроме первой насильственной – веревки-«пуповины». В ходе их взаимодействия не возникает ничего принципиально нового. Нет сотворчества, есть только победа одной воли над другой, одного образа жизни (на ферме) над другим (на свободе). Лошадь должна принять то, что уже существует, приспособиться к отлаженному порядку вещей, адаптироваться к новой более стабильной реальности и научиться получать от нее удовольствие. Вместе с отказом от свободы исчезают неопределенность, опасности, необходимость бороться за выживание. Взамен лошадь обретает реальность, в которой есть контроль, надежность, защита.

Выглядит несколько пессимистично, но отказ от инфантильного всемогущества, принятие депрессивной позиции и разумных ограничений – разве все это не позволяет нам становиться более зрелыми психически? Разве не это происходит с нами с самого детства? Мы шаг за шагом узнаем, что мы не бессмертны, не всемогущи, не можем быть свободными от всего и всех, не можем удовлетворять все наши желания, иметь все, что захотим, и тогда, когда захотим. Мы учимся ставить себе цели, настойчиво идти к их достижению, терпеливо ожидать результатов, которые не могут прийти немедленно. Разве это не одна из главных целей любой серьезной терапии – помочь пациенту, ждущему немедленного чудесного избавления от своих психических страданий, принять реальность долгого и терпеливого пути к этой цели? Не следует ли нам вместо лелеяния инфантильной мечты о себе как о совершенно свободной и ни от кого не зависящей личности, свободно удовлетворяющей все свои желания, постепенно переходить к более зрелому образу трудолюбивого, стабильного и надежно-го осла?

С другой стороны, должны ли мы таким образом обуздать наше (и пациента) бессознательное, чтобы его максимально приручить, привести его на конюшню в стойло, чтобы оно, отказавшись от свободы, приняло это стойло как свою новую жизненную реальность? Там, где было Оно (дикая лошадь, бессознательное), должно стать Я (осел, сознание)? То есть фактически в целях адаптации к реальности дикая лошадь должна стать психологически подобной ослу. Аналогично, должен ли проходящий анализ пациент формировать такого осла уже внутри себя (наблюдающее аналитическое Я), который будет неумолимо и настойчиво превращать любых диких лошадей в его внутренней реальности в послушных и хорошо адаптированных ослов?

Однако разве это происходит в ходе психоаналитического процесса? Постепенное принятие строгого неизменного кадра позволяет пациенту сохранять максимальную творческую свободу внутри его. Принятие ограничений реальности, от которых мы не можем быть свободными, позволяет нам быть свободным внутри их, но не от них. Только инфантильное психическое пространство свободно от смерти, от различия полов, от множества других ограничений. Приняв их, выдерживая их, сохранить и даже развить в себе внутреннюю свободу – вот главная задача. Приняв ограничения осла, став им в некоторой мере, не перестать быть и дикой лошадью, не потерять ее стремления к свободе, творчеству, фантазийности.

Но тогда получается, что речь идет о новой, принципиально иной психической реальности, которая должна возникнуть в ходе взаимодействия между ослом и лошадью, Я и Оно, аналитиком и пациентом, где они уже не связаны веревкой как два разных объекта, а представляют собой *Иное* – новое кентаврическое Я, которое уже невозможно разделить на две разные составляющие части. В один момент на сцене психической жизни больше проявляется надежная и стабильная «ослиная» сторона Я,

заботящаяся о принятии ограничений и отвечающая за адаптацию. В следующий момент осел, уверенный в стабильности кадра, отступает за кулисы, освобождая пространство для резвящейся на свободе творческой «лошадиной» стороны Я.

Рождение Кентавра

Другая метафора психоаналитического процесса базируется на встрече и взаимодействии двух разных существ, а не на постепенном приручении одного другим.

В Северной Америке способ приручения дикой лошади заключается в том, что человек и лошадь остаются вдвоем на долгое время в замкнутом пространстве, ограниченном высоким забором. Человек неподвижно стоит в центре круга, а лошадь с бешеной скоростью скачет по кругу, практически вжимаясь в забор, на максимально возможном отдалении от человека. Ей некуда деться, она не может перепрыгнуть забор и вырваться на свободу, как ее бразильские собратья, связанные с ослами. Она не связана физически, она может свободно двигаться, но в ограниченных пределах. Человек стоит с опущенными в землю глазами, не смотря на лошадь. Она понимает, что ее не хотят схватить, начинает постепенно успокаиваться, замедляться и наконец останавливается. Как только она останавливается, он делает минимальное движение в ее сторону. Она мгновенно срывается в галоп, а он снова замирает.

Это только самое начало долгого процесса разговора без слов двух разных существ – человека и дикой лошади, процесса формирования взаимодействия между ними. Они начинают присматриваться друг к другу, принюхиваться, приглядываться, фантазировать о том, могут ли они создать что-то новое. Но что именно? Пару? Человек и лошадь? Что же происходит и что формируется в процессе этого взаимодействия?

В самом начале, когда человек неподвижно стоит в центре круга и не смотрит на лошадь, все его чувства и фантазии направлены на установление контакта с ней – он старается слушать ее бег, хрип, дыхание, топот, ощущать ее, мысленно разговаривать с ней, уже фантазируя о том моменте, когда он сможет подойти и надеть на нее узду. Лошадь также полностью сконцентрирована на человеке, на его движениях, взглядах, опасности, исходящей от него. Но каждый раз, когда ее опасения не подтверждаются и человек не стремится схватить ее и привязать к себе, каждый такой не состоявшийся в физической реальности контакт ее с ним сближает, формируя в переходном психическом пространстве между ними что-то другое, новое, непонятное, но не такое пугающее. Долгий невидимый разговор двух существ как раз и порождает их слияние в иную, ранее не существовавшую сущность – потенциального кентавра, в котором не существует пары, состоящей из отдельных существ, человека и лошади,

но создается новая иная сущность, в которой человек и лошадь образуют неразрывную и неделимую связь.

Никто не знает, ни всадник, ни лошадь, в какой момент из них двоих формируется кентавр. Лошадь в очередной раз останавливается, но человек вместо небольшого шажка в ее сторону внезапно быстро и уверенно подходит к ней, прикасается, гладит ее за шею и надевает узду. Почему именно в этот момент лошадь не убегает, не срывается на бег? Она устала убегать? Смирилась со своей участью? Отказалась от свободы? Думаю, что нет. К этому моменту их взаимодействие, неслышный диалог, развивающийся контакт привел к возникновению нового существа, объединяющего их обоих – кентавра. И лошадь не убегала, потому что это новое существо оказалось для нее интересным, любопытным, привлекательным и заманчивым. Новая кентаврическая реальность, неразрывно связывающая ее с человеком, показалась ей достойной заменой свободы без человека.

Этот кентавр сохраняет силу и свободолюбие лошади (бессознательного), но они сбалансированы контролем и властью человека (сознания).

Тайна внезапного возникновения кентавра аналогична тайне возникновения инсайта в психоаналитическом процессе. Настоящий инсайт возникает тогда, когда его не ожидает ни аналитик, ни пациент. Если инсайт предсказуем, то это означает лишь то, что один из персонажей аналитической пары полностью дирижирует и управляет всем процессом. Понятно, что описанный выше процесс приручения лошади, в ходе которого возникает новая кентаврическая сущность, представлен здесь утопически идеально.

Очевидно, что в реальности все протекает значительно сложнее и драматичнее. Человек может ошибиться и решить, что это тот самый момент, но в ответ получить удар копытом, который отбросит назад их взаимоотношения. Ему придется начинать все заново. Без ошибок ничего нового не сформируется. Но оно обязательно рано или поздно возникнет, если их встреча продолжится.

До момента встречи каждый из них был отдельной сущностью, но, начиная с того времени, когда они оказались вместе в замкнутом пространстве, кентавр постепенно формируется в психическом пространстве между ними. Он не возникает в тот момент, когда человек надевает на лошадь узду, вскакивает на нее и становится всадником именно этой лошади. В этом случае он всадник и не более того. Абсолютно необходимым условием возникновения кентавра во внешней реальности, то есть видимое даже вовне слияние лошади и человека, является предварительное возникновение кентавра в их совместной психической реальности.

Если мы говорим о всаднике и его лошади, то известно множество примеров их взаимоотношений, в ходе которых каждое пережитое вместе событие или усиливало их связь, их кентавра, или, наоборот, ослабляло его

в случае возникновения недоверия или предательства. Кентавр в паре не возникает в одном и том же статическом образе раз и навсегда. Он начинает жить и развиваться как квантовая волна, чье развитие зависит от продолжающегося процесса взаимодействия человека и лошади. Если кто-то из пары, лошадь или человек, погибает, например, на войне, то разрушается только внешнее физическое проявление возникшего между ними уникального и неповторимого кентавра. Но он продолжает существовать в психическом пространстве оставшегося в живых, который, будь то человек или лошадь, может создать нового кентавра с другой сущностью или не быть способным больше это сделать в случае сильной привязанности к потерянному кентавру. Последнее, это тот случай, когда все существо одного из них инвестировано в новую иную сущность, когда вне ее нет отдельной собственной жизни.

Кентавр в психоаналитическом кабинете

Возвращаясь к психоаналитическому процессу, не то же ли самое происходит в ходе него? Встреча аналитика с пациентом не как с объектом анализа, а как с субъектом, представляет собой встречу с кем-то принципиально Другим, не-Своим, не-Близким, не-Известным, не-Понятным, не-Определенным, не-Знакомым, не-Пациентом и уж тем более не-Пациентом из психоаналитических теорий и, следовательно, скорее даже не-Другим, а Чужим. Как это ни провокационно прозвучит, этот другой человек со своей собственной непостижимой психической Вселенной для нас гораздо более Чужой, чем для человека лошадь.

Можем ли мы использовать «нашего кентавра» в качестве метафоры, описывающей как взаимодействие сознания и бессознательного в психическом мире отдельного человека, так и взаимодействие между двумя субъектами в любых их взаимоотношениях – любовных, семейных, дружеских, профессиональных и, конечно, психотерапевтических и психоаналитических?

Если мы согласимся с этим, то, сделав следующий шаг, мы будем вынуждены признать, что разделение того, что происходит в психоаналитическом кабинете, на перенос и контрперенос достаточно механистично. Вне всякого сомнения, эти термины чрезвычайно важны для понимания психоаналитического процесса. Но не теряем ли мы при этом главную суть и тайну анализа – того самого «кентавра»?

Во французском психоанализе Мишель де М'Юзан разработал концепцию психологической химеры, в которой он описывает, как два психических аппарата (пациента и аналитика), стремящиеся создать нечто целостное, создают некую разновидность неореализма, чудовища-химеры, оживленной особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе. Эта система функционирует как общий аппарат двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предостав-

ляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика одалживаются анализируемым (*M'Uzan, 1978*).

Как отмечает Бернар Шерве, рассматриваемая таким образом функциональная взаимодополняемость аналитика и пациента показывает ценность идентификационной близости – определенной симметрии между ними. Именно в это «первое время» – время химеры – интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования пациента изнутри общей химеры. Аналитик, дающий интерпретации из химеры, воспринимается анализируемым как его другое Я. Когда наступает «второе время» интерпретации, последняя направляется на лучшее понимание всех аспектов взаимодействия, происшедших в «первое время», в том числе и на интерпретации, осуществленные изнутри химеры. Это «второе время» раскрывает фундаментальную диссиметрию между аналитиком и анализируемым (*Chervet, 1998*).

В описываемом мною подходе потенциально возможный «кентавр» это самое иное, которое начинает формироваться даже не с самого начала психоаналитического процесса, а задолго до него, когда будущий пациент размышляет о том, что, возможно, ему нужна терапия; переживает, как все будет происходить; надеется на лучшее, опасается худшего; фантазирует, какой терапевт ему нужен; каких отношений в терапии он хочет и ожидает. Но конкретный уникальный «кентавр» начинает формироваться тогда, когда он выбирает для своей терапии определенного терапевта. Точно таким же образом в формировании будущего «кентавра» участвует и аналитик. Когда он получает сообщение с просьбой о прохождении терапии, у него рождаются фантазии о том, что это будет за пациент, как ему будет с ним работать, он начинает что-то переживать, ощущать, испытывать, и при этом только самая небольшая часть этих переживаний достигает его сознания.

Насильственно разделяя целостные состояния, переживаемые «кентавром», на перенос и контрперенос, мы защищаем себя от невыносимости осознания простого факта, что, начиная с того момента, как мы приступили к работе с пациентом, возникающие в кабинете переживания не остаются в нем, а продолжают жить и развиваться во всех аспектах нашей жизни. Они лишь иногда выходят на поверхность сознания, когда внешне, казалось бы, ни с того ни с сего мы вспоминаем пациента, что-то из сессий, из его жизни. Такие неожиданные вторжения могут произойти, когда мы отдыхаем, едим, занимаемся любовью, работаем с другими пациентами – совершенно в любой момент нашей жизни. Переживания появляются не только в период реальной работы с ним, но и после ее завершения. Мы можем встретиться с ними лицом к лицу и через десятки лет. Психоаналитики уже давно осознали, что полного разрешения «невроза переноса» не бывает и что трансферентные, как и контртрансферентные остатки продолжают жить в нашей душе своей собственной жизнью (*Россохин, 2000*).

Парадокс состоит в том, что никакого отдельного переноса и контрпереноса не существует, но нам нужно думать о них, чтобы быть способными осмысливать происходящее в психоаналитическом кабинете. Вместе с этим это не должно уводить нас от того факта, что принципиально невозможно отделить перенос от контрпереноса и понять, кто и что вложил в *иной*, нелинейный многомерный мир психоаналитического Кентавра и в переживаемые им состояния в ходе психоаналитического процесса. Я использовал Кентавра в качестве творческой метафоры для более доступного описания разработанной мною концепции интерпереноса.

Диалектика интерсознания: дву-смысленность особых психоаналитических состояний интерпереноса

Расширение пространства сознания за счет освоения бессознательно-го – «Там, где было Оно, должно стать Я»² (Freud, 1933, p. 79) – может быть понято слишком буквально: разум завоевывает ранее неконтролируемые им бессознательные области психики. Подобная недиалектическая мысль ограничена противопоставлениями рационального и иррационального; сознания и бессознательного; души и тела; субъекта и объекта; переноса и контрпереноса. Диалектическая мысль подталкивает разум в направлении того, что является для него глубоко *чуждым* и принципиально *иным*. Что произойдет в результате этого движения и их встречи? *Иное* будет сведено к тождественному, или же сознание должно будет измениться, утратить свою изначальную идентичность и перестать быть тем же самым сознанием, превратившись в *Иное* по отношению к *иному* для того, чтобы быть способным выйти за пределы этой дву-смысленной дихотомии и одновременно охватить сознательное и бессознательное, тождественное и иное?

В своих предыдущих работах я показал, что в результате встречи сознания и бессознательного возникает принципиально новое *Иное*, обретающее новую идентичность, получающее новый статус по отношению к сознанию. Одновременно это новое *Иное* будет иным и в отношении другого участника встречи – иным по отношению к иному – принципиально иным по отношению к бес-сознательному, без-умному. Это новое *Иное*, новое и в отношении сознания и в отношении бессознательного, не может, на мой взгляд, иметь название, основывающееся целиком на одном из прежних понятий или на их сочетании, такое как, например, расширенный разум; абсолютное сознание; осознанное бессознательное и т.п. Для того чтобы выйти за пределы дву-смысленности и двойственности, за пределы дихотомии сознания и бессознательного, необходимо выйти в том числе и за пределы прежних понятий, чтобы утвердить то значение, которое способно максимально полно отразить смысл нового *Иного*, существующего в *междумирии* между Я и Оно, сознанием и бессознательным. Поэтому

² "Where id was, there ego shall be" (Freud, 1933, p.79).

я ввел новые понятия в психологии и психоанализе: *интерсознание*, *интерполилог* и *интерперенос* (см.: Россохин, 2004; 2010).

Встреча двух интерсознаний (аналитика и пациента) в психоаналитическом кабинете, их интерполилог друг с другом, в свою очередь, порождает новое междумирие, в котором возникают не отдельные трансферентные и контртрансферентные состояния, а порождается и развивается «психоаналитический Кентавр» – *интерперенос* с его различными интертрансферентными состояниями. В рамках этой концепции все, что возникает в психоаналитическом кабинете: чувства, телесные ощущения, фантазии, мысли, воспоминания, слова, интонации, действия у обоих участников процесса – это всего лишь проявления гребня кентаврического интерпереноса, чьи хвостовые проявления простираются вовне, с разной вероятностью проникая во все аспекты внутренней и внешней реальности как пациента, так и аналитика. В 2010 г. я писал о квантовой, а не классической природе интерсознания. На тех же основаниях я говорю и о *квантовой природе интерпереноса* и, соответственно, нашего психоаналитического Кентавра, который представляет собой *иную* квантовую сущность. В квантовом смысле все состояния интерпереноса (Кентавра) в ходе психоаналитического процесса *существуют одновременно*. Это разнoverоятностное сосуществование распространяется на все возможные состояния, в том числе и на практически полностью бессознательные. В классической картине развития психоаналитического процесса, включающего двух отдельных участников, проживающих те или иные состояния переноса и контрпереноса, которые осознаются и прорабатываются, практически не существует места для принципиальной «квантовой» непредсказуемости и неопределенности. С риском чрезмерной радикальности можно было бы даже добавить: нет места и для принципиальной невозможности знать, в каком направлении пойдет психоанализ и куда он может привести. Обращаясь к квантовой логике, мы начинаем понимать, что можем ожидать определенного будущего состояния для пациента (и аналитика!) только с некоторой вероятностью, принципиально никогда не зная, к какому в действительности результату мы придем. Как аналитик или пациент «выбирает», какому из бесчисленного множества вариантов будущего ему следовать? Может ли он вообще это выбирать? Происходит ли этот выбор полностью бессознательно, где человек становится его «жертвой»? Или он – хозяин своей судьбы, и сознание полностью контролирует его жизнь? Стараться понять и предсказать *все* означает попасть в западню классического (не квантового) подхода к терапии и превратиться в терапевта-демиурга. Это может помочь адаптации, но ценой потери развития.

Для более ясного различения классического (перенос-контрперенос) или квантового (интерперенос) понимания анализа я использую всеми любимую в психоанализе метафору внутреннего театра. Последовательное, шаг за шагом проявление тех или иных состояний переноса и контрпереноса, их постепенное угасание вследствие проработки

и тем самым освобождение ими психической сцены для более глубоких трансферентных состояний напоминает нам о театре, на сцене которого действие спектакля постепенно разворачивается, проходит свои кульминационные моменты и достигает апогея и финала. Каждая сцена, будучи сыгранной, «умирает» и наступает время для следующего действия.

Если же представить, что перед нами не одна трехмерная театральная сцена, а бесконечное число сцен, на каждой из которых любое отдельное действие пьесы не прекращается, но продолжается в соответствии со своей собственной логикой развития событий, тогда наиболее привычная для нас классическая пьеса будет представлять собой только одну, хотя и, возможно, наиболее вероятную возможность. Одновременно с этой расположенной на переднем плане классической сценой мы сможем наблюдать за происходящим лишь еще на некоторых из бесчисленного числа квантовых сцен. Но сама эта возможность многомерного восприятия кардинально изменяет весь происходящий процесс в целом. Мы не можем быть твердо уверены в том, что, начав смотреть классическую пьесу, в следующее мгновение не окажемся поглощенными какой-то другой квантовой постановкой. Все намного усложнится, если мы вспомним, что развитие событий на всех сценах не протекает параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Реплики одного и того же актера с разных площадок могут быть адресованы как к самому себе в другом состоянии, в другой точке развития пьесы, разворачивающейся совершенно на другой сцене, так и к другим персонажам или кому-то из зрителей в зале.

Это не по сценарию, скажете вы, и будете правы. Психика не живет по сценарию, психоаналитическая пьеса пишется и проигрывается одновременно на всем бесконечном множестве сцен многомерного нелинейного пространства интерпереноса. Кажется, что тогда мы будем погружены в невообразимый хаос без какой-либо возможности понять, что же на самом деле происходит. Безумие на двоих, *folie à deux*?

Если нас это пугает, это не означает, что этого не существует. Сужая фокус своего психоаналитического слушания и внимания до одной-двух хорошо освещенных сцен, мы рискуем попасть в «болото» переноса-контрпереноса, как это часто бывает, например, с бесконечной проработкой прегенитальных детско-материнских отношений. Выхваченная рефлексивным светом одна из классических фигур интерпереноса начинает доминировать и приковывать к себе все внимание.

Когда я думал о таком многомерном театре, как о *метафоре интерпереноса*, мне пришла в голову еще одна метафора для его описания – опера. Когда мы слушаем арию главного героя, мы можем быть целиком поглощены ею и не замечать пения, движения, действий других персонажей: они сливаются с общим фоном, предназначенным для фокусирования нашего внимания на главной музыкальной партии. Но это не значит, что их нет или что они не играют свои роли. Их голоса взаимодействуют с голосом главного героя, они воздействуют на него, а он на них. В это же

самое время каждый взаимодействует и оказывает влияние и друг на друга, но при этом продолжает собственную микроарию, собственное существование. В следующий момент все может измениться и голос из толпы станет ведущим, а бывший мгновение раньше главным героем отойдет на второй план, но не исчезнет.

Квантовый психоаналитический интерполилог на сценах интерпереноса может представляться как абсолютный хаос или казаться монологом с одной-единственной арией. Но в реальности это живое развивающееся многоголосье, где каждый говорит что-то свое, но все вместе это воспринимается как нечто единое и несущее целостный заряд. Когда мы слушаем «Хованщину», в момент грандиозной групповой постановки мы не стараемся расслышать, о чем поет каждый участник этого невероятно многочисленного хора. Скорее мы позволяем себе расслабиться и ощутить то единое состояние, которое рождается в процессе взаимодействия между разными голосами.

На первый взгляд кажется, что, используя квантовый способ размышления, я могу сказать, что человек по аналогии с микрочастицей развивается и живет, подобно разветвляющемуся руслу реки или ветвистому дереву, сразу во всех возможных прошлых, настоящих и будущих психических состояниях, в вечно расширяющемся мире внутренних параллельных вселенных. Это, возможно, было бы красиво и гармонично, но, к сожалению или скорее к счастью, психическая реальность человека не столь романтична. Сохраняя эти ветвящиеся образы, но вспоминая о волновой природе нашей психики, о ее амбивалентности и неустранимой конфликтности, я понимаю, что все эти психические динамические состояния-ветви, существующие с определенной (не равной нулю!) вероятностью, еще и находятся в сложных, часто чрезвычайно конфликтных взаимоотношениях друг с другом, многократно переплетаясь, создавая болезненные или доставляющие радость узлы, очаги напряжения, области относительной гармонии, потенциально опасные зоны одновременно в каждый момент нашей жизни.

Все это звучит для классически образованного психолога или психотерапевта не как здравые рассуждения, а скорее как абсурдные или хуже бредовые фантазии из глубин одного из известных измененных состояний сознания. Но позволим клиническому опыту высказать свое суждение на этот счет.

В конце первого года анализа г-н К. рассказал мне о сновидении, которое как оказалось позже, отражало многие аспекты его внутренней реальности. «Большой зал, заполненный людьми. Впереди – президиум с важными персонами. Я сижу на самом последнем ряду, спрятавшись за спинами. В центре президиума – женщина. Внезапно ее лицо перекашивается то ли от боли, то ли от злости. Я пугаюсь, но в следующий момент она превращается в маленькую девочку, зовет меня и, когда я подхожу к ней, берет меня за руку и уводит из зала. Мы проходим какую-то перегородку

между этим миром и каким-то иным. Там высокая гора, и мы начинаем карабкаться на нее. Очень трудно. В какой-то момент я обнаруживаю, что я и есть эта маленькая девочка, и подниматься становится легче. Не знаю, дошел ли я до вершины или нет, но, когда я спускался вниз, нас опять было двое. Дальше я вижу как бы со стороны двух лежащих мальчиков. Они боятся подняться и перейти за перевал, в наш мир. Оттуда доносится металлический скрежет, как от ножа, шум. Один из мальчиков, более взрослый, все-таки встает и переходит через границу. Он сильный, спортивный, на нем одни плавки. Второй, маленький, остается лежать в том мире».

С каждым годом шестилетней психоаналитической работы возникший между нами интерперенос постепенно проявлялся посредством различных психических сцен, нашедших свое символическое выражение в этом сне.

На кушетке в моем психоаналитическом кабинете лежит мальчик-подросток, тренирующий свои мускулы, ущемляющий свою плоть, старающийся «сделать самого себя» для того, чтобы суметь противостоять обидчикам, унижающим его во дворе, но в первую очередь дома. Отомстить отцу, которого он воспринимает как садиста, издевающегося над женой и детьми.

Маленький мальчик, всеми силами стремящийся стать девочкой, лежащей у груди матери. Он уверен, что, если у него это получится, мама снова возьмет его к себе. Я вижу горькие слезы двухлетнего ребенка, переживающего, что мама прогнала его, отодвинула от себя сначала своим большим беременным животом, не позволяющим ему обнимать ее, как раньше, потом испугала его перекошенным от родовой боли лицом и сейчас поместила на его место рядом с собой маленькую сестренку.

Мне передается его возбуждение, которое он испытывает, спрятавшись под одеяло и подглядывая через щелочку сцену сексуальных отношений отца и матери под металлический аккомпанемент скрипучей железной родительской кровати, стоящей в противоположном углу комнаты.

Я слышу неуверенного и робкого мужчину, опасавшегося меня перебить, старающегося скрыться за рациональными и неживыми конструкциями своей речи, «сидящего на последнем ряду и прячущегося за спины людей», чтобы не попасть на глаза психоаналитику из президиума.

Я ощущаю некоторый страх перед взрослеющим мужчиной, для которого прошлое перестало существовать – под ним была подведена черта, которая отделила его и от всех теплых чувств: к матери, отцу, сестре, жене, дочери, психоаналитику, к кому-либо еще. Подросток, ставший наконец железным человеком.

Мальчик увлекает меня за собой в сладость и запретность потустороннего мира – мира своих тайных детских снов и фантазий, закрываясь

с головой одеялом и убегая таким образом от криков, ударов и шума драки на кухне. Только в этом мире он может дать волю своим инфантильным сексуальным желаниям и фантазиям. Только здесь мать наконец принадлежит только ему одному. Он не хочет просыпаться и возвращаться в эту жестокую реальность. Лучше остаться лежать и продолжать пребывать в сладких грезах.

Я чувствую удовольствие от работы с этим умным и мужественным человеком, находящим в себе силы воспринимать свои различные состояния, открывающиеся в ходе свободных ассоциаций о сновидении, эмоционально выражать себя перед лицом (и в отношении) аналитика, совершать свои маленькие и большие открытия, радоваться вновь обретенной способности фантазировать, говорить все, что приходит в голову, чувствовать себя свободным и ощущать творческое отношение к самому себе и к собственной жизни.

Одновременно с мальчиком, жаждущим мщения и находящимся под властью тайного желания стать спасителем матери, избавиться от отца и занять его место рядом с ней, оживает и уже прогнавший отца из дома юноша, ожидающий возмездия, переполненный чувствами вины и страха.

Передо мной предстает жесткий, если не сказать жестокий, отец, страдающий от переполняющей его злости и ярости и, кажется, стремящийся разрушить все вокруг себя. Его металлический голос напоминает мне о пугающих звуках за перегородкой, о ножах и обо всем, что режет и угрожает кастрацией.

Подросток, смело перешагивающий границу, отделяющую его от отца, ищущий его одобрения, поддержки, гордящийся им и собой, сидящими высоко в небе, в кабине подъемного крана (отец был крановщиком) – отец дал ему эту возможность, – и сейчас он управляет всей этой машиной, перемещая очень тяжелые бетонные плиты, что сопровождается сильным металлическим скрежетом.

Мы не можем видеть в рассказанном пациентом сновидении более взрослых женских образов, с которыми пациент бессознательно идентифицируется, но в других его снах они отчетливо обнаруживаются. Скрытая женственность пугает гомосексуальностью, но проживание и принятие в анализе этих женских, пассивных, эмоциональных состояний рождает в пациенте способность быть нежным, заботливым, чувствительным, ощущать привязанность без потери собственной мужской идентичности.

Кто остается лежать в том ином пространстве?

Маленький мальчик, осознавший невозможность превратиться в девочку, отчаявшийся приблизиться к матери и опустивший руки? Или мальчик, отказавшийся вставать и идти навстречу отцу и тем самым кастрировавший себя самого, опережая ожидаемое им действие отца? А может быть, это тот самый мальчик, который стремился поскорее уснуть

и убежать в глубоко эмоциональные, а временами и остро эротические сны своего детства? Уснуть и не возвращаться в реальность?

Я ставлю эти вопросы не для того, чтобы дать на них ответы. Моя задача показать, что *одновременно* в квантовой реальности интерпереноса существует *бесконечное множество* различных состояний, жизненных сценариев, голосов. Я могу выбирать некоторые из них, заостряя внимание пациента на них, предлагать ему свое собственное видение – ту или иную режиссуру в соответствии с той или иной психоаналитической стратегией, но что действительно важно, чтобы мы оба были способны слышать многоголосье, одновременно участвовать в постановках на совершенно различных сценах и пытаться уловить их скрытые многомерные смыслы.

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что я описываю все сцены и состояния интерпереноса в настоящем времени, хотя, казалось бы, все это происходило с пациентом в далеком прошлом, да и в нашей работе открывалось в течение более чем трех лет. В анализе эти состояния интерпереноса не проявлялись последовательно в соответствии с хронологией жизни пациента. Нельзя даже сказать, что они появлялись вперемешку. Точнее, они *всегда были*, но ни сам пациент, ни я не могли их разглядеть и почувствовать. Однажды выйдя из тени, они уже не исчезают полностью, но все время напоминают о себе эмоцией, образом, ощущением, интонацией, жестом, новым поворотом сюжетной линии на их сцене. Связанные с одним сновидением, описанные мною выше немногочисленные интертрансферентные состояния, наряду с бесконечным множеством других, оставшихся в тени и не проявленных, сосуществуют в анализе не в прошлом пациента, а в *настоящем* интерпереноса.

Квантовый психоанализ: интерперенос и интерпретация

В описанной в начале статьи позиции аналитика как «путешественника-исследователя» в свою очередь скрывается новый парадокс. Если мы путешествуем, то мы теряем способность исследовать. Если исследуем, то перестаем путешествовать. В аналитическом процессе мы путешествуем внутри интерпереноса, во многом теряя субъектность. В исследовании аналитик занимает позицию субъекта-наблюдателя, а пациент превращается в объект исследования. Интерперенос при этом исчезает, а путешествие прекращается. Какой же выход? Поиск баланса между исследователем и путешественником? Опять неразрешимая дихотомия классического подхода. В этой статье я продолжу развивать квантовый подход к пониманию психоаналитического процесса, представленный в других моих работах (Россохин, 2010).

В отличие от популярного заблуждения, в квантовой физике объекты не являются ни частицей, ни волной. Они всегда имеют одновременно свойства и частицы и волны (сравни с кентавром). Если выразиться точнее, то квантовый объект находится с определенной вероятностью одновременно

«везде и сразу» – в каждой точке пространства и в любое время. Такое нахождение квантового объекта одновременно во всех его возможных состояниях называется в физике суперпозицией.

Еще одно заблуждение состоит в том, что при любом наблюдении происходит коллапс волновой функции, и квантовый объект, находящийся до момента наблюдения в суперпозиции, мгновенно принимает только одно из всех возможных состояний. Приводящее к схлопыванию суперпозиции внешнее влияние должно быть не просто пассивным наблюдением, а достаточно активным воздействием на объект, например попыткой точного измерения какой-либо его характеристики. Однако и в случае активного воздействия все не настолько очевидно. Согласно мысленному эксперименту с «кошкой Шредингера», мы никогда не можем точно узнать ни почему происходит схлопывание суперпозиции, ни в какой момент оно произойдет, ни к какому конкретному результату оно приведет.

Известно только, что это схлопывание и, соответственно, выбор одного из бесконечного числа возможных состояний зависит от частоты измерения состояния объекта. Чем чаще и настойчивее попытки понять и определить состояние, тем быстрее оно изменится самым непредсказуемым образом. Однако квантовые явления носят изначально вероятностный характер, и он принципиально неустраним. Вселенная – это набор вероятностей, возможностей, поэтому при выборе одного из состояний все остальные продолжают потенциально присутствовать с соответствующими вероятностями.

Согласно копенгагенской теории (Нильс Бор и Вернер Гейзенберг), приводящее к коллапсу волновой функции наблюдение происходит, когда классический объект вмешивается в квантовый мир, который в результате теряет свою квантовость и превращается в классический.

В другой теории «многомировой интерпретации» (Хью Эверетт) вторгающийся в квантовый мир измеряющий объект (активный наблюдатель) представляет собой не классический объект, а точно такой же квантовый, как и тот, который он стремится измерить. Соответственно, оба объекта, «волновой» и «наблюдающий», находятся каждый в своей квантовой суперпозиции с потенциально бесконечным спектром возможных состояний. Их взаимодействие, в отличие от теории Бора, не приводит к схлопыванию исследуемого объекта до одного из состояний, а, напротив, порождает новое бесконечное множество миров-состояний, неразрывно включающих в себя элементы обоих объектов.

Вспоминая здесь о своей кентаврической метафоре, я мог бы даже сказать, что процесс возникновения Кентавра концептуально очень близок теории многомировой интерпретации. Два объекта, дикая лошадь и всадник, каждый в своей собственной квантовой суперпозиции, встречаясь и взаимодействуя друг с другом, приводят к возникновению нового квантового объекта «Кентавр» с новым, присущим только ему бесконечным спектром кентаврических состояний.

Но все не так просто. В одном из потенциально возможных миров действительной встречи не состоится и каждый останется при своих – дикая лошадь и всадник, Оно и Я, пациент и аналитик. В другом – всадник полностью подчинит себе лошадь. В третьем – лошадь подчинит его себе (патологическая привязанность к конкретной лошади).

Все остальные бесконечные комбинации потенциально могут привести к совершенно различным состояниям Кентавра, от самых ужасающих и грубых до заботливых и мудрых, как это прекрасно описано в античной мифологии.

Как же не потеряться в этих психоаналитических суперпозициях и иметь возможность не только пребывать в квантовых состояниях интерпереноса, но и осмысливать, прорабатывать, интерпретировать их?

Наверное, все помнят детскую игру: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура замри». Ребенок свободно двигается (волна-процесс) и в момент произнесения ведущим «замри» замирает в некоторой телесной позе-фигуре (частица). Дальше эта фигура символизируется и интерпретируется. Для ее осмысления находят соответствующие образы и слова. После этого все снова повторяется – ребенок продолжает движение из застывшей позиции и свободно двигается вплоть до следующего «замри». Морская фигура оживает, волна движется до следующей остановки.

В психоаналитическом процессе каждое слово, которое аналитик произносит вслух, а не внутри себя, производит воздействие, аналогичное слову «замри» в игре. Оно приводит к мгновенному «замиранию» волны интерпереноса, превращению ее в статическую «морскую» фигуру. Волновой свободно-ассоциативный психоаналитический процесс при произнесении аналитиком слова, превращается в частицу.

Важно осознавать, что, в отличие от детской игры, волновой психоаналитический процесс в этот момент продолжает свое движение. Он замирает только на поверхности, на освещенной части психоаналитической сцены, продолжая свое движение за кулисами. Волновой процесс интерпереноса продолжает жить своей психоаналитической жизнью. Мы думаем, что мы ухватили его, и это так и не так одновременно. «Мгновенье... продлись, постой» (Фауст) – в это мгновение мы что-то небольшое можем ухватить – фактически в момент произнесения слова. Но сразу же мы всё теряем, «танцующая» волна уже ускользнула из наших рук. Два утверждения совершенно равноценны: «мы действительно что-то ухватили» и «в этот же момент мы это потеряли».

Все это подобно наблюдению за облаками в небе. Мы видим облако и фантазируем о нем. Это маленький слон с большими ушами, тянущийся своим огромным хоботом к соседнему облачку. Мы продолжаем эту фантазию, а облако живет своей собственной жизнью. Уже через несколько секунд его уши начинают таять и исчезать, его фигура вытягивается,

и спустя всего минуту слон превращается в длинного голодного питона. Мы действительно что-то ухватили из жизни облака и в этот же момент потеряли.

Когда мы наблюдаем за течением горной реки, следим за гребнями волн, маленькими и большими завихрениями и водоворотами, мы можем на мгновение приостановить поток, выхватив из него какой-то образ, удерживая его и играя с ним. Мы можем даже начать его рисовать, дополняя его своими фантазиями. Но горная река при этом ни на мгновение не остановится, а продолжит свое движение, из наблюдения за которым мы вышли. Невозможно постоянно наблюдать за горной изменчивой рекой. Тем более невозможно погрузиться во взаимодействие с ней. Точно так же, как совершенно невозможно, глядя ночью в звездное небо, долго удерживать ощущение бесконечности Космоса. Мы невольно цепляемся за статические образы – ищем известные созвездия или рисуем их сами, ждем падающие звезды, чтобы загадать желание, или просто переключаемся на плавное движение светящейся точки-спутника.

Интерпретация – это наша попытка обуздать квантовую волну интерпереноса, превратить ее в фигуру-частицу, которую можно осмыслить и выразить в словах.

Даже частично проживая психоаналитический процесс внутри волны интерпереноса, аналитик переживает тревогу от незнания, непонимания, страх потери контроля, даже идентичности. Любое наше вслух сказанное слово, фраза, вопрос, уточнение или интерпретация – это наша попытка справиться со страхом пребывания в этой волне, с невыносимой неопределенностью ее постоянного движения и изменения, подчиняющимся своим, совершенно непонятным нам законам. Чтобы справиться с тревогой, нам нужно обмануть себя и успокоить, подтвердив себе, что «на самом деле я знаю, что происходит, я все это контролирую, управляю этим». Интерпретация – это попытка превратить волну в частицу, незнание в знание, бессознательное в сознательное. Чем сильнее наш страх проживать волну интерпереноса, без-умие вдвоем, тем больше мы говорим и интерпретируем в ходе анализа. Но мы и не можем осознавать полностью это без-умие встречи с Другим как Чужим в принципе. Мы можем только выхватывать себя из него на некоторое время и размышлять о нем – о «морских фигурах».

Без настоящей встречи с Другим как с Чужим не может быть настоящего психоаналитического процесса. Но настоящая кентаврическая встреча с Другим – это всегда без-умие, всегда *folie à deux*. Нужно хотя бы немного отказаться от власти и доминирования ума и сознательного контроля, чтобы разрешить себе встретиться с Другим, а не с самим собой, со своими проекциями, стереотипами, кальками, трафаретами Другого. По большому счету мы можем осознать только небольшие составляющие этой формирующейся между нами кентаврической квантовой волны интерпереноса. Все остальное останется неосознанным в нашем взаимном

пространстве без-умия, которое принципиально вне нашего контроля и осознания. Это точно также справедливо к нашим без-умным сновидениям, особенно к тем, которые мы видим каждую ночь, но не вспомнили о них и уже никогда не вспомним. Останавливая на мгновение танец интерпереноса, мы можем осознавать только небольшие его составляющие, которые в следующее мгновение уже изменятся. Все остальное – *folie à deux* – без-умие встречи с Другим, которое не осознается и проживается бессознательно.

Поэтому самые ресурсные состояния и важные моменты и в сессиях, и в психоаналитическом процессе возникают тогда, когда мы ощущаем полную беспомощность, уязвимость, невозможность понять, осмыслить, заставить эту фигуру замереть, обуздать ее, описать в словах, проинтерпретировать происходящее хотя бы для самого себя. Дальше у нас возникает тревога утонуть в этом пугающем нас потенциальным индивидуальным безумием кентаврическом без-умии вдвоем, страх раствориться в нем, потерять границу между собой и иным, явью и сновидением, реальностью и фантазией, раствориться в реври (сновидении наяву). И мы начинаем активно действовать, отреагировать, защищаться – понимать, осознавать, интерпретировать, прорабатывать, прибегать к теоретическим концепциям, опираться на теории знаменитых аналитиков, включать свое профессиональное аналитическое Я, которое должно немедленно понять, что происходит, и освободить от тревоги. В результате мы выходим из процесса с помощью уже не внутренних, а произнесенных во вне слов и фраз, и выбиваем тем самым из процесса и пациента также.

Говоря о необходимости принимать без-умие вдвоем (*folie à deux*) и погружаться в него как о главном смысле нашей психоаналитической работы, нужно ясно осознавать, что в этом интертрансферентном процессе существуют две крайности или, точнее, волновые хвосты кривой нормального распределения. В одной из них аналитик сопротивляется созданию Иного (интерпереноса) с неосознанно кажущимся ему чужеродным и пугающим пациентом или, напротив, неосознанно рассматривает пациента не как Другого, а как знакомый объект своего внутреннего мира. Происходит отказ от встречи с действительно новым, неизвестным, чужим. В другой крайности аналитик проваливается во внутреннюю реальность пациента, становясь ее объектом. В обоих случаях речь идет или об отказе от встречи, или о подчинении, «приручении» одним другого. Или ковбой, приручая дикую лошадь, «ломает» ее и делает ее своим безвольным рабом, или дикая лошадь понесет с риском сбросить и затоптать потерявшего контроль седока. В обоих хвостах интерпереноса речь идет не о *folie à deux* (без-умии на двоих), а о *folie à un*³ (безумии на одного), так как в психоаналитическом кабинете оказываются не два пациента, а один аналитик или один пациент.

³ Для разделения описываемых психоаналитических феноменов я ввожу неологизм *folie à un*, которого не существует во французском языке.

В случае, если встреча двух людей, субъектов, их сознаний и бессознательных, а точнее, двух интерсознаний состоялась и продолжается, то развитие интерпереноса, его изменение и квантовый «танец» также может подталкивать интерперенос от центра в сторону того или иного хвоста, угрожая «поглотить» или аналитика, или пациента. Именно опасения этого как раз и могут побуждать аналитика неосознанно делать все, что необходимо, чтобы сохранять уверенность в том, что он способен удерживать *Иное* на своей половине, контейнировать и перерабатывать его в знакомое и понятное. Само *Иное* при этом ускользает, а у аналитика возникает иллюзия, что он может контролировать перенос пациента и собственный контрперенос, управлять бессознательным в аналитическом кабинете, что в этом случае и делает его «демиургом». Поэтому проживание бессмысленных состояний контрпереноса или, точнее, волны интерпереноса, где даже внутреннее слово не рождается, где ты вообще ничего не понимаешь – это самое дорогое в психоаналитическом процессе. Чем дольше мы способны это выдерживать без крика «фигура морская замри» (так как уже невозможно), без интерпретационного отреагирования, тем, на мой взгляд, психоаналитический процесс будет эффективнее.

Интерперенос, как многомерная нелинейная волна, захватывает все спектры, все пространство и в любой момент существует во всех своих проявлениях, аналогично кошке Шредингера в квантовой физике. Мы понимаем, что речь идет не только о двух состояниях, а о всех потенциально возможных состояниях «кошки». То есть фактически все потенциально возможные состояния интерпереноса сосуществуют одновременно. Все возможные фигуры «замри» существуют в одной и той же точке одновременно с самого начала процесса. Соответственно все будущие состояния сопротивления, инсайтов, отыгрываний – все они уже существуют с самого начала процесса.

Это то, что крайне сложно увидеть в реальном психоаналитическом процессе. Как правило, мы привыкли рефлексировать одномерные проявления переноса и контрпереноса, сохраняя «классическое» (в отличие от квантового) психоаналитическое слушание и взгляд. Мне тем не менее представляется критически важным развитие аналитической способности не только переживать, но и стремиться осознавать совершенно различные пласты интерпереноса, сосуществующие в один и тот же момент психоаналитического процесса. Но в любом случае нам никогда не удастся вывести из тени на свет все его бесконечные состояния, что, конечно, и не нужно.

Психоаналитику важно поддерживать непрерывно пульсирующую профессиональную идентичность (от слияния к сепарации и обратно) – проживание квантового *Иного* интерпереноса (без-умие вдвоем) и аналитическое наблюдение за ним, возвращаясь в классическую позицию отдельного психоаналитического Я.

Квантовая психоаналитическая интер-суперпозиция: спрятавшийся Леонардо да Винчи

Два человека встречаются друг с другом для проведения аналитической работы. У каждого из них есть своя собственная жизнь, своя идентичность, свой внешний и внутренний мир. Рассматривая происходящее между ними взаимодействие с *классической точки зрения*, мы можем увидеть и описать возникающие у одного из них переживания, фантазии, ассоциации, воспоминания как перенос, у другого – как контрперенос. Одновременно очевидно, что большая часть их переживаний взаимосвязана, является продуктом взаимодействия бессознательное-бессознательное и проявляется в игре переноса-контрпереноса. Концепция психологической химеры Мишеля де М'Юзана как раз описывает эти феномены. Аналитик ловит образ химеры и, используя его, формулирует свою интерпретацию.

Если же мы решимся взглянуть на происходящее с *квантовой точки зрения*, то мы обнаружим описываемую М'Юзаном химеру лишь как одну из бесконечного множества возможных – статический образ, выхватываемый вспышкой света на одной из сцен танцующего в темноте интерпереноса. В классической картине этому внезапно ворвавшемуся в сознание аналитика образу химеры придается большая значимость, вплоть до проникновения в самую глубинную суть проблемы пациента. С квантовой точки зрения этот образ не более, чем одна из множества химерических фигур «замри». Придавать важное значение одной из этих химер – означает потерять контакт с продолжающей свой танец квантовой волной интерпереноса.

С квантовой точки зрения для аналитической работы встречаются не просто два человека с отдельными сознанием и бессознательным, а два интерсознания, каждое из которых находится в квантовой суперпозиции, то есть с разной вероятностью сосуществует во всех возможных состояниях. Согласно теории многомировой интерпретации, встреча двух объектов в суперпозиции создает третий, который будет рождаться «между ними» и также находиться в суперпозиции. Чтобы сделать акцент на аспекте «между ними», я ввожу новое понятие интер-суперпозиция для обозначения квантового состояния возникающего интерпереноса. **Интер-суперпозиция** означает, что квантовая волна интерпереноса живет и развивается одновременно в самых различных состояниях на бесконечных психических сценах.

Небольшая часть из этих последних отражает взаимодействие гребня интерсознания аналитика и хвоста интерсознания пациента. Тогда на этих сценах у аналитика существует устойчивое ощущение (вместе с тем являющееся иллюзией), что он живет своей жизнью, полностью независимой от пациента. Аналогично на сценах, где доминирует гребень интерсознания пациента, такое же ощущение есть и у пациента. На всех остальных бесконечных психических сценах с различными взаимодействиями многомерных нелинейных волн двух интерсознаний возникают совершенно

различные перипетии интер-суперпозиции интерпереноса – волны сталкиваются гребнями, рождают водовороты и вихри, поглощают, усиливают друг друга, создавая самые причудливые волновые спектакли. И все это одновременно, хотя и с разной вероятностью.

Квантовая волна интерпереноса может максимально пробуждаться, активизироваться и пульсировать в ходе сессии, отходя за кулисы между сессиями. Но она никогда не исчезает из психического мира обоих участников процесса. В другие моменты она, напротив, может мощно проявить свою активность вне аналитического кабинета, сохраняя пассивность внутри его, – мы называем это отыгрыванием (пациента или аналитика) вовне.

Выраженное в словах аналитическое наблюдение за этой постоянно изменяющейся квантовой волной интерпереноса может быть совершенно различным – от максимально пассивного до чрезвычайно активного. Последнее аналогично полному включению света. Так как сделать это аналитик способен только на самой ближней сцене, то весь интерперенос продолжит свою жизнь в полной темноте, а на свету окажутся только два «реальных» персонажа – пациент и аналитик, только что давший предельно рациональную интерпретацию, идущую от его сознания к сознанию пациента.

Напротив, максимально пассивное наблюдение будет сделано даже не в полутьме, а на грани исчезающего рефлексивного света – тихим голосом, если не шепотом, предельно односложно, с самым минимальным рациональным воздействием. Классические примеры: тихое «угу...», «м-м...», «и-и...» с совершенно разными интонациями. Такое наблюдение-воздействие совсем немного подсвечивает «танец», не стремясь ухватить его и зафиксировать в каком-либо одном химерообразном виде.

Чем ярче рефлексивный прожектор, тем сильнее воздействие на квантовую волну интерпереноса и, соответственно, тем с меньшей вероятностью нам удастся ее отследить. Мы сможем ухватить только ее образ до воздействия. Это как использовать яркую вспышку света, чтобы понять танец, разворачивающийся в полной темноте. Что-то зацепить удастся, но подобный перевод квантового процесса в классический, чтобы его проанализировать и интерпретировать, может сыграть плохую службу. При этом легко выдать желаемое, ожидаемое за действительное; свою конструкцию за проявление интерпереноса.

Все наши словесные интерпретации можно редуцировать и разместить на линии по степени активности воздействия на интерперенос. Тогда аллюзивные, намекающие интерпретации будут сохраняющими контакт с квантовой волной, а многословные, объясняющие интерпретации будут направлены на прояснение происходящего на ближних психических сценах.

Однако подобный линейный классический взгляд на интерпретацию в любом случае несет в себе чрезмерную редукцию и демиургическую заряженность. Мы снова возвращаемся в парадигму: аналитик воздействует, пациент изменяется.

С квантовой точки зрения ни одна интерпретация, которая звучит в аналитическом кабинете, не принадлежит ни аналитику, ни пациенту. Она зарождается в первичном бульоне интерпереноса, на одной из его бесчисленных психических сцен, постепенно обретает образную, а затем и словесную плоть и кровь, поднимаясь из первичного на уровень вторичного процесса интерпереноса, и затем выражается в словах одним из участников аналитического процесса. Весь свой путь до материализации во внешней реальности она проходит в интер-суперпозиции, принимая в конце пути одно из множества возможных проявлений. Этот переход из квантовой интер-суперпозиции интерпереноса в единственное классическое состояние происходит мгновенно, когда «кто-то» внутри аналитика или пациента принимает решение сказать именно это или обнаруживает себя говорящим.

С моей точки зрения, говоря о возникшем в рамках классического подхода понятии интерпретации, следует четко понимать квантовую *интер-трансферентную* природу ее происхождения. Поэтому в разрабатываемом мною квантовом психоанализе я называю процесс зарождения и созревания интерпретации вплоть до момента ее произнесения вслух **интер-интерпретативным**. Процесс беременности завершается рождением ребенка, в котором неразделимо живут оба его родителя. Аналогично интерпретация рождается в ходе такого интер-интерпретативного процесса. Я мог бы даже сказать, что по-настоящему мутационная интерпретация – это результат и конечная точка длительного процесса «беременности» интерпереноса, в ходе которого сначала в глубинах его первичного бульона зарождается определенный инсайт, развивается, постепенно поднимаясь на уровень вторичного процесса, созревает и в какой-то неведомый для обоих участников анализа момент рождается в словах, высказываемых одним из них. Не так важно, кто из них был роженицей, а кто отцом, перерезающим пуповину. В любом случае распределение по этим ролям возможно только в последний момент схлопывания квантовой реальности до классической – только на самой ближней ярко освещенной психической сцене. На всех остальных сценах такого разделения нет, там живет квантовая волна интерпереноса, в которой неразрывно присутствуют интерсознание и пациента и аналитика. Понятно, что в условной первой четверти психоаналитического процесса и «рождающей матерью» и «отцом», разрезающим пуповину и дающим отдельную жизнь интерпретации, преимущественно является аналитик. Но если анализ идет достаточно хорошо, то уже во второй четверти процесса пациент все больше становится «матерью» для возникающих интерпретаций, иногда начиная примерять на себя и роль «отца». В третьей четверти его внутренняя способность поддерживать процесс созревания интерпретации

усиливается, а отцовский функционал начинает все больше крепнуть. Наконец, в последней четверти пациент обретает способность быть одновременно и матерью и отцом своего внутреннего интерпретативного процесса. Совместная работа аналитика и пациента завершается, внешний анализ прекращается, но он переходит во внутренний, бесконечный анализ, в котором переставший быть пациентом человек сохраняет контакт уже не с интерпереносом, а со своим собственным интерсознанием. Он продолжает внутренний аналитический процесс, в котором он уже без аналитика поддерживает встречу Я и Оно, становится матерью и отцом своих новых инсайтов и интерпретаций, приводящих к рождению его собственного психического *Иного*.

Осознание квантовой природы интер-интерпретационного процесса может помочь аналитику быть значительно более чувствительным к совершенно разным, даже противоречивым и кажущимся взаимоисключающими психическим пьесам, разыгрываемым одновременно на множестве сцен. В квантовом мире не доминирует кто-то один, ни аналитик, ни пациент. Психоаналитическая судьба интертрансферентного кентавра, того самого Иного, которое возникает в психоаналитическом пространстве, зависит не только от каждого из участников процесса, но все больше и от самого Кентавра, от степени его психической зрелости и способности развиваться психоаналитически, осмысляя, прорабатывая, развивая и понимая самого себя, свою интер-трансферентную природу в ходе интер-интерпретативного процесса.

Невероятно сложно продемонстрировать эти концептуальные рассуждения на клиническом материале, но я попробую хотя бы немного заглянуть за квантовую ширму.

На первой встрече у меня были противоречивые чувства в отношении Николая. С одной стороны, я увидел перед собой взрослого, независимого, хорошо одетого и состоявшегося мужчину, подчеркнуто отстраненного и самодостаточного.

Комментарий. Это мое вполне разумное, рациональное, несколько оценочное восприятие, которое я рефлексирую. На первый взгляд кажется, что это никакой не контрперенос и не то, что имеет хоть какое-нибудь отношение к интерпереносу. Однако это не так. Согласно квантовой интер-суперпозиции, не только то, о чем я думаю на сеансе, но даже и все то, что со мной происходит вне сеанса, имеет отношение к интерпереносу. Конечно, это будут совсем незначительные хвостовые колебания волнового процесса интерпереноса, но все же их вероятность не равна нулю.

С другой стороны, по мере его рассказа о своих проблемах я почувствовал его поиск доброго, но в то же время авторитетного отца.

Вроде бы это уже хорошо известный контрперенос. Но контрперенос бывает разный. Он зависит от степени участия в нем сознания,

от рефлексивной активности этого моего наблюдения (в данном случае самонаблюдения), от моих инвестиций в него, от того, как я его интерпретирую, насколько уверен в своих выводах. В зависимости от этого квантовый мир интерпереноса предстанет передо мной в той или иной классической форме. Используя метафору многомерного нелинейного театра с бесконечным множеством сцен, можно понять это следующим образом. Чем ярче рефлексивный свет одного прожектора, тем с большей вероятностью он выхватит только одну сцену или даже небольшую ее часть. Более приглушенный и менее сфокусированный свет позволит рассмотреть большее количество сцен и даже обнаружить уходящие в кромешную темноту контуры множества других площадок. Что на них происходит, мы не сможем ни понять, ни представить, но хотя бы мы будем знать об их существовании.

Так как контрперенос – это также волновой процесс, только распространяющийся в классическом, а не квантовом, измерении, то часто под ним мы понимаем его верхушку, видимый гребень, что в реальности составляет лишь сознательную часть контрпереноса (осознанный контрперенос). Многие психотерапевты уверены, что контрперенос – это те наши чувства, которые мы осознаем в ходе работы с пациентом. Однако это не более чем сознательный спектр контрпереноса. Использование такого сознательного контрпереноса базируется на идее, что эмпатию, лежащую в основе контрпереноса, можно и нужно сознательно развивать и тренировать, «погружаясь» в другого человека и изнутри стараясь прочувствовать его переживания.

Напротив, в проективной идентификации аналитик принимает эти переживания в себя, бессознательно идентифицируется с тем, что на него проецирует пациент. Аналитик одалживает пациенту свой психический аппарат, служит контейнером, в который помещается не переработанный пациентом опыт, прорабатывает и возвращает ему его. Здесь речь идет о бессознательной природе контрпереноса. Но как и в случае сознательного контрпереноса, так и здесь, это взаимообмен между двумя психиками. Мы сознательно и бессознательно обмениваемся разными психическими продуктами. Аналогично в концепции Мишеля де М'Юзана химера функционирует как совместный аппарат для двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика одалживаются анализируемым.

Осознание аналитиком происходящего психического взаимообмена чрезвычайно важно, но фиксация такого взгляда на аналитический процесс структурирует аналитическую реальность как классическую, полностью затемняя ее квантовость и, соответственно, делая недоступным контакт со множеством других состояний, где нет взаимообмена двух отдельных объектов, а есть третий квантовый объект, находящийся в интерпереносе.

Проще говоря, если мы ориентированы только на аналитическое осмысление игры перенос-контрперенос и происходящего бессознательного психического взаимообмена, то это означает, что мы схватываем интерперенос только на видимых психических сценах – в статических фигурах «замри», фокусируем свое внимание на образах «частиц» (различные химеры), теряя при этом сам волновой процесс интерпереноса.

Я же вижу главную задачу анализа в сохранении аналитиком контакта с квантовой многомерной волной интерпереноса, а не только через ее схватывание посредством многочисленных классических проявлений в виде игры переноса и контрпереноса – через химерообразные фигуры «замри».

Последнее аналогично тому, как рассказывать о танце, реализуемом в темноте, о его сути и смысле по редким флэш-образам, остающимся при вспышках. Это, конечно, дает определенную информацию, но было бы чрезвычайно наивно полагать, что только на основании таких дискретных флэш-образов мы сможем понять танец.

Другая крайность – не пытаться ухватить волну интерпереноса, присвоить ее, переработать, контейнировать, интерпретировать, а стремиться «пробывать» в ней. Это как «отдаться» танцу, проживая его, чувствуя и переживая без попытки его осмыслить и отрефлексировать. Для того чтобы это стало возможным, необходимо выйти из собственной идентичности в направлении без-умия, навстречу пульсирующей волне интерпереноса.

Всадник должен выйти из своей идентичности навстречу лошади, чтобы родился кентавр. Если всадник будет стремиться залезть в голову и душу лошади, чтобы ее лучше понять и помочь ей стать домашней лошадью, все, чего он сможет добиться таким образом – это навязать ей свою волю, заставить быть своим объектом, потерять свою идентичность, не обретя новой. Это будет не кентавр, а всадник на своей лошади, которая ему во всем подчиняется и следует его «доброжелательным» побуждениям. Только в кентавре лошадь сохраняет свою субъектность, обретая новую идентичность кентаврического Я. В этом случае она не объект проработки, контейнирования, развития, лечения и т.п. Она – самостоятельный субъект, решивший создать новую кентаврическую сущность с человеком. Если всадник не выйдет из своей идентичности, то никакого кентавра не будет. Точнее, он будет, но будет уродливым, в котором у раздутого нарциссического Я ковбоя появится еще одно нарциссическое продолжение – обузданный, а точнее, низведенный до объекта конь.

Нам нужно научиться терять свою идентичность, чтобы вновь обрести ее – новую, *иную*. Разрешить себе, своему интерсознанию включиться в квантовое приключение с Другим интерсознанием. И вот это разрешение и стремление к кентаврическому слиянию с другим позволит хотя бы немного начать чувствовать квантовую волну интерпереноса, неизбежно формирующуюся и развивающуюся вне нашего желания и контроля. Полностью проживать ее, как, например, лошадь в кентавре, аналитик никогда

не сможет и не должен. Одновременно у него формируются другие интерпереносы с разными пациентами, с женой или мужем, детьми, друзьями и коллегами по работе. Все мы в той или иной степени продолжаем жить в интертрансферентных отношениях с нашими родителями, живущими или умершими, с их родителями и в целом со всеми поколениями нашего рода. У нас формируются такие квантовые психические волны даже с нашими домашними животными, особенно с теми, кто играл важную роль в нашей жизни. Кроме того, даже лошадь не посвящает себя полностью своей новой кентаврической идентичности. Параллельно она развивает другие отношения, например, с теми, кто за ней ухаживает, кто с ней играет, с другими лошадьми рядом с ней.

Самая небольшая деперсонализация, некоторый выход из своей идентичности вызывает у нас естественную сильную тревогу. Собственно развитие устойчивости, толерантности к этой тревоге и способность к деперсонализации, как раз и обретаются в ходе личного анализа. Но основное сопротивление погружению в интерперенос кроется в принципиальной невозможности полностью ощутить, осознать его нелинейный многомерный танец – поэтому нам так страшно. Это как попытка погрузиться в бесконечный Космос, всматриваясь в звездное небо. В любом случае мы можем уловить только небольшую его часть. Все остальное будет навсегда скрыто от наших глаз и никогда не откроется, в том числе и для взгляда астрономов.

Сколько бы лет анализа не было, каким бы эффективным он ни был, мы никогда не будем способны осознать всю бессознательную глубину интертрансферентных отношений с пациентом. В противном случае это отражало бы идею, что квантовую волну интерпереноса можно постепенно поставить под сознательный контроль, контейнировать, проработать. Но с квантовой точки зрения это означало бы лишь то, что сам интерперенос (бессознательное в аналитическом кабинете) продолжил бы жить своей собственной жизнью, а мы бы «эффективно» прорабатывали перенос и контрперенос, которые представляли бы собой только одну из бесконечного множества возможных химер интерпереноса, одну из фигур «замри».

Пульсирующая, развивающаяся по своим неведомым нам законам квантовая волна интерпереноса практически тотально бессознательна и становится осознаваемой только в редкие моменты схлопывания ее интерсуперпозиции, когда она обретает привычный нам «классический» статус. Моя фраза: «Я почувствовал его поиск доброго, но в то же время, авторитетного отца», – описывает как раз такое схлопывание. Я что-то почувствовал и тут же заключил это в рамки контроля-понимания: «Я подумал в связи с этим о возможном отцовском переносе в будущем». Быстрый рефлексивный флэш и быстрая гипотеза, интерпретирующая мои чувства. Это действительно моя гипотеза-интерпретация возникшей фигуры «замри»? Или это пациент неосознанно заставляет меня именно так чувствовать и думать? Или все-таки это мое прикосновение к уже

разворачивающейся с самого начала первой сессии квантовой волне интерпереноса? Попытка ее ухватить, вместо того чтобы позволить себе проживать ее?

Если же мы ищем именно волнового, а не дискретного, частичного (от слова частица) осознания и понимания в работе с пациентом, то мы можем стараться наблюдать квантовый интерперенос с разных сторон, чувствовать и осмысливать его в разных классических проекциях, на разных доступных нам в текущий момент психических сценах.

Но внезапно и совершенно неожиданно для себя я постепенно, в ходе все той же первой встречи, начал ощущать теплые чувства к пациенту, желание позаботиться о нем. У меня промелькнула фантазия, в которой я успокаиваю его, укачивая на руках как очень маленького ребенка.

Сознательно я чувствую его поиск отца во мне, и вдруг у меня возникает смутное ощущение, что я хочу быть для него скорее матерью, чем отцом. Откуда это возникло? Эти неожиданные переживания и фантазии проявились не в результате рефлексивного осмысления ситуации, попытки понять, что он хочет от меня, что ищет во мне, каков его возможный перенос. Конечно, они могут быть следствием проективной идентификации, когда пациент «побуждает» меня занять материнскую позицию. Скорее всего, так и есть, но только в проекции многомерной квантовой волны интерпереноса на классический психоаналитический экран.

Я убежден, что крайне важно одновременно с этим классическим взглядом на разворачивающуюся ситуацию удерживать и проявляющийся контакт с квантовым интерпереносом. С этого ракурса мы можем увидеть разыгрываемые одновременно различные пьесы на психических сценах нелинейного многоуровневого психоаналитического театра. На одной из них, ярко освещенной сцене я продолжаю общение со взрослым и независимым мужчиной. На другой, с достаточно хорошим освещением, – я предстаю в виде авторитетного и доброго отца, выслушивающего мальчика-подростка. На третьей сцене, практически в полутьме, я уже молодая женщина, качающая на руках младенца и готовящаяся накормить его молоком из своей груди.

Где-то в глубине тем не менее я почувствовал некоторое напряжение, которое после встречи связал с его внутренним еле заметным вовне возбуждением и тревогой.

Это то, что я ощутил где-то на границах моих эмпатических возможностей в данный момент, но о чем у меня не было ни малейших фантазий, ассоциаций, чувств. На самой сессии я никак не мог, да и не стремился это осмыслить. Однако уже после ее завершения мне, видимо, все-таки потребовалось себя успокоить, что я и сделал, защитным образом связав мое напряжение с переживаниями пациента.

Мои небольшие клинические зарисовки, кажется, ясно демонстрируют, что любое прикосновение к волне интерпереноса включает у аналитика защитную потребность немедленно рационально осмыслить, от-рефлектировать, означить переживаемое им и тем самым овладеть этим, поставить под свой контроль. Это защитный процесс, но одновременно и процесс постепенного понимания пациента. Мы не можем познавать неизвестное без формирования одного «мифа» за другим, перехода от одной гипотезы к другой, от незнания к некоторому знанию, постепенно углубляя и развивая его.

Однако с квантовой точки зрения все выглядит совершенно иначе. Мы в принципе не можем соприкоснуться с тем, во что мы и так полностью погружены. Точнее будет сказать, что каждое рефлексивное осмысление возникает не от прикосновения с волной интерпереноса, а вследствие защитного выныривания из нее. Рефлексия как спасательный круг выталкивает нас на поверхность в те моменты, когда нам или перестает хватать воздуха двигаться вместе с волной, быть ее частью, или мы выныриваем от тревоги, страха, невыносимости некоторой потери собственной идентичности. Выныривая, мы включаем аналитическую рефлексивность и тем самым схлопываем квантовость интерпереноса, переводим его в знакомый и успокаивающе понятный нам классический вид. Мы обнаруживаем себя уже не внутри постоянно изменяющейся многомерной волны, а на твердой поверхности с четкими границами. Успокаиваясь, мы осмысливаем происходящее и формулируем гипотезы. Чем слабее устойчивость аналитика к деперсонализации, тем более невыносимым ощущается им проживание интерпереноса, тем быстрее и резче он будет «всплывать», возвращаться из квантовой в понятную ему классическую реальность, тем чаще он будет прибегать к психоаналитическим теориям и авторитетам, чтобы защититься от того особенного уникального интерпереноса, который возникает у него в работе с конкретным пациентом.

Мать, которую на одной из сессий он назвал «Снежной королевой», и отец Николая пили, по его словам, без перерыва все его детство и юность. Единственным теплым пятном стал переезд семьи в квартиру к бабушке, когда ему было 6 лет. Бабушка стала для него самым любимым и любящим его человеком, замещающим материнским объектом. Она внезапно умерла, когда ему было 13 лет. После этого он погрузился в пучину депрессии, при этом никак даже не пытаясь переработать боль от ее потери и не проделывая работу горя.

С самого начала чувствуя желание окружить его теплом и заботой, как его любимая бабушка, я внезапно поймал себя на ассоциации – стремлении «залечить его раны». Я спросил себя в связи с этим: «от каких ран я хочу его излечить?». Ответ казался очевидным: от непережитой боли, связанной с потерей бабушки.

Это первый прозвучавший внутри меня рефлексивный ответ-интерпретация моего желания позаботиться о нем как бабушка был

очевидным и разумным. Было понятно, что как его аналитик, я хочу помочь ему залечить раны от не пережитого горя, связанного с потерей бабушки. Но что-то не давало мне согласиться с этим. Нельзя было сказать, что он совсем не переживал боль от потери бабушки. Он много и долго плакал после ее смерти. Понятно, что работа горя была проведена лишь частично и в самой глубине себя, Николай до сих пор «магически» верил, что бабушка жива и вернется к нему. Но одновременно у меня было странное ощущение, что рана была глубже.

Внезапно я услышал внутри себя: «От боли, связанной с потерей матери». Это была парадоксальная ассоциация, которая очень удивила меня, так как его мать была жива и не болела ничем серьезным.

Эта внезапно возникшая фигура «замри» заставила меня быть более чувствительным к скрытым сторонам разворачивающегося между нами интерпереноса. Что я почувствовал изнутри этой квантовой волны? На каких других менее освещенных сценах разыгрываются сюжеты о ранах Николая и обо мне как о его исцелителе? Идет ли речь о психической сцене, где в раннем детстве Николая мать не давала ему нужного внимания, заботы, любви, так как много пила и поэтому психически отсутствовала? Но в моей ассоциации речь шла о боли, связанной с потерей матери, – так, как если бы его мать умерла. Оказался ли я в момент своей ассоциации на сцене, представление на которой было посвящено сюжету о его страхе возможной потери матери? Или на сцене, где он желает смерти матери? Действия на всех этих сценах, безусловно происходили одновременно на разных проекциях интерпереноса в классическое пространство. Такие сцены возникают при схлопывании интер-суперпозиции квантового пространства интерпереноса, в результате которого проявляются бесконечные фигуры «замри», классические психические сцены нелинейного многомерного театра. Поддерживаемый контакт с квантовой волной, проживание происходящего внутри ее позволяет аналитику открывать эти дискретные сцены и вместе с пациентом интерпретировать театральные постановки, разыгрываемые на них.

«Перепрыгивая» с одной сцены на другую, аналитик может приблизиться к границе света и тьмы – туда, где очертания новых, уходящих в полную темноту сцен еле видны. Где-то там, на одной из них, мне почудилось, что за образом «Снежной королевы» прячется любящая мать его самого раннего детства.

Возможно, его мать не была сначала холодным, замкнутым и безэмоциональным объектом для него. Возможно, она была достаточно теплой и хорошей в первые полтора года жизни Николая. Возможно, после внезапной потери своего отца и последующей за этим через несколько месяцев смерти матери, она погрузилась в глубочайшую депрессию. Возможно, будучи не способной пережить колоссальную боль, она замкнулась в своем горе, начала пить, втянула в пьянство слабого, неспособного

ее поддержать мужа и отгородилась от маленького сына. Теплая всемогущая мать превратилась в холодную «Снежную королеву».

Я спросил себя, что было до этой настигшей его мать трагедии? Был ли Николай долгожданным ребенком, любила ли его мать, как она его любила? Любил ли его отец? Отгородился ли и он от маленького сына, запив вместе с женой? Неужели действительно могла произойти очень быстрая трансформация образов матери и отца в его раннем внутреннем мире? Николай был совершенно уверен, его мать была полностью отсутствующей и не интересовалась им с самого момента его рождения. На мое предположение о любящей матери раннего детства он ответил категорическим отказом.

Я не продолжил эту тему, в том числе и потому, что я сам не был уверен в своих предположениях: мало ли что мне могло показаться на дальних рубежах интерпереноса! Но в ходе разворачивающегося психоаналитического процесса я продолжал сохранять чувствительность к соответствующему материалу, что в результате сыграло чрезвычайно важную роль в последующем анализе.

С самого начала анализа, утверждая, что не любит и боится видеть сны, так как в них оживают его страхи, он рассказывает о своем первом за время анализа сновидении только через три месяца после начала нашей работы. В этом сновидении он стоит напротив женщины-индианки. Она была внутри закрытого ящика, крышка которого была стеклянной, и поэтому Николай мог видеть ее. Женщина была одета в индийское сари. «Я знаю ее, но не помню, кто это. Ей было примерно 30 лет. Она смотрела на меня, и я смотрел на нее. Ее тело было по пояс в земле. Все это происходило ночью, внутри этого ящика был красный свет и поэтому эту женщину окружал красный свет. Она улыбалась мне улыбкой Джоконды». В своих ассоциациях он говорит, что такими ящиками закрывают на зиму каменные статуи в парках Москвы и что, с другой стороны, этот ящик напоминает ему гроб.

Мне сразу вспомнилась моя прогулка по Архангельскому зимой. Я был поражен весьма сюрреалистической картиной парка, в котором статуи были полностью закрыты деревянными ящиками. Это было как кладбище статуй.

«Это могла бы быть статуя Будды», – сказал Николай и тут же добавил, что «эта женщина была сексуальной. Сама атмосфера была сексуальная. словно какая-то таинственная, не пережитая мною любовь, интерес, страсть. Она меня соблазнила своим видом, улыбкой...». И, словно успокаивая себя, он добавляет: «Сон был созерцательный, и эта фигура женщины была очень статичная, неподвижная, как, впрочем, и я. Я чувствовал, что я не мог двигаться, да я и не хотел двигаться. Мне было важнее просто смотреть на нее».

Я обратил внимание Николая на то, что, будучи по пояс в земле, женщина тем не менее была одного роста с ним, что означало, что она в реальности была в два раза выше его. Удивившись этому обстоятельству и немного помолчав, Николай произнес: «Она была как Божество, как предмет культа, который ожил и с которым я мог общаться».

Я заметил, что маленькому ребенку мать кажется огромным и божественным существом. Он ответил: «У этой женщины были черные волосы, как у моей матери... но я уверен, что это была не моя мать». Внутри себя я сразу же вспомнил хорошо известный пример Фрейда, описанный в его статье об отрицании: «"Вы спрашиваете, кем может быть этот человек в моем сне. Это не моя мать". Мы уточняем: "Следовательно, это и есть его мать"»⁴ (Freud, 1925, p. 234). Разумеется, я ничего не сказал Николаю об этом.

Думая о 30-летнем возрасте женщины во сне Николая, я спросил его, в каком возрасте мать родила его, и услышал ответ: «Мама родила меня в 28 лет. Я помню, что я восхищался ею в раннем детстве, она была божественно красива». После некоторого молчания он добавил: «Я помню свое самое раннее воспоминание. Бабушка взяла меня из колыбельки и поднесла к печке, чтобы показать мне огонь. Я часто вспоминаю это».

Я сказал: «Огонь красный». Он связал огонь с красным светом внутри ящика и продолжил: «Пламя в печи вызвало у меня восхищение. Оно освещало лицо бабушки, когда она держала меня на руках. Языки пламени, казалось, играли у нее на лице».

Я был очень удивлен этому внезапному сну Николая, который, кажется, подтверждал мои догадки о возможных переживаниях двухлетнего ребенка, мать которого, «окаменев» от горя, связанного с «гробами» своих родителей, стала для него недоступной и закрытой богиней. Однако красный свет, огонь и тепло от печки, скрытая сексуальность женщины во сне опровергали образ матери как Снежной королевы. Было ли это только отражением бабушкиного, а не материнского тепла и сексуальности? Или этот красный свет символизировал спрятанную эмоциональность матери – ту, которую иногда чувствовал Николай, например, когда перед сном она читала ему рассказы на ночь? Красный свет, как и пламя в печи, были, кроме того, запретными (запрещающий знак светофора) и опасными (огонь).

На ближайшей психической сцене мы словно видим прямое подтверждение того, что эта индианка (вера в реинкарнацию в Индии!) – один из образов его бабушки, которая не умерла, а реинкарнировала и продолжает жить как Божество. Бабушка действительно была объектом культа для него на протяжении всей жизни после ее смерти. Он продолжал

⁴ "You ask who this person in the dream can be. It's not my mother.' We emend this to: 'So it is his mother" (Freud, 1925, p. 234).

боготворить ее и в течение анализа, понадобились годы работы, чтобы он, проведя полноценную работу горя, смог освободить свою память о реальной бабушке от написанной поверх иконы. Образ бабушки предельно поляризован на идеальный, прекрасный и отвратительный, ужасающий (Баба-яга). Передний план сцены – фигура божественной бабушки, гроб со стеклянной крышкой, оживший культ. Бабушка продолжает быть живой в квантовых глубинах его внутреннего мира, он не хочет делать работу горя, чтобы продолжать сохранять связь с ней – как он убежден, с единственным человеком, который его любил всем сердцем.

Даже с классической точки зрения в первом сновидении пациента не может не проявиться перенос. С квантовой точки зрения любое воспоминание о сновидении – это результат схлопывания интер-суперпозиции, проекция квантовой волны интерпереноса, танцевавшего свой танец во время сна пациента, во внешний классический мир бодрствующего сознания и образование статической фигуры «замри» – памяти о сновидении. Соответственно, в любом сновидении пациента (как и в сновидении аналитика) всегда присутствует и перенос и контрперенос. Очевидно, что в большинстве сновидений аналитика, которые он видит на протяжении всей работы с пациентом, интерперенос, связанный с их работой, может быть практически не виден, так как он проявляется лишь посредством своей хвостовой волновой части. Однако, и мы это увидим дальше, он может напоминать о себе и гребнем, занимая все пространство сновидения.

Что касается этого сновидения, то, вне всякого сомнения, в одной из психических реальностей я был божественной бабушкой, объектом культа – умершим и одновременно живым. В другой – я, казалось, был материнской фигурой (Джоконда). В третьей – играл роль женственного бессмертного Будды. На всех этих сценах я был недоступным объектом, которому нужно или поклоняться или почтительно рассматривать за бронированным стеклом (картина Джоконды в Лувре). На других сценах, где ящик был гробом, я был непосредственно связан со Смертью – с ужасающей репрезентацией все той же бабушки. Эта вторая «темная», смертоносная репрезентация ставит свой спектакль на дальних планах трогательной сцены с пламенем в печи. Здесь место материнско-бабушкиного персонажа занимает Баба-яга, похитившая младенца и готовящаяся приготовить его на огне в печи, чтобы сожрать.

На той же сессии, вновь погружаясь в квантовый мир волны интерпереноса и в следующий раз выныривая из нее в классический мир, вместе с пациентом мы становимся участниками других постановок, несомненно связанных со всеми предыдущими в квантовой реальности, но не имеющих взаимосвязей в классическом мире.

На этой новой предельно статической сцене мать и младенец, находящиеся на определенном расстоянии, неотрывно смотрят в глаза друг другу. Больше ничего не происходит. Время, кажется, остановилось. Нет ни движений, ни слов, ни явно выраженных чувств. Смысл жизни каждого

из них в этом взгляде. Говорят ли они друг с другом с помощью глаз? Какие чувства в них передаются? Что в них отражается? Из зрительного зала мы это не видим, не понимаем, не чувствуем. Но мы одновременно и внутри этой сцены. Каждый из нас, и я и пациент, мы проживаем обе роли одновременно.

Действительно, в сновидении единственный контакт Николая с индианкой – глаза в глаза. Это материнский, первичный контакт с ребенком, но лишенный телесности. Более того, между ними непреодолимая дистанция, как если бы каждый из них стоял на краю бесконечно глубокой пропасти и не мог сделать ни шага навстречу другому. Сохранение контакта глазами любой ценой – в нем весь смысл и трагизм этого сюжета. Для них двоих за пределами сцены ничего нет. Никакого другого мира вне этого контакта глазами не существует. Удержание его критически важно для маленького Николая, как если бы эта женщина своим взглядом признавала его существование. Если она не будет смотреть на него или вдруг закроет свои глаза, он исчезнет. Пока есть ее взгляд, он существует. Если он позволит ей умереть в своем внутреннем мире и ее глаза закроются, его глаза закроются вместе с ее глазами, он умрет вместе с ней.

Теряя квантовую интер-суперпозицию интерперенос порождает в классическом мире бесконечное множество различных психических сцен. Мы способны рассмотреть лишь небольшую их часть, но, переводя внутренний взгляд с одной сцены на другую, мы можем немного увеличить их количество. Постановки на всех этих сценах идут одновременно, не прерываясь и не заканчиваясь. Переходя от одной сцены к другой, мы теряем продолжение сюжета на первой. Но если не переходим, а остаемся смотреть только один спектакль, то теряем всю квантовую психическую многомерность и становимся заложниками только одной химеры, одного сюжета, одной фигуры «замри», всего одной проекции интерпереноса в классическую реальность.

Предположим, некая химера вторгается в сознание аналитика в определенный момент аналитического процесса. Если у него возникает искушение мгновенно использовать ее для осмысления, понимания, интерпретации «здесь и сейчас», то теряется важнейший контакт с квантовой волной интерпереноса. Возникающую из глубин интерпереноса химеру можно метафорически описать как внезапное освещение одной из дальних психических сцен. Технически в этот момент у аналитика есть выбор из двух возможностей. Первая – фокусирование всего своего внимания на происходящем на этой сцене с целью более глубокого понимания пациента и формулирования соответствующей интерпретации. Вторая – использование этого внезапного освещения для того, чтобы разглядеть очертания происходящего на соседних дальних сценах, расположенных на разных уровнях вокруг освещенной. Это может помочь увидеть очертания других химер в многомерном мире интерпереноса и хотя бы немного подглядеть за их движением. Аналитик продолжит наблюдать, хотя и не так ясно, за первой химерой, но одновременно получит возможность встретиться и с другими.

Лично я уверен, что одной из важнейших задач аналитика должна стать попытка разглядеть как можно больше химерических сюжетов, разыгрываемых на совершенно разных сценах, а не гнаться за одним из них. Исследование только одной химеры подобно включению мощного сфокусированного прожектора. Ярко освещая одну конкретную сцену, он одновременно затемняет все остальные сцены вокруг. Интерпретация, основанная на сюжете, разыгрываемом на этой одной сцене, полностью лишает аналитика доступа к другим сценам и их химерам, фактически «убивая» множество других потенциально возможных интерпретаций. Если же мы откажемся от яркого сконцентрированного света в пользу мягкого рассеянного, приглушенного, распространяющегося во всех направлениях и подсвечивающего многочисленные сцены многомерного театра, то в награду получим не одну, а целое множество потенциально возможных интерпретаций. Этот процесс во многом аналогичен нашему стремлению при пробуждении удерживать в сознании по возможности большее количество сновидений, в противовес концентрации только на одном из них с целью его запомнить. Какую одну из потенциального множества интерпретаций выберет аналитик, или он просто продолжит следовать за квантовой волной – ему решать.

Важно то, что он останется в контакте с продолжающей свой танец квантовой волной интерпереноса и одновременно «разрыхляет» интер-интерпретативное пространство, насыщая его множеством потенциально пророщенных семян-интерпретаций. Какая из них прорастет первой, чей росток пробьется наружу и станет видимым для обоих – это тайна психоаналитического процесса. Отсутствие тайны и удивления может говорить о другом происхождении ростка – его предварительном проращивании в контейнере-рассаде на «подоконнике» аналитика и последующей посадке в удобренную почву пациента. В этом случае никакой неожиданности и удивления у аналитика не будет.

Но вернемся к клиническому материалу.

Присматриваясь, мы видим другие сцены. Внезапно я попадаю на улицу красных фонарей Амстердама, где с детским любопытством и возбуждением смотрю на освещенную красным светом женщину за стеклом. Я почти окаменел от напряжения, так как мне страшно, что мое возбуждение будет обнаружено, я всеми силами прячу его. Одновременно, я и эта манящая, соблазняющая, зовущая молодая женщина, обещающая фальшивую любовь на короткое время.

Внезапно луч света выхватывает из самой темноты Джоконду. На этой сцене мужчина в одиночестве стоит в темном зале Лувра перед картиной. Он подходит к ней, трогает ее руками, вглядывается в нее, стремясь поймать ее улыбку. Но чтобы он ни делал, между ними сохраняется непреодолимая преграда – бронированное стекло, через которое невозможно преодолеть. На холсте Джоконда изображена по пояс, в точности также, как и индианка в сновидении. Важен ли здесь

акцент именно на материнский взгляд и улыбку или есть еще и скрытое стремление к груди матери? Генитальность (вагина) похоронена в земле? Вместе с бабушкой? После ее смерти у женского объекта осталась только грудь с молоком, но и та недоступна?

Если аналитик продолжает сохранять контакт с интерпереносом, а не стремится немедленно структурировать, осмыслить, ввести в теоретические рамки аналитический опыт, то в его переходах от сцены к сцене нет линейной последовательности, нет стройных и ясных цепочек ассоциативных перемещений. В противном случае это было бы движением в рамках одной и той же классической сцены. Он не идет последовательно от первичного процесса ко вторичному, не поднимается с прегениального уровня на генитальный, не двигается от поверхности вглубь и т.п. Мы точно также квантово прыгаем от сцены к сцене, когда утром при пробуждении «хаотично» переходим от одного сновидения к другому, пытаюсь удержать их все в поле своего внимания и постепенно осознавая свою неспособность это сделать. Что-то нам удается удержать, все остальное мы неизбежно теряем. Но каждая сцена рождает в нас множество вопросов, не ищущих быстрых ответов. Эти вопросы оживляют, подсвечивают, разрыхляют пространство интерпереноса, делая аналитика более чувствительным ко всем возможным перипетиям развития психоаналитического процесса.

Все предыдущие сцены словно убеждали нас в силе привязанности Николая к материнско-бабушкиным объектам, с которыми были связаны смысл жизни, само существование, сексуальность и теплота, запрет, недоступность, угроза, страх, ужас и смерть. Отцовские, мужские репрезентации практически полностью отсутствовали (за исключением Будды) и даже казались неуместными в этом многомерном представлении детско-материнских прегенитальных отношений. Видимо, как-то так иногда в анализе возникает материнский «гипноз», в который попадает аналитик. Иногда мы называем это прегенитальным болотом, из которого ему очень трудно выбраться, особенно потому, что он не осознает, что в него все больше погружается вместе с пациентом. Это происходит от того, что аналитик и пациент попадают на одну-две психические сцены, которые как Сирены в античных мифах полностью завладевают их сознанием. Слушая бесконечное усыпляющее пение о матери и ребенке, аналитик и пациент отказываются от продолжения психоаналитического путешествия, оказываются полностью заблокированы в ограниченном психическом пространстве, в котором продолжает разыгрываться одна и та же пьеса в различных ее вариациях.

Сохранение контакта с квантовой волной интерпереноса – это единственная страховка от «зависания» в одной-единственной химере, на одной сцене, в одной классической реальности. Схлопывание волны порождает множество сцен, что не позволяет отдавать предпочтение какой-либо из них. Как и при просыпании, если мы будем стремиться понять, какое сновидение для нас самое важное, то потеряем и большую часть его

самого, и все остальные. Если же отпустим себя и позволим себе переходить от одного сновидения к другому, то у нас есть шанс увидеть более многомерную картину.

Так было и здесь. Внезапно и совершенно неожиданно для меня, я оказался на сцене вместе с Леонардо да Винчи. Джоконда – это картина, которую нарисовал мужчина. Всматриваясь в материнско-бабушкин образ, удерживая контакт глазами, возможно, Николай стремился разглядеть в них своего отца, слабого мужчину, прячущегося за матерью или скрытого ею? Или, напротив, всемогущего божественного отца, создавшего (нарисовавшего) ее? Ведет ли он скрытый диалог с отцом посредством матери, через нее? Хочет ли он, чтобы Отец-создатель написал и его портрет, вдохнул в него новую жизнь, сделал его таким же великим и известным, как и он сам? Наделяя меня творческой силой Леонардо, ожидает ли он от меня чудесного исцеления, нового образа себя, подобного великому Творцу? Или он заворуженно и не смея сдвинуться с места наблюдает за первосценой, непостижимой связью Отца (Леонардо) и Матери (Джоконда), выраженной в картине? Но он сам нарисовал все это в своем сновидении. Означает ли это, что на этой сцене он сам ощущает себя великим художником, отцом, под чьей кистью послушно оживает мать? Леонардо да Винчи великий, но всё же обыкновенный человек, который умер, но одновременно он победил смерть и стал бессмертным, благодаря Джоконде. Ищет ли Николай такого же великого бессмертия, рисуя в своем внутреннем мире бабушку как ожившее божество или нетленный образ?

Мой взгляд перемещается на другую сцену, где Леонардо рисует красивого молодого человека (его ученик Салаи), служащего ему прототипом для Джоконды. И вот уже мы не в материнском, а целиком отцовском мире, где разыгрываются сложные отношения отца и сына. Николай здесь занимает место матери в первосцене? Или рисует другого как свое подобие? Внезапно в этот отцовско-сыновний мир вторгается взрослая сексуальность. Согласно одной из версий, у Леонардо были гомосексуальные отношения со своим учеником, и это выносит на сцену ощущение возбуждения и запретной инцестуозной страсти (красный свет светового фона), опасности (огонь), вины и наказания (гроб).

Мы видим одновременное со-существование совершенно разных планов и пластов психики, эдиповых и преэдиповых, первичных и вторичных, материнских и отцовских.

В одном только красном свете пересекается множество ассоциативных линий: доступная сексуальность Амстердама (улицы красных фонарей), освещенные красным светом и стоящие за стеклом женщины и мужчины, тотальный запрет (красный свет светового фона), тепло и еда (огонь в печке), любовь и забота (языки пламени, играющие на лице бабушки), угроза и смертельная опасность (огонь в печке у Бабы-яги), наказание (красная обивка гроба).

Что-то из всех этих сцен мне удастся почувствовать и успеть осознать в ходе сессии, но большая часть приходит ко мне потом – вечером, когда я еду домой; на следующий день во время еды; через неделю, когда я занимаюсь любовью; через месяц на сессии с Николаем; через год во время работы с другим пациентом; сейчас, когда я пишу эти строки. Я просто привел разные ситуации, но на самом деле я представления не имею, когда квантовая волна интерпереноса схлопнется и мне удастся подглядеть за ее внутренней жизнью, остановив ее на мгновение и затем осмысливая возникшую фигуру «замри». Как бы то ни было, в любом случае все вышеперечисленные сцены представляют собой лишь ничтожно малую часть бесконечного множества психических сцен многомерного интерпереноса, которые возникают только при одном схлопывании интерсуперпозиции интерпереноса. Каждое новое «наблюдение» приводит к рождению нового бесконечного множества психических сцен со своими постановками и сюжетами. Они, конечно, будут как-то связаны и пересекаться по смыслу с предыдущими, но они никогда не будут их прямым продолжением.

Всю основную часть наших переживаний внутри интерпереноса нам никогда не дано осознать. Она проходит в абсолютной темноте, куда луч сознания в принципе не может добраться. Однако в некоторой степени доступные для осмысления психические пьесы интерпереноса проживаются нами практически во всех сновидениях, которые мы видим в период длительного анализа и долгое время после него. Каждое утро мы вспоминаем лишь небольшое количество ночных сновидений. Остальные уходят безвозвратно. Даже в тех, что мы запомнили, часто чрезвычайно сложно обнаружить хвосты интерпереноса с тем или иным конкретным пациентом. Как правило, мы связываем сновидение с пациентом только в том случае, если оно принуждает нас к этому. Во всех остальных случаях интерперенос успешно остается в тени. Поэтому самый таинственный уровень контрпереноса – это полностью неосознаваемый контрперенос, который уже никогда не получит шанса быть осознанным. Это те наши сновидения о пациенте, которые мы не помним и уже никогда не вспомним. Они навсегда останутся в квантовом пространстве интерпереноса, так и не получив права на воплощение в классическом мире. Следующий уровень контрпереноса – это те сновидения о пациенте, которые мы или с большим трудом выуживаем из сновидной бездны при пробуждении, или внезапно вспоминаем о них в тот же день или спустя некоторое время.

На той сессии, когда Николай рассказывал о сновидении с индианкой и когда я внезапно оказался на отцовской сцене вместе с Леонардо, рисующим Джоконду, я ощутил внутреннюю тревогу, лучше понять которую мне удалось только спустя год анализа – тогда я увидел сновидение о Николае, вызвавшее у меня при пробуждении испуг и тревогу. Именно это сновидение и открыло мне скрытую инцестуозно окрашенную сцену с Леонардо и его моделью.

Будучи абсолютно уверенным во сне, что это Николай, я играю с маленьким ребенком. Я сижу нога на ногу, он как лошадку оседлал мою правую ногу. Я держу его за руки и качаю его, поднимая и опуская правую ногу. Я чувствую во сне испуг, снимаю его со своей ноги и строго указываю на место рядом с собой. Первая моя ассоциация при утреннем воспоминании об этом сне была связана с моим страхом его гомосексуального желания, направленного на меня. Или, со страхом подумал я, может быть, у меня есть гомосексуальное желание, направленное на него. В следующий момент я вспомнил, что именно так я любил играть со своей маленькой дочкой, когда ей было 2-3 года.

2 года – это приблизительный возраст Николая, когда его мать замкнулась в своем горе (потеря родителей) и перестала быть эмоционально теплой и любящей матерью для Николая, отстранив его от себя.

Получается, что на одной из множества новых сцен, возникших в момент схлопывания интерпереноса в результате моего наблюдения за сновидением, я как холодная мать отстранил его от себя. На другой сцене я не холодная, а умирающая вместе со своими родителями мать, которая «забывает» о своем сыне. На третьей сцене – я счастливая женщина, только что родившая долгожданного сына. На четвертой – она же, но сломленная чувством вины и запивающая его алкоголем: вины перед матерью за то, что решившись сама стать матерью и дав жизнь любимому сыну, она тем самым забрала жизнь у нее, фактически убила ее; вины перед отцом за свою огромную любовь к сыну, маленькому мужчине, полностью заслонившем собой ее отца. Мать, отказывающаяся от своего ребенка из-за запрета на счастье, так как оно убило ее родителей?

Этот ход моих переживаний и размышлений в течение дня успокаивает меня, помогая убежать от тревоги, связанной с гомосексуальными желаниями. Но затем в какой-то момент вечера того же дня сцена с Леонардо да Винчи и его молодым любовником-учеником вторглась в мое сознание. Переживаю ли я чувства испугавшегося гомосексуальной близости отца, отказавшегося играть с сыном, прекратившего теплые телесные контакты и установившего жесткую дистанцию между собой и сыном? Или это страх не отца, а его собственный, который он переживал в более позднем возрасте, когда он играл и боролся с отцом и так нуждался в его теплых чувствах, ощущая холод со стороны матери? Тот страх психической гомосексуальной близости, который заставил его отстраниться от отца и держаться от него на расстоянии? Гомосексуальное желание, запрет и страх, перенесенные посредством *анреку* (Жибо, Россохин, 2005) в двухлетний возраст, когда отец провалился в депрессию вместе с матерью, оказавшись неспособным поддерживать ни ее, ни своего маленького сына?

Я увидел на других сценах, как мой страх кастрации и нежелание принять на себя его материнские и отцовские проекции продиктовал мне необходимость отодвинуть Николая на некоторое расстояние, ценой потери

контакта с его маленьким Я, ищущим телесного, сексуально окрашенного (но не инцестуозного) тепла в отношениях с отцом и одновременно на более глубоком уровне ищущим любящую мать. Знакомая всем игра в лошадку представляет собой не только веселую телесную игру между взрослым и ребенком, но также позволяет последнему получить «легитимное» мастурбационное удовольствие.

Сохраняя контакт с многомерной волной интерпереноса, удерживая в сознании разные психические сцены, проясняя и осмысляя их вместе с пациентом, аналитик неизбежно задается вопросами о том, на какую сцену/сцены обратить внимание пациента, в какой момент, какое «наблюдение» будет наиболее полезным, стоит ли интерпретировать фигуры «замри» или лучше продолжить психоаналитическое путешествие внутри квантовой волны. В любом случае способность наблюдать за раскрывающимся нелинейным многомерным театром и его постановками вне всякого сомнения не даст ему попасть в тиски одной-единственной химеры, оказаться заблокированным внутри одного сюжета переноса-контрпереноса, разыгрываемого в различных вариациях на одной и той же сцене.

Дву-смысленная идентичность: квантовый смысл чаньского изречения

Зачем нам нужен квантовый психоанализ? Зачем использовать то, что открыто в квантовой физике, исследующей внешний, «объективный» мир в психоанализе, изучающем внутренний мир человека? Не является ли это игрой разума? Желанием завернуть и так уже все известное в новую модную обертку и выдать за новую концепцию?

Квантовая физика первой вошла на нашу психологическую территорию. Именно она заявила о том, что внешний мир существует не в стабильном объективном состоянии, а представляет собой квантовую волну, находящуюся в суперпозиции. Являющееся инструментом классического мира наблюдение схлопывает эту суперпозицию до привычного нам классического состояния. То есть внешний мир никогда не существует как раз и навсегда данный и неизменный. Он всегда *иной*. И только под нашими взглядами он становится объективной реальностью. Делает ли субъективный взгляд реальность объективной и стабильной? Нет, она только кажется нам такой. Она всегда иная, и каждое новое наблюдение делает ее немного иной по сравнению с результатом предыдущего.

Психоанализ не может игнорировать квантовый подход, особенно по той причине, что весь наш клинический опыт говорит в его пользу. Возможно, самое важное и прямое доказательство квантовости человеческой психики – это наш сон. Не сновидения, множество которых мы видим каждую ночь, а весь сон целиком. Засыпая, мы теряем свое привычное нам Я, свою идентичность, знакомую картину мира. Мы находимся в каком-то совершенно неизвестном состоянии, о котором мы можем получить небольшую информацию в лучшем случае через несколько

запомненных нами сновидений. Что происходит с нами в других сновидениях? Кто мы в них? В каком мире мы оказываемся? Где мы пребываем в промежутках между сновидениями?

Мы знаем, что некоторые сновидения словно продолжают реальную жизнь. В них человек сохраняет свое Я и внешний мир остается прежним. Однако, как правило, сновидения другие. В них мы встречаемся с собой другим, чужим, иным. Будучи зрелым мужчиной, мы можем оказаться во сне женщиной, девочкой или старухой; маленьким ребенком, подростком или стариком; реальным или фантастическим животным; фрагментом строящегося дома; даже куском рыбы или надкусанным фруктом. Мы можем оказаться во сне кем угодно. Мы вспоминаем о ничтожной части из них утром и удерживаем в своем сознании, по крайней мере для того, чтобы рассказать об этом кому-либо, записать или запомнить. Эти встречи с собой *иным*, совершенно чуждым нашему знакомому Я, влияют ли они на него? Нам кажется, что если защитные механизмы психики работают хорошо, то никаких изменений не произойдет, мы успешно вытесним иные образы Я обратно в темноту, откуда они выплыли.

Называя эти встречи взаимодействием сознания и бессознательного, Я и Оно, мы тем самым изначально рисуем карту психики и ставим перед собой задачу – Я должно или контролировать Оно, или, что продуктивнее и полезнее для психического здоровья, Я должно понемногу осваивать приходящий из глубин бессознательного психический материал, плацдарм за плацдармом отвоевывая у него территорию для более свободной жизни Я. На территориях предсознательного могут обитать химеры, питающие творчество художников и писателей и/или угрожающие психическому равновесию человека.

Это знакомая нам классическая картина. Взглянем на происходящее с нами квантовыми глазами. А что, если мы *всегда* находимся не в классическом, а в квантовом состоянии/состояниях? Есть ли у нас квантовое Я (интерсознание)? Какое оно? Засыпая ночью, не возвращаемся ли мы в полностью квантовый мир, лишь иногда выходя из него в классический через те сновидения, которые мы запоминаем? И, наконец, просыпаясь и обнаруживая (наблюдая) себя реальным, не схлопываем ли мы тем самым суперпозицию квантового интерсознания до ее «заземления», проекции на классический мир в виде нашего привычного Я и окружающего нас мира?

В просоночном, промежуточном состоянии между сном и явью, это можно ощутить более точно. Я продолжаю пребывать одновременно в совершенно разных образах и состояниях, включая уже немного проснувшееся сознательное Я. Оно еще не активно, его наблюдение пока еще очень слабое и не приводит к немедленному переходу из квантового мира в классический. Таким образом, я могу переживать одновременно то, что происходит на совершенно разных квантовых сценах. Обнаружение себя при этом просыпающимся в своей кровати, в своем реальном мире, будет

проживаться не более, чем постановка на одной из сцен – не более важная, чем все остальные. Напротив, человек с психоаналитическим опытом (пациент, аналитик) будет скорее удерживать себя по возможности дольше в этом квантовом мире интерсознания, не фокусируясь чрезмерно ни на одной из сцен, а стремясь охватить по возможности разные сновидения, фрагменты которых он помнит, и хотя бы еще немного продолжить следить за действиями на этих сценах. Благодаря этому опыту, мы можем понять, что, когда мы спим, мы проживаем иную жизнь одновременно на бесконечном множестве сцен того самого нелинейного, многомерного театра интерсознания, о котором я писал выше. При мягком неторопливом пробуждении наше сознательное Я не вторгается активно в эту квантовую реальность и не схлопывает ее мгновенно до единственной ярко освещенной классической сцены нашей привычной жизни. В последнем случае переход из квантового состояния в классическое происходит мгновенно, и человек убежден, что он не видел никаких сновидений. Исчезает ли наше квантовое Я при этом? Какой тогда смысл называть «бессознательное» другим словом – «квантовое»?

Смысл в следующем. Схлопываясь до классического Я, квантовая волна интерсознания никуда не исчезает. В ее многомерном театре все пьесы продолжают свою жизнь. Просто то, что мы называем реальной жизнью, своим Я, своей идентичностью, – все это проживается лишь на одной из этих сцен. Именно поэтому в любой момент нашей «объективной реальности» квантовая волна интерсознания может совершенно непредсказуемо выйти на классическую поверхность в виде мечтательности, задумчивости, «потери себя» на некоторое время, снов наяву, грез, патологических состояний. Сохраняя основной свой гребень во время сна человека, квантовая волна его интерсознания проявляется микрогребнями в течение дня.

Когда в анализе встречаются не столько два сознания и бессознательных пациента и аналитика, сколько два интерсознания, два их квантовых Я, то возникающая между ними и развивающаяся в ходе психоаналитического процесса квантовая волна интерпереноса начинает влиять на всю «объективную» реальность каждого из них и изменять ее. Постепенно открывая в анализе квантовость своего существования, каждый участник этой встречи теряет свою идентичность, чтобы обрести ее вновь. При встрече Я и Оно у пациента с Я и Оно у аналитика, открытие квантового опыта может и не произойти. Но если их взаимодействие будет по-настоящему психоаналитическим, то они смогут открыть *Иное* между ними в анализе и, благодаря этому, обретут собственное *Иное*, иную идентичность. В том пространстве, где встретятся Я и Оно, должно возникнуть *Иное*.

В китайском чань-буддизме есть изречение: «Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками». Н.В. Абаев трактовал его следующим образом: «Хотя после всех испытаний и потрясений старый порядок

вещей восстанавливался целиком и полностью и все возвращалось на свои места, "горы становились горами, а реки – реками", в процессе интенсивной психической тренировки и саморегуляции весьма существенно менялось мироотношение и мироощущение чань-буддиста» (Абаев, 1989, с. 94). Он также ссылается на комментарий Н. Росса: «Мир остается прежним, меняется лишь точка зрения». Оба эти комментария, на мой взгляд, исходят из классического понимания внутренней и внешней реальности.

Не то же ли самое происходит в анализе с классической точки зрения? До того как начался анализ, пациент был собой, аналитик был собой. После того, как они начали анализ, пациент перестал быть собой и аналитик перестал быть собой (игра переноса и контрпереноса). После того как они завершили анализ и произошло полное разрешение невроза переноса, пациент стал другим, а аналитик снова стал собой (горы снова стали горами).

Прежде чем я опишу, как это происходит с квантовой точки зрения, я хотел бы предложить свою интерпретацию чаньского изречения. В классическом мире из какого бы нашего состояния мы ни смотрели на древние горы, они бы и не шелохнулись. Даже если бы в нашем восприятии они сюрреалистически расплылись или кубистически выстроились, в объективной реальности ничего бы не изменилось.

Однако в квантовом мире это не так. Горы всегда пребывают в ином состоянии, чем мы полагаем. Они всегда *Иные, квантово-волновые*. Любое наше наблюдение за ними, будучи инструментом классического мира, схлопывает это их квантовое *Иное* до, как нам кажется, знакомого нам, предельно стабильного и неизменного, объективного состояния. Но каждое такое схлопывание рождает *иное* состояние гор. Каждая новая классическая проекция квантового состояния представляет собой *иное*, а не возвращение к прежнему. Очевидно, что как волновая природа гор, так и их квантовая изменчивость под нашим взглядом бесконечно малы, но все-таки они никогда не равны нулю. То есть даже горы под нашим взглядом становятся *иными*, переходя из одного классического состояния в иное.

Приобретая в ходе «чаньского» процесса иной квантовый опыт интерсознания, монах навсегда сохраняет «дву-смысленное», классическое и квантовое, восприятие обеих реальностей. До того как он начал изучать чань, мир был классическим, стабильным и понятным. После того как он начал изучать чань, мир стал иным, квантовым и неизвестным. После того как он постиг чань, он обрел понимание дву-смысленности мира и себя самого. Мир и он сам продолжил быть квантовым *Иным*, и одновременно остался классическим и неизменным. В этом смысле и сам монах остался в классическом измерении самим собой, сохраняя свою идентичность, но одновременно обрел контакт с собой *Иным* в квантовом мире.

Аналогично *обоим* участникам психоаналитического процесса нужно потерять свою классическую идентичность, чтобы обрести новую двусмысленную (классическую и квантовую) идентичность – оставаться знакомым, понятным, стабильным Я и одновременно сохранять свою изменчивую и развивающуюся *квантовую идентичность*, свое квантовое Я (интерсознание). Развитие способности оставаться, одновременно, классическим *Собой* и квантовым *Иным*, *сохраняя и развивая двусмысленную идентичность: классическую и квантовую*, – возможно, это одна из главных задач психоанализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, Наука, 1989.
2. *Жибо А., Россохин А.В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа (под ред. А. Жибо и А.В. Россохина). М.: Питер, 2005, 576 с. С. 13–42.
3. *Россохин А.В.* Коллизии современного психоанализа // Антология современного психоанализа (под ред. А.В. Россохина). М.: Институт психологии РАН, 2000, 487 с. С. 23–77.
4. *Россохин А.В., Измагурова В.Л.* Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. М.: Смысл, 2004. 544 с.
5. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
6. *Bion W.* (1978) A Paris Seminar // The Complete Works of W.R. Bion. Vol. IX. Routledge. London and New York, 2018.
7. *Chervet B.* (1998) De la chimère à l'interprétation // L'art du psychanalyste. Autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan. Paris. Delachaux et Niestlé.
8. *Freud S.* (1925). Negation // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIX (1923–1925): The Ego and the Id and Other Works. P. 233–240.
9. *Freud S.* (1933). New Introductory Lectures On Psycho-Analysis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXII (1932–1936): New Introductory Lectures on Psycho-Analysis and Other Works. P. 1–182.
10. *M'Uzan M. de* (1978) La bouche de l'inconscient // Nouvelle revue de psychanalyse, 17. P. 89–98.

Interpretation in Psychoanalysis: Where Ego and Id was, there the Otherness shall be

A.V. Rossokhin

Rossokhin A.V., *Doctor of Science** in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), past-President of the Moscow society of psychoanalysts, Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

In this paper the author continues to develop his own concept of quantum psychoanalysis, in which he describes in detail the diverse quantum nature of intertransference, different states of which coexist simultaneously in the psychoanalytic process. In the course of the analysis both participants lose their classical identity in order to acquire a new dual-meaning (classical and quantum) identity and develop the ability to remain both a classical Self and a quantum the Otherness. The paper substantiates the need to change the well-known Freud's formula, which, according to the author, should take the following form: "Where Ego and Id was, there the Other shall be". The theoretical concept is illustrated by detailed clinical material.

Keywords: psychoanalysis, interpretation, transference, countertransference, intertransference, identity, quantum psychoanalysis, intersuperposition.

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Символизация и психоз Переход от матрицида в виде совершенного акта к фантазму о матрициде (часть 1)

Ален Жибо

(Перевод с фр.: О.В. Чекункова)

Translation from French:

O.V. Chekunkova)

Ален Жибо – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа, экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации, Почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов.

*«Среди сексуальных фантазмов пубертатного периода особой силой обладают те, которые отличаются универсальным характером и большой независимостью по отношению к личному опыту индивида... Это фантазм о возвращении в материнское лоно, суть которого – опыт, пережитый во время нахождения внутри материнского живота...»
З. Фрейд, 1905, заметки 1920, с. 164*

В целом мы можем определить символизацию как операцию, с помощью которой для кого-то одно будет представлять собой другое. Таким образом, если символизация может проявляться как замещение одного объекта другим, прежде всего она является результатом процесса, который предполагает наличие способности создавать репрезентации отсутствующего объекта, когда субъект способен понять, что символ не является объектом, который он символизирует.

Символизация напрямую связана с игрой воображения, создавая благоприятные условия для появления фантазматических способностей, категории времени и психического пространства. Под таким углом зрения

символизация является прежде всего механизмом против депрессии, позволяющим ограничить циркуляцию аффектов. Среди принципов системы символов и символических значений мы обнаруживаем взаимосвязь характерных элементов, сочетание которых надделено смыслом, в данном случае речь идет о формировании в бессознательной связи между двумя репрезентациями (символа и символизируемого), конечной целью при этом является связывание аффекта, который в случае отсутствия связывания остался бы свободно плавающим.

Помимо отношений замещения между двумя составляющими, символизация также представляет собой промежуточное рефлексивное пространство между субъектом и объектом, между внешней и психической реальностью, между прошлым и настоящим, и через функцию принятия социальной реальности и разделения ее ценностей перекликается с конечной целью процесса сублимации. Именно это является результатом процесса символизации, цель которого – ввести систему обмена между внутренней реальностью и межличностными отношениями. Эти характеристики процесса символизации подчеркивают важность той работы, которую проделывает субъект, когда возвращается к себе для того, чтобы лучше узнать объект и открыть его инаковость.

Данная теория символизации может акцентировать внимание либо на линейном процессе происхождения, в котором раскрываются условия, необходимые для замещения одного элемента другим, либо на символизирующей операции, состоящей из трех элементов, которая определяет структуру функционирования. Фрейд также придерживался двух концепций символизации: в более узком смысле, рассматривая процесс замещения, состоящий из двух элементов, в соотношении с *концепцией сексуальной системы символов, присущей сновидению*, которую сновидец использует, но не создает сам, это наводит на мысль, что с этой точки зрения он заменяет процесс индивидуальных ассоциаций универсальным языком, подобным тому, который используется при толковании сновидений; в более широком смысле символизация рассматривается как операция, состоящая из трех элементов, в которой истерический симптом представляет собой *мнезический символ* и описывается как результат основного личного конфликта между двумя противоположными репрезентациями, под таким углом зрения символизация соответствует совокупности психической работы, создающей эффекты искажения. Две данные концепции представляют собой для Фрейда способ сравнения и сопоставления исторических и структурных целей и задач, индивидуального и универсального, образа и языка.

Теория не существует в отрыве от процесса терапии, типичная модель которого также включает отношения, состоящие из двух «составляющих», аналитика и анализанта, при этом работа возможна только при условии наличия третичной инстанции – кадра, таким образом, аналитическая ситуация является одновременно символической и символизирующей, поскольку ее способ функционирования опирается на трехчастную структуру, именно эта структура способствует разворачиванию

процесса символизации, со всеми присущими ему моментами замыкания и раскрытия. Фрейд делает акцент главным образом на индивидуальное символическое, противопоставляя его работе культуры, открывающей измерение социального, указывая на действия символизации внутри терапевтического процесса: закрытая и повторяющаяся символизация должна превратиться в открытую и неповторяющуюся символизацию, открывающую путь для появления новой системы связей.

Теория психоза

Аналитическая работа с психотическими пациентами ставит вопрос о нарушениях символизации и о необходимости материализовать измерение третичности для того, чтобы создать благоприятные условия для психической интериоризации. Психотические тревоги были описаны Фрейдом как угроза потери дифференциации между Я и объектом, спутанность с объектом, эти тревоги порождают ярость, направленную на уничтожение объекта или самого субъекта, то, что Андре Грин (1980) описывает как устранение объекта и превращение объектного реинвестирования в создание бредовой неореальности. С этой точки зрения для того, чтобы отделить невроз от психоза, необходимо ввести континуум – от способности инвестировать объект до потери этой способности, что, согласно Фрейду, предполагало потерю способности организовать невроз переноса. В поисках специфических механизмов психоза Фрейд (1923 [1924 b]), как мы знаем, противопоставляет вытеснение – в случае невроза, отрицанию реальности – в случае психоза. Если рассматривать различия между неврозом и психозом под данным углом, потеря реальности при психозе соотносится с полным отрицанием реальности, что подкрепляет мысль о невозможности использовать перенос в качестве опоры при лечении психотических пациентов, даже в случае, если образование бредовой продукции рассматривать как «попытки выздоровления» и воссоединения с объектным миром.

В конце жизни Фрейд (1938 [1940]) возвращается к данному утверждению, чтобы указать на то, что в случае психоза *отрицание* никогда не будет тотальным: «Проблема психоза была бы простой и прозрачной, если бы отказ Я от реальности был полным и окончательным. Но, кажется, подобное происходит крайне редко, а возможно, и никогда... Из рассказов выздоровевших пациентов мы узнаем, что во время болезни в глубине их души оставался уголок, в котором, по их словам, прятался нормальный человек, *незаинтересованный наблюдатель*, позволяющий чередой нездоровых патологических фантазмов следовать друг за другом» (с. 299–300, авторское подчеркивание). Фрейд не только акцентирует внимание на функции бреда при психозе, но и делает отсылку к организации Я, отличающейся от невротической, *расщеплению Я*, подчеркивая тем самым преобладание нарциссических инвестиций над объектными.

История появления таких понятий, как диссоциация и расщепление, свидетельствует об особом внимании Фрейда, направленном на установление связи между механизмами невроза и психоза, в то время как Блейлер, который ввел понятие «шизофрения» в психиатрическое поле, безусловно, смог стать преемником идей Фрейда, представив тем не менее процесс психоза в более статичном виде; для него *Spaltung* (расщепление) представляет собой вторичный эффект по отношению к первичной дефицитарности, которая является истинной причиной разрушения психического процесса. С этой точки зрения между неврозом и психозом обязательно должен присутствовать глубокий разрыв – хиазм.

Если же рассмотреть оппозицию между неврозом и психозом в работах Фрейда (1924 *b*, 1924 *e*), можно увидеть присутствие двух неизменных защитных механизмов – вытеснения и отрицания. Понятие «форкклюзия», введенное Лаканом, допускает «разделение» данных механизмов. Либо можно рассматривать отрицание как специфическую форму вытеснения, при которой вытесняются не только репрезентации и аффекты, но также способ функционирования Я: «Вытесняющее "Я" есть "Я" вытесняемое», отмечает Жан Жилибер.

Таким образом, мы можем понять разницу в использовании термина проекция, согласно которому в случае невроза речь идет о проекции *аспектов Я*, при которой сохраняется различие между Я и не-Я, в случае же психоза речь идет о проекции *частей Я*, что ставит под угрозу сохранение границ между Я и не-Я, примером может служить патологическая проективная идентификация (A. Gibeault, 2010).

На самом деле теории, которые настаивают на существовании хиазма между неврозом и психозом, можно отнести скорее к феноменологической, нежели психоаналитической категории. В них не учитывается экономический аспект, один из трех аспектов метапсихологии, а именно психическая экономия нарциссических и объектных инвестиций и важность аффектов в отношениях между репрезентациями. Если сделать акцент на экономии нарциссических и объектных инвестиций, истинный разрыв между различными типами организаций больше не будет существовать. Таким образом, расщепление можно рассматривать как экономическое расширение защитного механизма и организацию первичного Я.

В классическом вытеснении, которое мы встречаем в невротических организациях, всегда можно связать репрезентации с аффектами. В психотических и первертных организациях, в которых превалируют нарциссические инвестиции, можно увидеть изменение экономии и провал контринвестирования. Я теряет свою функцию синтеза и больше не в состоянии делать ассоциативные связи между двумя противоположными позициями, Я вынуждено использовать отрицание и расщепление, совмещение двух противоположных позиций, расположенных параллельно друг другу в процессе мышления, для того чтобы сдерживать затапливающий Я страх распада на части.

Интересно было бы отметить, что данный континуум между неврозом и психозом позволяет понять, почему в «*Очерках по психоанализу*» (1938 [1940a]) Фрейд говорит о расщеплении Я в случае невроза: «Поскольку Оно имеет одну лишь цель – получение удовольствия, в Я преобладают соображения безопасности. Задачей Я является поддержание самосохранения, и кажется, что Оно не берет в расчет эту задачу. Я использует тревожные ощущения в качестве сигнала, который предупреждает об опасности, угрожающей его целостности» (с. 297).

Б. Розенберг (1980) отмечает, что эта специфическая тревога Я начинает действовать «когда его целостность оказывается под угрозой». Он добавляет: «Невротики могут почувствовать эту угрозу, когда внутренний конфликт становится чрезмерным, поляризованным и когда способности к синтезу и компромиссу больше неспособны справиться» (с. 26). Таким образом, Б. Розенберг рассматривает тревогу, которую можно обнаружить в синдроме деперсонализации, как тревогу потери своей целостности и идентичности, а не как совершенное расщепление Я. Если как таковое расщепление Я не существует в случае невроза, *потенциальная возможность* расщепления Я является принадлежностью человеческой психики.

И напротив, в случае психоза обнаруживается свершенное расщепление Я, которое, однако, никогда не будет в полной мере необратимым, психотическая тревога может рассматриваться как потенциал для трансформации расщепления Я в психический конфликт. Звучит парадоксально, но расщепление в случае перверсии является наиболее полным, завершенным, именно поэтому перверты в гораздо меньшей степени, чем другие люди, подвержены тревоге потерять свою целостность. Если психотический процесс можно определить через выделение отрицания и расщепления Я в качестве отправной точки, если психотическая тревога может привести субъект к состоянию, которое Ракамье (1992) определяет как «комплекс небытия», «момент зарождения психики, где происходит первичное разделение между Я и объектом», однако в данный процесс включена и возможность вновь найти путь к объектам, поскольку наличие тревоги служит доказательством того, что внутренний конфликт не полностью выброшен наружу.

Психоз включает в себя проблему матрицида, которую можно считать последствием невозможности проделать сепарацию и дифференциацию: отделение от матери предполагает, что субъект больше ее не ощущает на перцептивном уровне, на когнитивном уровне это значит, что она умерла, на уровне влечений – что она убита субъектом (М.-Л. Ру, 2014). Свершенное убийство свидетельствует о невозможности сформировать *фантазм* о матрициде. В психотическом функционировании обнаруживается использование перцептивных средств, что является признаком провала процесса символизации.

Психоз и изменения техники

Подобное понимание психического функционирования при психозе является определяющим для психоаналитических исследований, относящихся к выбору техники лечения психотических пациентов. Не начиная обсуждение различных точек зрения на особенности переноса при психозе, хотелось бы выделить статус объекта и роль проекции в психотических состояниях, определяющих его специфику. Вслед за Эвелин Кестемберг (1981), в случае психоза кажется наиболее вероятным применять скорее понятие *инвестирование переноса*, относящееся к отсутствию дифференциации имаго, нежели *перенос в полном смысле этого слова*, предполагающий наличие дифференциации имаго.

Все эти замечания, делающие акцент на важности экономического инвестирования, нарциссического и объектного, лежат в основе различных *технических изменений* при лечении психотических пациентов. Психотическое Я неспособно устанавливать объектный перенос невротического типа, в связи со сложностями в развитии интроекций и идентификаций, именно поэтому необходимо прибегать к различным изменениям в технике. В первую очередь изменения касаются *аналитического кадра*, поскольку отсутствие способности делать перенос дифференцированных имаго на аналитика является определяющим для использования различных технических изменений, отличающихся от классического анализа на кушетке: речь идет о психотерапии лицом к лицу, индивидуальной аналитической психодраме и использовании аналитического третьего. Визуальная и двигательная опора является поддержкой, обеспечивающей развитие процесса символизации, поскольку материализованный третий устанавливает границы, снижающие опасность внедрения и стирания различий между объектом и субъектом.

С этой точки зрения не стоит сразу предлагать психотическим пациентам в остром состоянии психоаналитическое лечение, вначале пациент наблюдается у психиатра в сочетании (или нет) с медикаментозной терапией. Третичная функция, осуществляемая Центром психоанализа и психотерапии (Ассоциация психического здоровья 13 округа) и психиатрическим учреждением, в данном случае играет важнейшую роль и дает пациенту возможность в достаточной мере справиться с тревогой, для того чтобы начать психоаналитическое лечение. Данный подход сильно отличается от кляйнианского, в котором психоаналитик, как, например, Герберт Розенфельд (1965), может сразу предложить психоанализ пациентам с шизофренией в острой стадии.

Технические изменения касаются также *подхода к интерпретациям*, речь идет о том, что в начале терапии следует в меньшей степени интерпретировать фантазматическое содержание бессознательного и уделять внимание особенностям психического функционирования; и только на втором этапе, когда Я пациента становится способным связывать

возбуждение со стороны влечений с репрезентациями, можно интерпретировать бессознательные фантазмы и перенос без риска взлома психики пациента.

В данном случае речь идет об интерпретациях в переносе и/или *интерпретациях переноса*, которые определяют специфику психической работы по переработке материала и появлению новых конфигураций. Создание психического пространства и появление категории времени в данном случае соотносятся с работой интерпретаций здесь и сейчас, которая снабжает «интерпретациями настоящего времени», способными запустить работу предсознательного. Эта работа по созданию связей между инвестированием личности аналитика и родительских имаго, а также связей между прошлым и настоящим предшествует появлению интерпретаций в полном смысле этого слова. Сначала аналитик должен быть скорее тем, кто создает связи, чем тем, кто знает; это значит, что нужно найти сложный путь между сверхинвестированием и дезинвестированием репрезентаций пациента (Рене Дяткин, 1983). Возможно, необходимым условием будет умение отдаться потоку репрезентаций, своих и пациента, вызывающих удивление и застигающих врасплох, и понимание того, что созданная из образов и слов конфигурация чаще всего находится по ту сторону активности логического мышления.

При работе с психотическими пациентами интерпретации в переносе часто ставят в центр внимания психическое функционирование, функцией интерпретаций в данном случае является создание переноса и аналитического процесса. Безусловно, благодаря тому, что он говорит, аналитик становится носителем проекции преследующего Сверх-Я, и, кроме того, опорой, которая помогает пациенту справиться с тревогой и проявлять интерес к интервенциям аналитика и появлению у себя новых ассоциативных способностей. Риском непосредственной интерпретации бессознательных фантазмов может стать усиление атак преследующего Сверх-Я, проецируемого на аналитика. Интерпретация в переносе создает экономические условия, необходимые для *интерпретации переноса*. Начиная с момента, когда интерпретативная функция может стать для пациента источником еще и позитивных аффектов, аналитик может напрямую интерпретировать перенос.

Если рассматривать кадр, структура которого определяется явно или неявно обозначенным основным правилом, то кадр обеспечивает условия для того, чтобы перенос был не только причиной *повторения*, но и причиной *изменений*. Функцией интерпретации, как очень верно подчеркивает Рене Дяткин (1987), является наделение смыслом не столько содержания «одного или многих элементов», сколько «психических противоречий, вызванных аналитической ситуацией» (с. 30), а именно необходимость одновременно инвестировать и защищаться от этого инвестирования, всегда наделенная эротическим смыслом. При таких условиях интерпретация может заменить словами действие и поможет проработать

конфликт между стремлением к мгновенной разрядке возбуждения и поддержанием возбуждения на постоянном уровне.

Мы можем попробовать приблизить интерпретацию в переносе к интерпретации, находящейся в связи с потоком свободных ассоциаций, наиболее близкой к уровню предсознательного, освобождающей путь для появления различных смыслов и значений, в то время как интерпретация переноса скорее ближе к интерпретации-объяснению, которая адресована системе перцепции-сознания, она более внешняя, оторвана от потока ассоциаций и в случае необходимости более однозначная и проявляющая скрытый смысл¹.

Тем не менее было бы ошибкой увидеть здесь абсолютное равенство, поскольку один тип интерпретации может рассматриваться как объяснение, а другой – может в динамике использовать принципы работы сновидения, особенно сгущение и смещение. Во всяком случае, речь идет не о выборе между двумя разновидностями интерпретаций, а скорее о необходимости прояснить процесс сочетания связывания и развязывания, который в итоге определяет движение и перемещение внутри психических систем.

Мы можем здесь вспомнить о различии, которое Мишель де М'Юзан (1994) делает между интерпретацией, приближенной к работе сновидения, которая соприкасается с цензурой между предсознательным и бессознательным, и вторичной интерпретацией, которая скорее приближается к цензуре между предсознательным и сознанием. Рене Дяткин со своей стороны различает *интерпретацию*, которая напрямую передает содержание бессознательного, и *интерпретацию*, которая скорее обращена к предсознательному. Активизация ассоциативного процесса в гораздо большей степени запускается благодаря интервенциям, нежели интерпретациям в полном смысле этого слова. Во всех этих случаях речь идет о том, что *слова* создают условия для поднятия на поверхность вытеснения и/или расщепления Я.

Кроме того, в данном случае речь идет о теоретическом и техническом подходе, отличном от кляйнианского. Э. Кестемберг (1957) отмечает: «Нам кажется... что вместо того, чтобы способствовать установлению психоза переноса, его следует избегать и двигаться в сторону невротизации психотических проявлений в переносе. Только постепенная невротизация позволит нам при работе с психотическими пациентами вновь найти потерянную грань между фантазмом и той реальностью, с которой мы сможем работать, как говорил С. Нашт» (с. 45). Она добавляет: «На самом деле, если мы заменим психотическое состояние психозом переноса, эта конструкция будет бредовой, и мы не сможем больше показывать защитный характер и при этом получать результаты, поскольку аналитик является неотделимой частью данной конструкции, кроме того,

¹ Отличие интерпретаций в или вне ассоциативного потока: ср. Д. Дункан (1989).

он представляет собой пожирающую и пожираемую реальность, с которой сражается больной и которая запрещает ему любые движения в сторону автономии, при этом крайней точкой данного защитного механизма будет аутизм или смерть» (*там же*). Данные различия между французским и британским подходами не подразумевают непримиримые противоречия. Оба подхода стремятся к единой цели – долговременным и устойчивым психическим изменениям психотических состояний, но для достижения этой цели используются различные технические правила, в которые входит кадр, а также способы и формы интерпретаций.

С другой стороны, цели переноса и аналитической работы при психотических состояниях различаются и могут даже рассматриваться как противоположные в случае холодного психоза или *не бредового психоза* и бредового психоза. Здесь представлены две различные психические экономии, которые могут привести через использование объекта и качество работы проекций к различным видам психоза. В регистре не бредового психоза или холодного психоза (*J.&E. Kestemberg, S. Decobert, 1972*) подавление аффектов и расщепление на уровне тела приводят к полному устранению символизации, в данном случае анорексия, в которой можно увидеть сходство с аутистическим уходом в психические убежища, представляет собой наиболее типичный пример.

Э. Кестемберг подчеркивает (1975), что в данном случае объект обозначен пунктиром и с ним выстраиваются фетишистские отношения, которые представляют собой единственное решение против отрицания тела и объекта, предпосылкой для которого является расщепление Я, зачастую непреодолимое и необратимое. Реальная смерть некоторых пациенток с анорексией свидетельствует об экономической силе этих примитивных защитных механизмов. Смена пола, транссексуальное решение также может рассматриваться как проявление не бредового психоза. Кроме того, тяжелые случаи психосоматической дезорганизации, которые Мишель де М'Юзан (1998) предлагает называть актуальными психозами и которые характеризуются отрицанием внутренней реальности, дефицитом ментализации и утратой либидинальной энергии, необходимой для инвестирования, можно по описанию сравнить с холодными психозами, термином Э. Кестемберг. И наконец, встает вопрос о возможных отношениях между не бредовыми психозами и пограничными состояниями.

С другой стороны, психическая экономия других психотических организаций, наоборот, направлена на сохранение этих аффектов благодаря символической кристаллизации, в том случае, если в результате стирается разрыв и дистанция, можно говорить о выборе решения на уровне репрезентаций, *бредовый психоз* стремится включить в себя объект и идущие от него перцептивные ощущения и работать *с ним*, в то время как в случае не бредовых психозов наблюдается противоположная тенденция – исключить объект и работать *против него*. Как отмечает Блон (1970), мы не можем сказать, что психотический пациент не способен создавать

символическую продукцию, напротив, его символизация доведена до крайности и мешает получать знания о внешнем мире. Психотический символ включает в себя *внутреннее, личное* измерение, которое является знаком отрицания «отцовства мира» («отцовского участия в сотворении мира»).

[Продолжение статьи в следующих номерах журнала]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Balier C.* (1988). *Psychanalyse des comportements violents*. Paris: PUF, 279 p.
2. *Balier C.* (1996). *Psychanalyse des comportements sexuels violents*. Paris: PUF, 253 p.
3. *Bion W. R.* (1970). *L'attention et l'interprétation*. Paris: Payot, 1974.
4. *Diatkine R.* (1983). Introduction à une discussion sur l'interprétation // RFP, 47, 3, P. 717–733.
5. *Diatkine R.* (1987). Transfert, «associations libres» et processus de changement // Les Textes du Centre Alfred Binet P. 10, 1–37.
6. *Donnet J.-L.* (1983). L'enjeu de l'interprétation // Le divan bien tempéré. Paris: PUF, 1995. P. 175–188.
7. *Donnet J.L.* (2005). *La situation analysante*. Paris: PUF. 216 p.
8. *Duncan D.* (1989). "The flow of interpretation. The collateral interpretation, force and flow" // in Int. J. of Psychonal. № 4. Vol. 70. P. 673–700. Vol. 70. № 4. Pp. 673–700.
9. *Freud S.* (1899 [1900 a]). L'interprétation du rêve in Œuvres complètes. *Psychanalyse*, IV, 1899–1900. Paris: PUF. 2003. 756 p.
10. *Freud S.* (1914). De la fausse reconnaissance («déjà raconté») pendant le travail psychanalytique // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XII, 1913–1914. Paris: PUF. 2005. P. 317–325.
11. *Freud S.* (1915 [1917 d]). Complément métapsychologique à la doctrine du rêve // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XIII, 1914–1915. Paris: PUF. 2005. P. 243–258.
12. *Freud S.* (1915–1917 [1916–17]). Leçons d'introduction à la psychanalyse. // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XIV, 1915–1916. Paris: PUF. 2000. 516 p.
13. *Freud S.* (1919 [1919 h]). L'inquiétant // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XV, 1916–1920. Paris: PUF. 1996. P. 147–188.
14. *Freud S.* (1923 [1924 b]). Névrose et psychose // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 1–7.
15. *Freud S.* (1924 [1924e]). La perte de la réalité dans la névrose et la psychose // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 35–41.
16. *Freud S.* (1925 [1925 h]). La négation // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XVII, 1923–1925. Paris: PUF. 1992. P. 165–171.
17. *Freud S.* (1937 [1937c]). L'analyse finie et l'analyse infinie // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. P. 13–55.
18. *Freud S.* (1938 [1940a]). Abrégé de psychanalyse // Œuvres complètes, *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris: PUF. 2010. P. 225–305.
19. *Freud S.* (1938 [1940e]). Le clivage du moi dans le processus de défense // Œuvres complètes. *Psychanalyse*, XX, 1937–1939. Paris: PUF. 2010. P. 219–224.
20. *Gibeault A.* (2010). *Chemins de la symbolisation*. Paris: PUF.

21. *Gillibert J.* (1985). *Le Psychodrame de la psychanalyse*. Paris: Champ Vallon.
22. *Green A.* (1980). *Passions et destins des passions. Sur les rapports entre folie et psychose // La folie privée*. Paris: Gallimard. 1990. P. 141–193.
23. *Green A.* (2002). *Idées directrices pour une psychanalyse contemporaine: méconnaissance et reconnaissance de l'inconscient*. Paris: PUF. 400 p.
24. *Jacobson E.* (1954). *Contribution to the metapsychology of psychotic identifications // Journal of the American Psycho-Analytic Association*. № 2. Vol. VII.
25. *Jeammet P., & Kestemberg E.* (1981). *Le Psychodrame psychanalytique. Technique, spécificité, indications // Psychothérapies*, 2: 85–92.
26. *Kestemberg E.* (1957). *Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique // La psychose froide*. Paris: Presses Universitaires de France. 2001. P. 15–54.
27. *Kestemberg E. & J. et Decobert S.* (1972). *La faim et le corps*. Paris: PUF.
28. *Kestemberg E.* (1975). *La relation fétichique à l'objet // La psychose froide*. Paris: PUF. 2001. P. 77–101.
29. *Kestemberg E. & Jeammet P.* (1987). *Le Psychodrame psychanalytique*. Paris: Presses Universitaires de France.
30. *Lebovici S., Diatkine R., & Kestemberg E.* (1969–70). *Bilan de dix ans de pratique psychodramatique chez l'enfant et l'adolescent // Bulletin de psychologie*. 285. XXIII, 13–16: 839–888.
31. *M'Uzan M.* (1994). *La bouche de l'inconscient*. Paris: Gallimard.
32. *M'Uzan M. de* (1998). *Impasses de la théorie, théories indispensables // Revue française de psychanalyse*. t.62, numéro spécial congrès. P. 1459–1463.
33. *Racamier P.C.* (1976). *Rêve et psychose: rêve ou psychose // Revue Française de Psychanalyse*, t. 40. № 1. P. 173–193.
34. *Racamier P.C.* (1992). *Le génie des origines. Psychanalyse et psychose*. Paris. Payot. 420 p.
35. *Rosenberg B.* (1980). *Quelques réflexions sur la notion de clivage du Moi dans l'œuvre de Freud // Les Cahiers du Centre de Psychanalyse et de Psychothérapie*. № 1. P. 9–32.
36. *Rosenfeld H.* (1965). *Etats psychotiques*. Paris: PUF. 1976.
37. *Roux M.-L.* (2014). *Culpabilité inconsciente et fantasme de matricide // J. Guillaumin (Ed.), Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris. Dunod. P. 1–33.
38. *Winnicott, D.W.* (1971). *Jeu et réalité. L'espace potentiel*. Paris: Gallimard. 1975.

Alain Gibeault, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association, Titularmember of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Paste President of the European Federation of Psychoanalysis, Paste Secretary-General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestembergs Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.

От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу

Жаклин Шаффер

(Перевод с французского: Валерия Пантелеева,
Научный редактор: О.В. Чекункова;
Translation from French: Valeria Panteleeva,
Scientific editor: O.V. Chekunkova)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987 г.).

Я попытаюсь перекинуть мостики между фигурами отцов, представленных нам во время конгресса, посвященного теме Отцовского, которую я хотела бы рассмотреть через призму фантазматического процесса, для того чтобы выделить основанный на вымысле аспект наших теоретических строительных лесов.

Два доклада Кристиана Делурмеля (*Christian Delourmel*) и Франсуа Вилла (*François Villa*) порой создавали перед нами образ хореографической фигуры, подобный «большому отклонению».

Прежде всего, мы можем процитировать Фрейда: «Мы можем дать волю нашим гипотезам в том случае, пока мы придерживаемся нашего критического суждения, и, если мы не будем использовать строительные леса» (*Freud, 1900, 455 стр.*). «Может показаться, что наши теории являются своего рода мифологией» (*Freud 1933b*), – пишет он Альберту Эйнштейну, вновь возвращаясь к теории влечений (*Freud, 1933a*). Позже Фрейд также будет говорить о «метапсихологической фантазматизации» (*Freud, 1937*).

Вот что говорит по этому поводу Жильбер Дяткин (*Gilbert Diatkine, 1995*): «Метапсихологический подход обладает двойственным характером по отношению к верности теории – легко согласуемое противоречие, которое помогает совмещать теорию и домыслы ценой плодородного напряжения. Это всегда подразумевает вопрос о происхождении или об онтогенезе». Он продолжает, с его обычным юмором, с предостережением не «превращать строительные леса в замок Людовика II Баварского».

Не-отец первобытной орды

Действительно ли существует отец первоначальный, первобытный?

Как нам напоминает Франсуа Вилла, отец у первобытных племен не является отцом. Это тиран, всемогущий и всеполучающий, без веры и закона, который позволяет себе удовлетворение всех своих влечений и властвует над женщинами, сыновьями и дочерьми.

Йозеф Лудин (*Josef Ludin*) рассматривает фигуру Отца как фигуру влечения, которая, по словам Фрейда, «всегда поступает по-своему», «не поддается воспитанию», постоянно движется под давлением влечений, со случайным выбором объектов, заменяемых один другим, единственной целью которой является разрядка.

Можем ли мы также сказать, что, согласно второй топике, эта фигура Оно также является вместилищем влечений к жизни и влечений к смерти?

Можем ли мы также считать этого тирана первичным бисексуальным существом, прегенитальным архаичным монстром?

«Мы все являемся носителями этого дикого отца. И действительно ли мы так цивилизованы?» – задается вопросом Ф. Вилла. На это есть знаменитый ответ: «Профессор Эйнштейн, что вы думаете о цивилизации?» – «Это была бы очень хорошая идея!»

Речь идет о конфликте, свойственном всему человечеству, отцовская функция создается под влиянием индивидуальных и коллективных процессов. Отец обретает свой смысл только постфактум (*après-coup*).

У изгнанных и перегруппированных братьев будет долгосрочная миссия по созданию семьи, образа отца и общества с категорическими запретами. Основными табу являются инцест, отцеубийство и каннибализм.

Это связано с тем, что убийство тирана будет сопровождаться каннибализмом. Первобытный каннибал в дальнейшем сам будет съеден и станет объектом бесконечного переваривания, как писал Мартин Готье (*Martin Gauthier*). Равно как и его убийство, по словам Ф. Вилла, станет объектом постоянного возвращения вытесненного, и, таким образом, будет объектом действительности, что делает его прототипом и парадигмой процесса цивилизации.

Как можно ответить на вопрос о происхождении? Где находятся истоки начала всех начал – по линии отца или матери? Должны ли мы выбирать? – спрашивает Катрин Шабер (*Catherine Chabert*).

Вивиан Шетри (*Viviane Chetrit*) цитирует Фрейда: «До сих пор только у мужчин я встречала тревогу быть сожранным, полностью поглощенным; она связана с отцом, но следует, вероятно, из трансформации оральной агрессии, направленной на мать. Мы хотим поглотить мать, которая нас кормила; отец не может являться мотивом такого желания» (Фрейд, 1931).

Ф. Вилла вводит фигуру младенца как воплощение тирана первобытного племени.

Кто, лучше чем младенец, сосущий грудь матери, может символизировать этого людоеда, ненасытного, гомосексуального, инцестуозного существа?

Каннибализм лежит в основе жизни. Винникотт говорит о ребенке, что «его пламенная любовь – это ненасытная любовь» (Винникотт, 1947). Оргия процесса кормления – это разделенный на двоих каннибалистический праздник.

Что является результатом последствия фигуры тирана первобытного племени?

Они уже проявляются у маленького ребенка в возрасте 3–4-х лет.

«Маленький каннибал», цитата Мелани Кляйн (*Mélanie Klein*), указывает на грудь матери, кормящей его младшего брата, и спрашивает ее: «Мама, ты меня этим кусала?»

Подобный недифференцированный опыт, сформированный под воздействием интроекций и взаимных идентификаций, Фрейд описывает формулой «Я есть грудь». Кто пожирает кого?

Людоед или людоедка из сказок дают нам наглядное представление, конфигурацию.

Что касается инцеста: психика маленького ребенка хранит следы этой поглощенной всемогущей фигуры, тирана. Следы, которые проявляются благодаря эффекту последствия.

«Вы знаете, кем я был раньше? – говорит 4-летний мальчик. – Я был сперматозоидом». Он уже был там, в фантазме своей инфантильной теории. Именно он занимает место отца, «того, кто обладает матерью в сексуальном смысле», по словам Фрейда, именно он оплодотворил свою мать, именно он сам себя породил. Вся первосцена держится только на нем.

Отец-любовник

Отец-любовник, далекий от образа первобытного вождя племени, – это тот, кто выбрал женщину, зачал с ней ребенка и кто поможет ей вернуться в свою постель. Я ранее уже освещала вопрос о статусе отца-любовника, сопоставляя его с «цензурой любовницы», теорией Дениз Брауншвейг (*Denise Braunschweig*) и Мишеля Фэна (*Michel Fain*) (1975), в выпуске RFP, посвященном Эдипову комплексу (Шаффер, 2012).

Можем ли мы говорить о «цензуре любовника», рассматривая «цензуру» как сглаживание границ между сознательным и предсознательным, согласно первой топике, как в системе сон/сновидение? Независимо от того, что никакая симметрия не может быть эвристической, я склоняюсь

к мысли, что заслуга отца-любовника может быть обнаружена только в регистре вытеснения.

Именно через цензуру, присущую системе сон/сновидение, через цикл сменяющих друг друга дня и ночи, мать может защитить своего ребенка от любого эротического желания: ее желание направлено на ребенка, желание любовника-отца – на нее, ее желание – на пенис отца. Мать также стремится защитить ребенка от смешения с ее сексуальными ощущениями и дать ему убежище, в котором он не почувствует ее наслаждение. Таким образом, она десексуализируется для своего ребенка и ресексуализируется для своего любовника.

С этого начинается процесс терциальности. Отец уверенно заявляет о своем желании, но его можно назвать любовником только потому, что у матери существует эротическое желание, направленное на него. Именно из-за того, что мать желает кого-то и является для другого объектом желания, благодаря цензуре она может помочь ребенку создать преформу репрезентации некоего третьего объекта, другого, того, к кому она испытывает желание, о котором можно галлюцинировать. В таком случае ребенок может чувствовать и фантазировать, что те ощущения, которые он испытывает в отсутствие матери, которые он переживает как покинутость, происходят не из-за того, что он является плохим объектом, объектом страха, ненависти или отвращения, а потому, что существует еще один объект желания матери. Именно это позволяет ему также получить доступ к системе сон/сновидение и создавать свои первые психические операции, такие как галлюцинаторное удовлетворение желания и первый аутоэротический опыт.

Таким образом закладывается прекоцепция, предварительные представления об отцовской функции. Сенсорные ощущения от присутствия реального отца активируют перцептивно-моторные следы, такие же, как создающиеся от контакта с телом матери, от ее взгляда, от кормления. Следы, которые способствуют обретению опыта получения удовлетворения и появления способности к галлюцинаторному удовлетворению желания. Именно этот процесс, объединяющий перцептивно-сенсорные следы, работа Эроса, как говорит Делурмель, способствует возникновению мнестических следов, основы для будущих репрезентаций и воспоминаний. В случае неудачи происходит формирование травмы, возвращение к галлюцинаторному состоянию этих перцептивных следов, которые так и не смогли быть преобразованы в мнестические следы.

Делурмель подчеркивает, что процесс сдерживания разрядки, обеспеченный отцовской функцией, необходим, этот процесс может разворачиваться как по отношению к матери, так и по отношению к ребенку, как способ и качество участия отца в «цензуре любовницы».

Его миссия может заключаться в том, чтобы сдерживать материнское безумие, усмирить дикое материнское, то, о чем говорила талантливая Лилиана Абенсур (*Liliane Abensour, 2011*) и к чему возвращалась

Элен Пара (*Hélène Parat, 2011*). Символическая отцовская функция позволяет отцу отделить ребенка от матери и открыть ему таким образом доступ в социальный мир.

Какова природа противоречия между отцом и любовником?

Разница между полами определяет четкий путь формирования кастрационного комплекса. У мужчин Фрейд подчеркивал наличие расщепления женщины на мать, мадонну и блудницу, расщепление, которое относится к объекту. Женское расщепление распространяется скорее на ее тело. Это расщепление между телом женщины и телом матери.

На тело женщины, особенно ее плоти, одновременно эротически воздействуют и ее любовник, и ее ребенок. У той, которая выносила ребенка в своем теле, которая создала его из своей плоти, а также которая к тому же кормит его своей грудью, сексуальное возбуждение может передаваться от тела к телу, от плоти к плоти. Это то, что требует контринвестиции с помощью цензуры любовницы, чередование плоти дня и плоти ночи, постэдипового ребенка реальности дня и галлюцинаторного прегенитального или эдипального ребенка ночи.

Это все не относится к отцу-любовнику. Если с телом его жены у него есть глубинные отношения, обусловленные глубинным взаимодействием с ее плотью, то с младенцем он соприкасается только телом, но не плотью. Ребенок навсегда останется для него лишь внешним объектом. Отец-любовник должен будет совершить трансформацию «на объект» между женщиной-матерью и женщиной-любовницей. Именно эти изменения могут иногда становиться источником конфликта как для него, так и для пары в целом.

У отца-любовника есть фундаментальная функция, которая заключается в повышении эффективности «цензуры любовницы», когда он восстанавливает эротическое желание матери ребенка и перенаправляет на себя. Если это переворачивание желания проходит успешно, оно позволяет сдерживать разрядку у ребенка, который может потом спокойно заснуть.

В данном случае можно говорить не о цензуре отца-любовника, а скорее о вытеснении по отношению к эротическому телу матери. Если это вытеснение осуществляется недостаточно эффективно, фактически мужчина будет заниматься любовью именно с матерью и сталкиваться с первичным инцестуозным фантазмом, что часто является причиной появления импотенции в виде симптома.

И все же давайте воздадим должное смелости Фрейда: «Тот, кому суждено стать по-настоящему свободным в любовной жизни, а тем самым и счастливым, обязан преодолеть уважение к женщине, приблизиться к представлениям об инцесте с матерью или сестрой» (Фрейд, 1912).

Отец эдипальный

Эдипальный отец – это противоположность тирана первобытного племени. Он не является носителем табу, которые остаются в архаичной области священного и вызывающего ужас, но он вносит основополагающие запреты эдипового комплекса. Мать, посланница кастрации, призывает его, чтобы внушить страх наказания за инцестуозные желания, тот страх, который затем будет помещен внутрь и преобразован в совесть, мораль, внутренние границы, которые образуют топику, в механизмы вытеснения, то, что будет больше всего обезличено при формировании Сверх-Я.

Убийство отца, точно также, как и отцовский принцип, имаго или инстанция, имеет отношение к репрезентациям всех психических операций (Ф. Вилла), к индексу интериоризации всех наших психических движений (Ж. Людэн). Цель состоит в том, чтобы освободиться от влияния реального отца.

Операция освобождения от материнского объекта и его имаго не имеет такого же статуса. Освобождение не требует акта убийства. Это скорее высвобождение, требующее психической трансформации – трансформации фаллической организации, переход, который необходим и для мальчика, и для девочки, а также смена объекта для двух полов. Речь идет о работе символизации, которая проходит через страх потери объекта, кастрационную тревогу и достигает в результате эдиповой организации.

Таким образом, присвоенные идентификации могут затем в дальнейшем стать основой для выстраивания субъективности и психической бисексуальности, которая гарантирует принятие разницы полов и поколений.

Вот та часть, которую я бы хотела добавить к строительным лесам.

Jacqueline Schaffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Школа в психоанализе – избранный факт или сверхценная идея?¹

И.Ю. Романов

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии им. профессора И.Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса» (М.: Академический проект, 2005), редактор переводов книг Р. Хиншелвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке Мелани Кляйн Троста.

В данной статье я хотел бы рассмотреть значение такого явления, как «научная школа» в психоаналитическом мышлении и обучении. Я предполагаю, что влияние школы может быть как позитивным – и тогда мы вправе говорить о ней как о некоем «концептуальном контейнере», помогающем нам в осуществлении аналитической «альфа-функции», т.е. в осмыслении клинического опыта взаимодействия с пациентом и в обретении новых знаний о человеческой психике, – так и негативным, – и тогда мы сталкиваемся с разнообразными формами «фетишизации» школьных теорий, превращением их в сверхценные идеологии, ищущие все новых подтверждений своей истинности и всеислия. В своих размышлениях я буду опираться на собственный опыт попыток «школьного обучения» в рамках программы кляйнианских семинаров, проводившихся в Украине при поддержке Мелани Кляйн Троста в течение последних 17 лет (Garvey). С другой стороны, я постараюсь учитывать современные психоаналитические дискуссии вокруг проблемы сравнения и диалога различных психоаналитических школ и традиций. В последней части статьи я приведу несколько «критических» и «клинических» примеров, иллюстрирующих довольно типичные, на мой взгляд, позитивные и негативные аспекты «школьности» в психоанализе, встречающиеся как в психоаналитических исследованиях, так и в клинической практике.

Ключевые слова: психоанализ, научная школа, предписания, перенос, контрперенос.

¹ Ранняя версия статьи была представлена в виде доклада на конференции Украинского психоаналитического общества «Первый год жизни» (Украина, Днепропетровск, 17-18.12.2011).

Название моего доклада отсылает к известной статье Р. Бриттона и Дж. Стайнера «Интерпретация: избранный факт или сверхценная идея?» (*Britton, Steiner, 1994*). В этой глубокой работе авторы используют бионовское понятие «избранного факта» для исследования трудностей выработки аналитического понимания в клинической работе с пациентом. Формирующаяся в процессе аналитического слушания интерпретация может стать инсайтом, творческой гипотезой, обобщающей многообразие наблюдаемых феноменов вокруг некоего центрального пункта и придающей таким образом им новое значение. С другой стороны, весьма сходная психологическая окраска сопровождает образование сверхценных, иногда почти бредовых идей, также претендующих на объяснение и осмысление всего наблюдаемого и переживаемого опыта (колонка ψ в таблице Биона). Как иронично заметил Фрейд в описании «случая Шрёбера», только будущее позволит расценить, как много истины в бреде психотика и как много бреда в наших собственных теориях... Возникнув в голове аналитика, сверхценные идеи функционируют как острова всезнания, идеи, объясняющие всё, заслоняющие неизвестную реальность и препятствующие получению нового знания о пациенте.

Известно, что сам Блон рассматривал появление «избранного факта» как результат работы двух механизмов: осцилляции $PS \leftrightarrow D$ и взаимодействия $\sigma \otimes \rho$ (*Bion, 1963*). Однако в контексте данной статьи мне представляется более интересным другое. Понятие «избранного факта» было заимствовано Блоном у А. Пуанкаре и весьма оригинально переработано. У самого Пуанкаре в работе «Наука и метод» это понятие появляется в контексте дискуссии не с кем иным, как с Л.Н. Толстым (Пуанкаре). Толстой обвиняет науку в «пересчете божьих коровок» – случайном, руководимом лишь капризами любопытства изучении фактов. «Не лучше ли подчинить научное исследование практическим нуждам, прежде всего моральным?» – задается вопросом великий моралист (отстаивая в какой-то мере философскую позицию прагматизма). Ответ Пуанкаре заключается в том, что наука изучает не все факты, а только «избранные», и внимание ученого движется при этом не произвольным образом, а *методично*. Например, изучая кривизну линии, математик не будет исследовать все ее точки или наиболее полезные для практического применения. Скорее он вначале постарается определить ее крайние точки, затем – среднюю между ними, и т.д.; это и есть «избранные факты». Так, с опорой на некий исследовательский метод, может быть построена наиболее точная модель подлежащей описанию кривой. Пуанкаре отстаивает автономию научных изысканий, их независимость от суждений о пользе, о «хорошем» и «плохом» с утилитарной или моральной точки зрения. В конце концов он делает неожиданный вывод о сходстве поиска научной истины с постижением

прекрасного – еще одной областью человеческой деятельности, в которой «полезность» не имеет особых прав на руководство².

Чем нам может быть интересна эта давняя дискуссия? На мой взгляд, она имеет непосредственное отношение к проблеме психоанализа, а именно к его «двусоставности», соединению *практической* и *научной* составляющей в теле психоаналитического знания. Но, прежде чем подступиться к этой проблеме, зададимся некоторыми более общими вопросами.

Насколько вообще применимо понятие «научной школы» к истории психоанализа? Очевидно, что вопрос этот скрывает за собой еще более сложную, но принципиальную проблему: является ли психоанализ наукой? (И если ответ на этот вопрос будет более или менее положительным, потребуется уточнить: какого типа наукой, в какой мере наукой, каким образом соотносящейся с практикой наукой?) Конечно, мы можем говорить о некоем подобии «школ» в искусстве (например, русский футуризм или фламандская школа живописи), этической философии (платонизм или стоицизм), религии (различные ответвления буддизма или основных христианских церквей). Однако, похоже, у подобных объединений и лежащих в их основе доктрин будет несколько иная цель, по сравнению со школами научными – не столько познание окружающей действительности на тех или иных основаниях, сколько выработка правил для практической деятельности: творческой, жизнетворческой, человеческого поведения как такового.

Не углубляясь в детали, я предлагаю принять, что психоанализ является наукой – возможно, *не только* наукой, но и наукой также помимо чего-то еще (с дискуссиями на эту тему можно познакомиться в работах К. Поппера, А. Грюнбаума, Р. Уолхайма, М. Растина (К. Поппер; А. Грюнбаум; А. Соколов; *Rustin; Wallheim*)). Научная составляющая психоанализа, в частности, хорошо видна как раз при наблюдении за процессом возникновения и смены в его истории неких «парадигм» (используя термин Т. Куна (Т. Кун)) – т.е. способов рассмотрения и решения научных проблем, соответствующего им концептуального и методологического аппарата и т.д.

Так, например, первая фрейдовская теория психики, *топическая модель*, вместе с присущими ей метапсихологическими принципами и понятиями (принципом удовольствия-неудовольствия, понятиями вытеснения и цензуры, и т.д.) достаточно хорошо объясняла ряд фундаментально важных феноменов: истерические симптомы, сновидения, ошибочные действия, остроумие и некоторые другие эстетические явления. Однако, столкнувшись с проблемой депрессии, эта модель продемонстрировала свою ограниченность. Как может переживать страдание психика,

² Как утверждает Пуанкаре, со ссылкой на Э. Маха, в обеих областях действует принцип «экономии мышления». Стоит напомнить, сколь важную роль играл принцип «психической экономии» в метапсихологии Фрейда, а также об историческом, географическом и идейном соседстве психоанализа и венского логического позитивизма.

не имеющая никаких сознательных и бессознательных препятствий к получению удовольствия? Фрейд бился над этой проблемой, предлагая довольно вычурные объяснения депрессивного страдания в рамках своей первой теории, которые до конца не удовлетворяли ни его, ни его коллег (см. Франк; *Meltzer, 1978*). В ответ на этот вызов К. Абрахам предпринимает объемное эмпирическое исследование: ведет психоанализ депрессивных пациентов, призывает других аналитиков заняться той же работой и обмениваться результатами своих наблюдений. Итогом становится серия публикаций самого Абрахама и знаменитая работа Фрейда «Печаль и меланхолия» (1915/1917) (З. Фрейд, «Печаль»; К. Абрахам, «О первых»; К. Абрахам, «Опыт»). В ней исходная парадигма претерпевает значительные изменения: понятие «объект» перестает означать лишь элемент структуры влечения, но превращается в «объект эмоционального отношения», появляются понятия интроекции и идентификации (вначале спутанные между собой), описывается структура психики, включающая в себя отделенный от остального Я элемент – наблюдающую и критикующую инстанцию, происходящую из интроекций и идентификаций (что становится зачатком более поздней концепции Супер-Эго)... Дальнейшее развитие этих открытий ведет Фрейда к созданию новой, *структурной модели* психики (в 1923 г.). С другой стороны, развитие подхода М. Кляйн в самостоятельную теорию, завершающуюся формулировкой концепции «депрессивной позиции» (в 1935 г.), также можно считать ответом на кризис топической модели и продолжением исследований депрессии, начатых Абрахамом и Фрейдом.

Другим примером вызова, повлекшего за собой радикальную ревизию базового концептуального аппарата психоанализа – по сути, смену парадигм, – стало новое рассмотрение проблемы травмы на рубеже 20-х годов. Травматические неврозы ясно указывали на присутствие в психике тенденции к повторению одного и того же, зачастую весьма болезненного опыта – задним числом эта тенденция стала очевидной в таких давно наблюдаемых явлениях, как детская игра, перенос и др. Навязчивое повторение никак не могло быть объяснено с помощью принципа удовольствия-неудовольствия и механизма вытеснения, напротив, оно в конце концов стало неким более фундаментальным обоснованием этих понятий (например, принцип удовольствия-неудовольствия может заработать только на основе того, что некий опыт повторяется). Размышление над этими проблемами, как известно, приводит Фрейда к формулировке новой теории «влечения смерти» (в 1920 г.), что стало еще одним камнем в фундаменте новой модели психики и привело к некоторым более частным, хотя и не менее важным видоизменениям теории (например, к формулировке теории сигнальной тревоги и описанию многообразия защитных механизмов начиная с 1926 г.) (З. Фрейд, «По ту сторону»; З. Фрейд, «Торможение»).

Я привел эти широко известные примеры из ранней истории психоанализа с единственной целью – продемонстрировать некий «научный процесс» в истории психоанализа, процесс выработки, кризиса, расширения

и смены научных парадигм. В этом процессе накапливаются некие знания, обнаруживаются отклонения от теоретически ожидаемых результатов, происходят глубинные трансформации фундаментальных категорий. Конечно, в реальной истории психоанализа происходило не только это: были также личностные симпатии и антипатии, групповые и национальные амбиции, смена поколений, языков и стилей научной работы. Однако нельзя сказать, что психоанализ в этом так уж отличается от любой другой науки (если верить описаниям Куна). Удивительным образом сами психоаналитики часто склонны рассматривать свою дисциплину как набор произвольно возникших и случайным образом изменяющихся верований, а свое сообщество – как совокупность неких псевдорелигиозных сект. Гораздо реже они замечают, что занимаются обычной научной деятельностью, история которой не так уж отличается от истории других наук, особенно молодых.

2

Зададимся следующим вопросом: какое место в истории и текущей жизни психоанализа занимают сообщества, которые можно именовать «научными школами»? И тут нас ждет несколько удивительных наблюдений. С одной стороны, как отмечал тот же Кун, в поведенческих и гуманитарных науках наличие многообразия школ и постоянных споров о фундаментальных, «метафизических» основаниях своих дисциплин является скорее правилом, чем исключением. В науках естественных такое происходит лишь в период кризисов, впоследствии же устанавливается приоритет одной школы и одной парадигмы, что знаменует начало фазы «нормальной науки»³. В этом ключе поведенческие науки должны рассматриваться то ли как недоросшие до стадии «нормальности», то ли как существующие в перманентном кризисе по самой своей сути. Однако, посмотрев на ситуацию в психоаналитическом сообществе более внимательно, мы можем заметить, что четко очерченных школ в нем не так уж и много. Мы можем указать на так называемую «венскую школу», развившуюся затем в американскую «эго-психологию» и британский «современный фрейдизм». Можем вспомнить «психологию самости» Х. Кохута. Конечно же «кляйнианская школа» является классической школой с любой точки зрения. Наверное, можно было бы привести еще несколько примеров, но уверен, их было бы не слишком много. Одновременно с этим существует огромное число психоаналитиков, не причисляющих себя к той или иной школе (или считающих себя «фрейдистами» в самом широком и довольно произвольно трактуемом смысле этого слова), а также множество тех, кто пытается объединить методы и концептуальный аппарат различных школ (среди ярких представителей такого эклектического подхода можно назвать О. Кернберга, а среди сообществ, исповедующих

³ Критики отмечали упрощенность данной модели развития науки у Куна. Так, наличие нескольких школ или интерпретаций квантовой механики было и остается не исключением, а правилом в физическом сообществе. (Я благодарен за указание на это С.Л. Содину).

принципиальный эклектизм, «Независимую группу» Британского психоаналитического общества).

Итак, в психоанализе школы сосуществуют параллельно друг другу (участвуя в научных и не совсем научных дебатах друг с другом, развиваясь или закосневая в этом процессе), и при этом школ здесь не так уж и много. Большое (а может, и большее) число аналитиков не чувствуют потребности идентифицировать себя как членов той или иной научной группировки. Иногда они развивают довольно оригинальные синтетические концепции. Но гораздо чаще они исповедуют принципиальный теоретический эклектизм, позиционируя себя как эмпирических исследователей или же, еще чаще, как сугубых «практиков».

И здесь мы подходим к важнейшей характеристике психоаналитических школ, составляющей их отличительную черту и, возможно, ответственной за их противоречивое воздействие на своих адептов. Психоаналитические школы суть одновременно научные сообщества и некие «*цеховые объединения*», вырабатывающие общие правила для практической деятельности. Очевидно, что это очень разные задачи, требующие разного языка и концептуального аппарата для своего решения. Одно дело сказать, что в развитии ребенка встречается стадия, именуемая «депрессивной позицией» (или «Эдиповым комплексом»), другое – заявить, что достижение или разрешение этой стадии или позиции является некой *целью* психоаналитического процесса. Одно дело указать на феномен переноса в психоаналитических отношениях, другое – утверждать, что анализ переноса является основным *инструментом* достижения структурных изменений психики. Первый тип высказывания является *описывающим*, второй – *предписывающим*.

В основании научных парадигм, объединяющих научные школы и целые дисциплины, всегда находятся некие фундаментальные понятия, которые обсуждаются довольно редко и еще реже становятся предметом собственно научного исследования. Так, для всего психоанализа в целом таким понятием является «бессознательное». Определив его в динамическом и структурном значениях, Фрейд открыл для последующих поколений исследователей возможность изучать бессознательные социальные процессы, или бессознательную динамику отношений переноса и контрпереноса, и т.д., не застревая снова и снова на вопросе: а что же такое бессознательное и как можно доказать его существование? Возвращение к переосмыслению этого понятия происходит довольно редко и, как правило, означает наступление периода смены парадигм – например, это происходило при разработке Фрейдом и рядом его последователей структурной модели или при обсуждении проблемы бессознательных фантазий в ходе «Дискуссии о противоречиях» в Британском психоаналитическом обществе в 40-х годах (King, Steiner, 1991).

Однако, когда мы говорим о понятиях *предписывающих*, имеется в виду нечто другое. По-видимому, психоаналитики (как и представители любой

практической дисциплины или профессии) нуждаются в принципиальном согласии в отношении трех фундаментальных моментов: *цели* их деятельности, ее *средств* и преимущественного *фокуса* или *предмета* воздействия. Такие понятия, как «самость», «эмпатия», «перенос», «интерпретация», «проективная идентификация» должны вооружить аналитиков ясностью в отношении именно этих составляющих – помимо того, что они могут еще и описывать некое существующее положение дел (или факты).

На мой взгляд, путаница между этими двумя направленностями психоаналитического дискурса ответственна за многие издержки школьных дебатов в психоанализе. Если мы акцентируем практическую, предписывающую составляющую, мы начинаем понимать наши профессиональные объединения по модели художественных школ или, что хуже, религиозных сект. Мы нуждаемся в правилах для нашей практической работы, в идеалах для подражания и «школе мастерства». Но, когда в нашей работе остаются *только* правила, она превращается в «коррекцию» и «подгонку» своего опыта и опыта пациента с опорой на одну только точку зрения: «правильно» происходящее или же «неправильно». С другой стороны, наличие в психоанализе научной составляющей, установки на поиск истины способно защитить нас от практического или «моралистического» уклона (наверное, поэтому Фрейд настаивал на принципе «единства лечения и изучения» в психоанализе). Однако если этот описывающий аспект остается единственным, не получается ли, как указывал Бион, что «слабость научного мышления оказывается ближе к слабости психотического мышления» (Bion, 1962, p. 13)? Не растворяется ли тогда без остатка терапевтическая практика в холодном взгляде хирурга?

3

Теперь я бы хотел изменить угол рассмотрения исходной проблемы и поставить вопрос о том, каково значение школы для отдельного психоаналитика, находящегося в процессе профессионального становления или уже включенного в профессиональную деятельность. Не претендуя на полноту, позволю себе перечислить несколько очевидных преимуществ и недостатков «школьности», с которыми сталкивается отдельный психоаналитик.

« + »

- принадлежность к некоей психоаналитической традиции, с присущим ей набором явных концепций и не столь явных предубеждений, способна дать ощущение твердой *профессиональной идентичности*, столь необходимое в клинической работе и в отношениях с коллегами по цеху;
- ясный и взаимосвязанный концептуальный аппарат, разработанный иногда несколькими поколениями аналитиков, будучи должным образом интроецированным в процессе обучения, предоставляет возможность

четкой ориентировки в клиническом материале, становится неким «алфавитом» мысли, *контейнером для осмысления опыта* пациента и аналитика;

– подобным же образом «школьная» система концепций и категорий предлагает некую *карту для психоаналитического «делания»*: что является преимущественным фокусом нашего внимания, какую цель преследует наше вмешательство, какими средствами мы пользуемся для достижения того или иного эффекта;

– наличие четкой профессиональной идентичности и разработанного языка для описания своего клинического опыта облегчает *коммуникацию* в профессиональном сообществе – с одной стороны, в узком кругу аналитиков-«единоверцев», разделяющих базовые «школьные» послышки, а с другой – в широком кругу «инакомыслящих», где становится возможным обсуждать, преодолевать и снова восстанавливать различия и границы.

« – »

– жесткое «школьное» Супер-Эго легко может *сковать свободу мышления*, подменить вопрос о смысле и правде происходящего в аналитической ситуации вопросом о «правильности» или «соответствии» наблюдаемого тем или иным предзаданным концепциям;

– такого рода консервативное мышление («удовольствие от подведения под понятие», если воспользоваться термином Канта) естественным образом перетекает в *практику «коррекции» пациента*, явного или незаметного приведения его к тому или иному варианту «нормы», существующему в голове у аналитика и многократно усиленного «школьными» предрассудками;

– ригидность в отстаивании своей «школьной идентичности» (что чаще всего становится следствием поверхностных и патологических идентификаций) может воспрепятствовать развитию собственного мышления и стиля работы аналитика, интеграции его индивидуальности с общими правилами аналитической практики;

– тот же фактор часто провоцирует жесткие расщепления профессионального сообщества (идеализация «своих» и «очернение» чужих), что затрудняет возможность диалога и взаимного обучения.

Как можно заметить, позитивные и негативные аспекты «школьности» легко перетекают друг в друга и являются, по сути, разными сторонами (или степенями) одних и тех же процессов и феноменов. Это снова обращает нас к исходному вопросу: когда психоаналитическая школа выступает особым инструментом обнаружения «избранных фактов», а когда – препятствием на этом пути? Один из уже данных ответов на этот вопрос специфичен для психоанализа, другой – нет. Специфичным является сочетание практических и научных задач, стоящих перед психоаналитическими школами, что может приводить к языковой путанице, а последняя – к актуализации всех негативных сторон школьности. Неспецифичным

является то, что в психоанализе присутствует неустранимое многообразие школ, выбор между точками зрения которых зачастую осуществляется под влиянием не столько научных, сколько личностных, социальных, политических или культуральных причин. Как мы видели, с точки зрения таких исследователей науки, как Т. Кун, подобное положение дел встречается в любой науке на определенных стадиях ее развития, а для некоторых наук является нормальным состоянием. В этом пункте мнение Куна согласуется с мнением Л.С. Выготского, представившего первый фундаментальный анализ истории психологических школ в работе «Исторический смысл психологического кризиса» (Выготский, «Исторический»). Можно предположить, что отмеченные Выготским особенности психологических школ – стремление к максимальному расширению и некой «метафизичности» базовых понятий – связано как раз с их специфической прагматической составляющей: необходимостью предоставлять руководство для действий⁴.

4

В заключение своего доклада я хотел бы привести несколько «критических» и «клинических» примеров, иллюстрирующих позитивные и негативные аспекты «школьности» и школьных дебатов в психоанализе. Как говорила в таких случаях Б. Джозеф, есть вопросы, на которые нельзя дать ответ, – их можно только исследовать. Критические примеры относятся к исследованию работ известных аналитиков, отражавших теоретические дебаты, научные достижения и тупики на разных этапах развития психоанализа. Клинические примеры взяты из моей собственной работы. И те и другие касаются прежде всего идей кляйнианской школы и близких к ней подходов – просто потому, что они мне более понятны.

Критический пример

В качестве яркого примера научной риторики я предлагаю рассмотреть один из эпизодов дискуссии о контрпереносе, происходившей в 50–60-е годы XX столетия между сторонниками «раскрытия чувств аналитика» и приверженцами более строгой аналитической позиции нейтральности и абстиненции. Статьи Маргарет Литтл (1951) и Полы Хайманн (1960) стали важными высказываниями в этой полемике (М. Литтл; П. Хайманн). Аргументы сторон кажутся довольно ясными. Литтл (следуя в этом за рассуждениями своего аналитика Д. Винникотта, который в свою очередь кажется следующим традиции «демократизации» аналитических отношений Ш. Ференци и М. Балинта) предполагает, что определенным пациентам на определенных стадиях анализа полезно знать

⁴ Выготский близко подходит к этой идее, говоря о фундаментальном месте практики для любой психологии, но его вывод строго противоположен представленному здесь: в практическом характере психологии он видит не причину кризиса многообразия школ, а возможное лекарство от него.

о тех чувствах и мыслях, которые переживает в данный момент их аналитик. (В мои задачи сейчас не входит углубляться ни в саму аргументацию Литтл, ни в довольно разнообразные рекомендации представителей данного подхода в отношении того, каким пациентам и когда такое поведение аналитика «показано».) В свою очередь, Хайманн полагает, что подобная откровенность в любом случае будет лишь перегружать пациента, заслоняя возможность анализа его собственных переживаний. Поразительным образом Литтл в качестве *доказательства* своей точки зрения приводит пример, в котором аналитик *не* раскрывал свои чувства пациенту, и это, по мнению автора, привело к негативным последствиям, которых можно было бы избежать, если бы аналитик свои чувства признал. (Речь в примере Литтл идет о неправильной интерпретации аналитиком страха ревности пациента. Как несколько лет спустя понял пациент, эта интерпретация была вызвана страхом самого аналитика.) Необоснованность такого доказательства кажется очевидной – точно так же аналитик *не* делал много другого (например, не сотворил троекратного крестного знамения), что вовсе не доказывает, что именно это привело к негативным последствиям для пациента (кстати говоря, столь же неочевидным – речь идет всего лишь о злости и обиде пациента на аналитика, причины и последствия которых не вполне ясны). Но то, что с научной точки зрения кажется совершенно неубедительным, может выглядеть иначе с точки зрения «предписывающего смысла» статьи Литтл. Она утверждает: «В случаях, подобных тому, о которых я рассказала в самом начале данной статьи, негативный эффект несвоевременной или ошибочной интерпретации зачастую не удастся нейтрализовать посредством интерпретации "правильной", сделанной при первой подходящей возможности. Совершенная аналитиком ошибка, безусловно, должна быть признана. Пациент должен получить возможность выразить свой гнев, а аналитик – сожаление о произошедшем. Помимо этого, аналитику следует объяснить пациенту, какую роль в произошедшем недоразумении сыграл бессознательный контрперенос» (М. Литтл, «Контрперенос»). В принципе сомнительно, что подобные выводы могут быть целиком обоснованы эмпирически, а уж тем более – материалом одного-единственного случая. По-видимому, принятие или отклонение таких утверждений происходит на других основаниях, и проверка их требует иных методов исследования.

Очень сходные колебания смысла происходят в статье Хайманн. Доказывая противоположную точку зрения, – что раскрытие аналитиком своих чувств не приносит значимых результатов в анализе, – Хайманн приводит парадоксальный пример, в котором она вынуждена была *раскрыть* свои переживания пациентке, рассказать о пережитой только что утрате. И привело это как раз к прогрессу: постоянно извиняющаяся пациентка смогла осознать, как принимает на себя вину и ответственность за проблемы своих объектов и начать аналитически исследовать эту тему. Однако, несмотря на очевидный прогресс аналитической работы, Хайманн считает данный эпизод отклонением от правильной аналитической техники и убеждает читателя в том, что те же

результаты могли быть достигнуты и без раскрытия аналитиком своих чувств (или же с той незначительной долей раскрытия, которое неизбежно в любых отношениях). Снова-таки окончательный вывод мало обоснован представленным эмпирическим материалом, скорее последний служит неким иллюстративным и *дидактическим* целям. Сам же вывод Хайманн таков: «Несмотря на неизбежные многочисленные открытия "реальной" личности аналитика, аналитик все же *обезличен*. Он представляет собой зеркало, отражающее пациента. Благодаря переносу, пациент *возвращается* к своему прошлому, к сложному эмоциональному опыту отношений со своими объектами и собственной самостью. Даже если оценка пациентом аналитика верна, аналитик остается фигурой внутренней жизни пациента и чем-то таким, чем пациент может манипулировать в соответствии с динамикой своих внутренних процессов, обусловленных его бессознательным и прошлым опытом» (курсив автора. – *И. Р.*) (П. Хайманн, «Контрперенос»). Вывод этот имеет, очевидно, предписывающий характер⁵.

Итак, в обеих рассмотренных работах можно наблюдать некий дефект научной методологии, дефект логический и эмпирический одновременно, когда доказать значимость какого-то фактора должен материал, в котором этот фактор отсутствует или не действует. Однако основные выводы статей вовсе не нуждаются в эмпирическом или логическом доказательстве – они нуждаются в чем-то ином⁶. В данных работах эти выводы еще не стали, возможно, опознавательными знаками или фетишами отдельных школ (например, «независимой» или «кляйнианской»), однако открывают двери такому использованию.

Несмотря на сказанное выше, а скорее именно с опорой на него, я хочу подчеркнуть, что наличие научной составляющей в каждой отдельной психоаналитической школе и психоанализе в целом является лучшей защитой от фетишизации школьных норм и ценностей. Прекрасными примерами творческих достижений внутри кляйнианской школы могут служить работы Б. Джозеф о разыгрывании в его связи с проективной идентификацией и Р. Бриттона об «эдипальной ситуации» (*Joseph, 1989*; Р. Бриттон, «Утраченная»). Совершенно очевидно, что сделанные ими открытия опираются на концептуальный аппарат и предшествующие достижения кляйнианской школы; они не могли бы осуществиться без идей Кляйн о раннем Эдиповом комплексе, депрессивной позиции, проективной идентификации, без дальнейшей разработки этой концепции Бионом

⁵ Критикуя научную составляющую статей Литтл и Хайманн, я ни в коей мере не хочу умалить их практической ценности. В каждой из них рассыпаны бесценные наблюдения и указания, каждое из которых могло бы стать темой отдельной работы (например, идея Хайманн об особой трудности анализа реалистичных восприятий пациентом аналитика или мысль Литтл о значении факторов времени и расстояния в аналитическом слушании).

⁶ В этом ином направлении, на мой взгляд, движется исследовательский проект сравнительного изучения психоаналитической техники под руководством Д. Такета (*Tuckett et al.*). Его можно считать хорошим примером попытки прояснения целей, средств и фокуса работы аналитиков разных направлений – причем, часто неявных и нерелевантных.

в теориях контейнирования и связи. Так же очевидно, что выдвинутые положения стали действительно новыми шагами в развитии теоретического и практического психоаналитического знания. Они позволили переосмыслить уже известные факты и наблюдения (о переносе и контрпереносе, динамике психических изменений и сопротивлений им, о месте и форме Эдипова комплекса в психическом развитии, о психопатологии истерии и нарциссизма и т.д.) и объяснить наблюдения, необъяснимые прежде. Кроме того, например, концепция «эдипальной ситуации» как наиболее примитивной формы Эдипова комплекса предлагает некое *альтернативное* объяснение неким клиническим и психопатологическим феноменам, по сравнению, например, с концепцией Х. Кохута. А это значит, что положения этих концепций могут быть сравнены между собой с привлечением эмпирического материала⁷.

Клинические примеры

В качестве иллюстрации возможностей и опасностей «школьного» подхода в практической работе я приведу два примера из своей клинической практики. В первом, «позитивном» примере речь пойдет о том, как нацеленность на работу с переносом и понимание внутренних объектных отношений помогает понять внутренний мир и динамику терапевтических отношений пациента, на первый взгляд, всяких эмоциональных отношений с терапевтом избегающего. Во втором, «негативном» примере я опишу ситуацию в анализе, когда чрезмерная приверженность идее анализа переноса здесь-и-теперь привела к образованию анклава с пациенткой, склонной избегать любых треугольных отношений.

Одной из фундаментальных для кляйнианской техники идей является концепция переноса как «тотальной ситуации». На ее примере хорошо видно различие между понятиями, приспособленными для научного исследования, и теми, что призваны быть «регулятивными идеями» в клинической работе. Так, для научного мышления привычно и полезно выдвигать пары альтернативных категорий: перенос (или невроз переноса) и рабочий (или терапевтический) альянс, перенос и реальные отношения и т.п. Однако, как показывает Кляйн, в клиническом мышлении (практического разума) полезнее опираться на некие более общие категории – например, думать о переносе как тотальной ситуации, т.е. использовать это понятие в качестве рамки для нашего мышления обо всем материале пациента.

Как пишет Кляйн: «Моя концепция переноса как берущего начало на ранних стадиях развития и в глубинных слоях бессознательного гораздо

⁷ В серии работ Р. Хиншелвуда, а также в исследованиях У. Дрегер предлагаются модели для подобного рода концептуальных сравнений: семантический анализ понятий, формулировка их в виде доступных эмпирической проверке утверждений и т.д. (*Hinshelwood, 2008; Dreher, 2000*). Если исследования Такета посвящены практической составляющей психоанализа, то данные работы призваны еще раз напомнить аналитикам, что иногда они занимаются все-таки наукой.

шире и влечет за собой методик, с помощью которой из всего представленного материала выводятся бессознательные элементы переноса» (М. Кляйн, «Источники»). Теоретическим обоснованием этого послужила идея о вездесущести объектных отношений, представленных в форме бессознательной фантазии: «Не существует такого инстинктивного побуждения, ситуации тревоги или ментального процесса, в котором не фигурировали бы объекты, внешние или внутренние. <...> Любовь и ненависть, бессознательные фантазии, тревоги и защиты также действуют с самого начала, и с самого начала они неразрывно связаны с объектными отношениями» (там же). С практической же точки зрения предполагается, что, поскольку различие между более или менее сознательными, более или менее реалистичными, более или менее «рабочими» отношениями лишь *предстоит* обнаружить в ходе анализа, *полезно* думать о переносе как тотальной ситуации – хотя бы для того, чтобы не исключать ничего из нашего внимания загодя.

Как и всякое предписывающее понятие, понятие «переноса как тотальной ситуации» может расширять сферу исследования или, напротив, сужать ее. Последнюю ситуацию следует считать своего рода злоупотреблением понятием, ограничивающим поле аналитического внимания. Я приведу два примера из собственной практики, в первом из которых, как мне кажется, концепция тотальной ситуации переноса помогала мне распознать в аналитических отношениях нечто ранее невидимое и затем использовать это в работе. В другом примере, напротив, использование мною данной концепции (возможно, ее неверное использование) приводит к некоему сужению и уплощению аналитического понимания.

Случай Л: «перенос без переноса»

Вначале я хочу привести пример работы с пациентом, с которым анализ переноса был проблемой на каждом этапе терапии. Каждый раз, будто бы заново, мне приходилось напоминать себе, что в кабинете находятся два человека и что между ними существуют отношения. Речь идет о пациенте Л, который обратился ко мне по поводу выражавшихся главным образом соматически приступов паники и странных, психологически бессодержательных состояний: страха потери сознания, помутнения, тяжести в сердце и т.д. На первой встрече Л пересказал мне сон, в котором почти ничего не происходило, но некая сила мешала ему выбраться из плохого места – его болезни.

Долгое время терапия с Л представляла собой разыгрывание или экстернализацию его почти «безобъектного» внутреннего мира: он приходил ко мне вечером, просил приглушить свет и погружался в мир своих переживаний – говорил монотонно, словно под гипнозом, медленно и детально описывая свои «состояния» – сугубо внутренние и лишённые всяких внешних или фантазийных коррелятов: «что-то легло мне на сердце», «это похоже на тяжесть, или скорее на тень, или нет – скорее это как

холод в руках, но без всякого холода» и т.п. Излишне говорить, что, слушая его, я также погружался в полусонное состояние, часто смутно понимая, где нахожусь, о чем идет разговор и кем я в данный момент являюсь для пациента... Не только говорить, но и думать о переносе в этот период было чрезвычайно сложно – разве что о странности самой ситуации «переноса без переноса», погружения в мир, лишенный всяких объектов и отношений. Тем не менее постепенно стали проясняться два аспекта переноса Л в этот период. Первое – это страх, что при появлении и приближении объекта он будет полностью захвачен, оккупирован им. И второе, что эта полная зависимость от объекта будет вызвана страхом за его повреждение и необходимостью восстановления. Оба этих переживания были отчетливо связаны с историей пациента, прежде всего с отношениями с матерью, которая воспринималась им как хрупкая, усталая женщина, растившая сына без отца и требующая заботы и утешения. В дальнейшем паттерн отношений с «хрупкой матерью» в точности был воспроизведен в браке Л. Естественно, на первом этапе терапии все мои попытки внести в обсуждение наши отношения – а по сути, всякое появление объекта, – вызывали у Л сильнейший страх. Так, при указании на возможную связь ухудшения его состояния с перерывами, он пугался, что станет зависимым от меня; при интерпретации пропусков сессий – что он обидел или задел меня этим; в попытке установить связь между его состояниями и отношениями с женой он видел рекомендацию развестись с ней и перспективу ее последующего суицида... В течение долгого периода Л было важно сохранять меня в качестве «голоса за кадром», «уха», но не живого объекта – и постепенно становилось понятным почему.

На следующей стадии – приблизительно через 1,5 года – довольно неожиданно на первый план вышла совсем другая часть личности Л. Он стал довольно безжалостным к своим объектам – он использовал их, отрицая вину, считал это явным достижением своей терапии и маниакально радовался свободе. Л развелся с женой, установил отношения с новой женщиной, ревностно контролировал обеих, при этом отказываясь от всяческих обязательств. В наших отношениях также торжествовала эксплуататорская позиция: так, Л мог на первых порах пропускать сессии, используя их время для встреч с любовницей, затем он потребовал сократить частоту сессий, сочтя анализ чем-то маловажным. Интерпретация переноса на этом этапе стала представлять трудность в новом смысле: очень трудно было не стать для Л критичным Супер-Эго, интерпретируя его поведение по отношению ко мне, жене и другим людям (хотя в контрпереносе я часто чувствовал импульс защищать от него его объекты). Важной подсказкой для меня стал сон Л, в котором он мчался на высокой скорости на автомобиле и откупался от инспектора взяткой – при этом во сне он думал, что тот не должен был взятку брать. Я понял и проинтерпретировал этот сон как желание, чтобы я взял на себя роль вспомогательного Супер-Эго и указал Л на действительную опасность его поведения в жизни и терапии – невзирая на «взятки» мне и самому себе. Проблема была

в том, что в таком случае осознание опасности располагалось во мне, а не в нем.

На следующем этапе такие отыгрывания вовне и внутри переноса стали сочетаться с большим контактом со мной как аналитиком и своими зависимыми и запуганными частями с моей помощью. Я проиллюстрирую это примером сессий, в которых, как мне кажется, можно заметить и трудности контакта с переносом пациента, и появившиеся возможности для этого.

На одной из сессий я сделал довольно рутинный, как мне казалось, комментарий о том, что Л сложно находиться в трехсторонних отношениях – будь то отношения его жены, его сына и его самого; его любовницы, ее сына и его и т.д. Этот обобщающий комментарий был дан по итогам долгих рассказов Л о подобных ситуациях, однако вызвал серию возбужденных возражений с его стороны, продолжившихся и на следующей встрече. Суть этих возражений можно было бы свести к следующему: «Ваши интерпретации – всего лишь ваш собственный взгляд на отношения, основанный на вашем личном опыте, и вы хотите мне его навязать». Возникла неожиданная «буря» в переносе (что, конечно, очень отличалось от ощущения полного отсутствия отношений на ранних этапах терапии). Я старался воспринимать нападки Л, не защищаясь и не нападая в ответ, сохраняя свою позицию и интерпретируя по мере сил его неприятие моей точки зрения.

Сессия

1) Л начал с извинений за свой «колючий характер», за то, что мог меня задеть на прошлой встрече... Он говорил, как искренне меня ценит и т.п. Со школы у него был резкий, колючий характер... Он рассказал о своем провокативном поведении в школе – не в первый раз, но впервые он добавил, что, возможно, это была реакция на несправедливое обращение в детском саду, месть...

2) Дальше Л перешел к обсуждению ситуации на работе: в пятницу 13-го ему сказали, что его уволят... Много непонятого и неясного происходит в компании, но у него состоялся разговор с начальницей и проявился открытый конфликт с ней. Та призналась, что хочет его уволить... (Это звучало как описание реальной и довольно драматичной ситуации: Л всегда боялся потери работы, и вот это происходило.)

3) Дальше Л стал рассказывать о том, как проводил время в выходные. Он пытался общаться с сыном, но снова поссорился с бывшей женой... После этого Л рассказал, как возил сына на массаж: тот вначале боялся «чужой тети», говорил, что та его не любит. Но, когда массажистка стала переубеждать его, сказав, что любит, ребенок расцвел: он не хотел слезить с массажного стола и с наслаждением подставлял свое тело массажистке. «Насколько дети искренни, – с восхищением сказал Л, – как они могут открыто выразить свое желание любви! Как это

важно для ребенка! И не только для ребенка...» Я в свою очередь был поражен открытым выражением поиска любви Л – для него это было достаточно необычно. Вслед за этим он замолчал, как будто бы в ожидании моего ответа...

4) После паузы он вернулся к теме страха остаться без работы, который в данный момент реализовывался, – и что же ему делать? Но самое важное в жизни, заметил он, это уметь преодолевать свой страх... Из этого мы и состоим, из страхов, которые преодолели, – Л развивал эту философскую тему довольно долго и настойчиво...

5) Слушая рассказ Л, я переживал разные чувства. Я сочувствовал его ситуации на работе, у меня возникли подозрения, что он пал жертвой интриг, и я поймал себя на желании что-то прояснить и расспрашивать его об этой внешней ситуации. С другой стороны, он чего-то явно ждал от меня, когда рассказывал о сыне. С третьей, я чувствовал искушение оставаться «просто ухом» и позволить Л рассказывать истории о внешних проблемах своим чередом (в его привычной манере), и он привычно отдалялся от меня в некое философствование – самоанализ и самоубеждение. (Возможно, мне хотелось забыть напряжение предшествующих сессий.) Мне потребовалось некое усилие, чтобы начать думать о том, что же происходит сейчас между нами.

6) Л перешел к рассказу о любовнице и ее просьбе поехать вместе отдыхать – это стоит дорого. Денег нет, он вынужден снова и снова объяснять это ей, так как она этого не понимает, но он в конце концов и рад этому – пусть она попробует жить с ним вот таким! (Голос Л звучал возбужденно.)

А: Мне кажется, вы показываете мне сейчас две своих стороны: поиск любви и потребность в ней, когда говорите о своем сыне, но также и о себе, и – противодействие страху, когда есть риск потерять любовь. Довольно парадоксальная реакция: «пусть будет как хуже, полюбите меня вот таким».

П: Да, мне нужна любовь... Или хотя бы доброжелательность...

А: Возможно, – продолжил я, – вопрос сейчас заключается в том, верите ли вы в мою доброжелательность после дебатов последних сессий?

П: (Л живо отозвался на мои слова.) Да, ваши слова и ваша формула задела меня: А и ее сын, мой сын и я... Может, что-то есть, но я не бросил жену из-за сына... Это все разное... Но я согласен, я слишком вспыльчивый... Возможно, это проявлялось и на работе... Хотя, по-моему, там все решалось без моего участия...

А: Что же все-таки произошло в ходе последнего разговора с начальницей?

П: (Л подробно описал ситуацию, в которой, по его мнению, никак не мог повлиять на события, оставался заложником обстоятельств, чужих решений и интриг... Законы корпорации таковы, что увольняемый человек может никогда не узнать о причинах своего увольнения... Все отчетливее вырисовывалась ситуация, в которой самым невыносимым было то, что нечто «происходило за спиной» Л и он никак не мог повлиять на это. У меня возникло отчетливое ощущение, что в разговоре с начальницей поведение Л было провоцирующим и обостряющим конфликт: нечто должно было стать явным для него...)

Я прерву в этом месте пересказ сессии. Скажу только, что мои последующие интерпретации были нацелены на объяснение провокативного поведения Л в ситуации исключения из отношений и страха потери любви объекта. Однако само обостряющее конфликт, провоцирующее контрфобическое поведение приводило к усилению его страха и неуверенности – что и происходило на наших последних сессиях («это всего лишь ваше мнение – и я могу ему противостоять»). К концу сессии Л выглядел задумчивым и, казалось, был озабочен своим «ключим характером», а не только извинялся за него.

Обсуждение

Думаю, данный пример хорошо демонстрирует известный многим аналитикам факт – чем труднее думать и говорить о переносе, тем больше проблем он содержит. В данном случае теоретическая рамка школы, требовавшая обращать внимание на почти невидимый поначалу феномен, оказалась полезным подспорьем в работе. В течение нескольких лет терапии перенос Л трансформировался от почти безобъектной формы «переноса без переноса» (из страха перед поглощающим и хрупким объектом) к психопатическим формам использования объектов и маниакальному отрицанию вины. Частью этой фазы, проработка которой стала важнейшим этапом терапии, стала проекция вины и ответственности в аналитика с целью их последующего отклонения («это всего лишь ваша точка зрения»). На этом этапе важно было сохранять твердость в подходе к переносу, поскольку соблазн уклонения в «безобъектность» или другие успокоительные формы отношений всегда оставался актуальным.

Образование и распад «анклава» с А

Мой второй пример относится к 6-му году анализа 50-летней женщины, которую я буду называть А. А страдала от разнообразных симптомов, ограничивающих ее жизнь: депрессий, приступов паники, сексуальных торможений и многого другого. Ее ранняя история была полна травматических сепараций, в ходе которых отец заменял ей мать (по ее словам, она выросла «в рукаве кофуха», в котором отец носил ее с собой на работу), а чуть позднее она часто бывала свидетельницей жестоких ссор родителей, замешанных на взаимной ревности. На ранних этапах терапии и анализа

А сталкивалась с интенсивной параноидной тревогой и фрагментацией в ответ на сильные эмоции, и с трудностью вербального выражения своих переживаний. Однако на том этапе, который я описываю здесь, проблемы стали выглядеть иначе.

В этот период стала заметна тенденция А устанавливать со мной защитные формы отношений, исключая любую дистанцию, третьих лиц, ее и мою внешнюю жизнь. Иногда это были «прилегающие», эмпатические отношения, иногда, напротив, садо-мазохистические. Но всякий раз просматривалась их функция отрицания раздельности и устранения исключаящих трехсторонних отношений. Внешне наш разговор вполне мог выглядеть как обсуждение переноса здесь и сейчас, но, по сути, служил защитным целям.

Так, в представленных ниже сессиях А попыталась начать обсуждать со мной превратности своей любовной жизни (что давалось ей с большим трудом).

На сессию в понедельник она пришла с новой прической и шутливо заметила (вначале про себя, затем вслух), что «это ее последняя попытка понравиться Романову»... Я был несколько обескуражен откровенностью ее признания и попытался осторожно прояснить содержание ее фантазии. (Надо сказать, что разговор о любовных переживаниях всегда давался А с большим трудом.) В какой-то момент я предложил ей высказаться о своих чувствах полнее, подчеркнув, что ситуация анализа достаточно безопасна, границы наших отношений очерчены и это дает возможность лучше понять ее чувства и т.п. В итоге А восприняла лишь идею «невозможности реальных отношений» – и сказала о чувстве отвержения и стыде... Затем она заговорила о том, что впервые стала думать, что хотела бы больше обо мне знать: например узнать, есть ли у меня собака или была ли она раньше... Все, чего ей бы хотелось, говорила она, это гулять с собакой и знать, что где-то также гуляю и я. Я интерпретировал это как желание, чтобы я был ближе к ней, лучше ее понимал. А почувствовала сильное смущение, и в конце сессии у меня возникло ощущение, что, говоря о сексуальных желаниях, она чувствует себя как ребенок среди взрослых. Я сказал об этом, и А подтвердила – именно так она себя и ощущает.

Во вторник А была напугана и скованна. Она начала разговор с рассказа о том, как когда-то читала много книг по сексологии, но единственное, что она хотела там найти, – это идею, что она имеет право на сексуальные чувства. Эта тема не получила продолжения... Вообще на сессии А много молчала, обрывала себя на полуслове. Иногда у меня складывалось впечатление, что она чего-то ждет от меня – будто я без слов смогу догадаться о том, что она имеет в виду и продолжить фразу за нее. Когда же я не делал этого, она расстраивалась. В другие моменты я чувствовал, что А просто изматывает меня, недоговаривая, умалчивая о чем-то, «говоря А и не говоря Б». Я по большей части молчал и лишь

в конце спросил, что доставляет ей такие мучения? Прямого ответа я не получил. Но где-то в середине сессии А продолжила тему предыдущего дня: о собаках и взаимопонимании. Она сказала, что также хотела бы, чтобы я хорошо знал украинский язык. Когда она встречает «собачников» или людей, говорящих по-украински, она чувствует, что это родные люди и что ее не будут считать ненормальной...

В среду она начала сессию с нескольких спазматических вздохов – ложась на кушетку, она резко сжимала и разжимала руки, затем заговорила о своем страхе, о том, что вчера и сегодня мысленно разговаривала со мной и что-то записывала, а сейчас в голове у нее нет ни одной мысли; о том, что сегодня потолок в кабинете кажется ей очень высоким и т.д. Я сказал, что, приходя сюда, она ощущает нечто вроде нападения изнутри – я использовал украинское слово «напад» (как и английское «attack», оно означает и «приступ», и «нападение»). В ответ А удивилась, что я хорошо знаю украинский язык, и захотела расспросить меня об этом, но затем смутилась. Я спросил, что значит для нее мое знание украинского? А ответила, что это означает «родную душу» – она покраснела... Я обратил ее внимание на это смущение, и она продолжила говорить о своем желании, чтобы я был близким для нее человеком, родным существом... Я отметил, что иногда она называет себя «бесполом существом». После этого А стала говорить быстро и сбивчиво – понять ее было нелегко.

П: Знаете, я только вчера вспомнила ваши слова в понедельник – о том, что я чувствую себя как ребенок среди взрослых... Это вызвало у меня ощущение, что мир распадается... И я не могу его никак собрать... Поэтому я молчала... А потом вы спросили, что заставляет меня страдать... Это значит, я опять жаловалась... Нет, я не хочу жаловаться... [А заплакала.]

А: Что-то было в моих словах, что разрушило ваш мир?

П: В каких словах? О том, что я страдаю? [Казалось, А совершенно не поняла меня или я – ее.]

А: Я имел в виду слова о том, что вы как ребенок среди взрослых...

П: Нет-нет, я не так сказала... Я имела в виду, что вчера было ощущение, что мир распадается, что я ничего не понимаю, не могу собрать мысли в кучу... Так что я думала: только бы это прекратилось, и все, больше мне ничего не нужно... А потом я вспомнила ваши слова, и что-то стало на место...

А: В понедельник вы пришли с новой прической и сказали, что хотите мне понравиться. А в конце почувствовали себя как ребенок среди взрослых, и мир стал распадаться...

П: Да, точно! Я даже забыла это! Действительно, я же так говорила... Н-да... В понедельник я так хорошо к вам относилась, а во вторник уже считала ужасным человеком! И думала, что хорошо бы куда-то уехать, отдохнуть на недельку, побыть совсем одной... Неужели я всегда так примитивно рассуждала: «Ах, я вам не нужна, тогда вы мне тоже не нужны!»? Н-да... [Долгая пауза.] Я сейчас молчу, потому что на душе очень спокойно... Не хочется нарушать это спокойствие. Вот, хотелось бы уйти в таком состоянии и оставаться в нем – и ничего больше не надо... [Пауза.]

А: Похоже, сейчас вам хочется удалиться от всех тревожений, которые доставляют отношения между женщиной и мужчиной... Как бы уехать на дачу, где будете только вы, собаки, кошки и растения... Может быть, знать, что где-то гуляю я с собакой – родная душа...

П: [А ответила что-то неопределенное. Последние 7 минут сессии она молчит, и у меня создалось впечатление, что она отсутствует.]

Главной темой последней сессии мне казались затруднения А в построении и обсуждении сексуальных отношений – в частности, в трудности различить нежные чувства привязанности (к матери или ее заместителям) и сексуальные отношения (с мужчинами). Однако в ретроспективе (не без помощи супервизора) я стал замечать более общее повторение ситуации в переносе: А «жаждала» разговора только о нас двоих, хотела «оголенных» интерпретаций по типу «вы-я» (O'Shaughnessy, 1992) и добивалась их в той или иной форме. Она говорила «А», и хотела, чтобы я отвечал «Б» – и я делал это, незаметно для себя отыгрывая, когда использовал украинское слово. Так она снова оказывалась «в рукаве кофуха». Или же она говорила «А» и не слышала в ответ «Б» – и тогда мы надолго застревали в обсуждении ее стыда и ощущения отверженности, но снова-таки вдвоем, вдали от других тревожений. Когда позднее я смог обратить на это ее внимание, указав, что анализ все больше выступает для нее таким же убежищем, как дача, отношения с животными и т.п., и что мы все меньше можем говорить о не менее важных для нее других отношениях, помимо наших, – реакция А была взрывной. Она заявила, что я отчитываю ее как ребенка, она снова чувствует себя отвергнутой и т.п. Но уже на следующей сессии она перешла от нападений на меня и себя и от ощущений своей и моей хрупкости к более откровенному рассказу о текущих и прошлых отношениях с мужем. Вдруг обнаружилось, что муж не является столь черствым человеком, каким А его обычно представляла. Она описала важный разговор с ним, вспомнила начало их отношений и в конце сессии поблагодарила меня за то, что я «вернул ей мужа». Думаю, как минимум тема отношений с мужем, а затем и с другими мужчинами, включая наиболее ранние отношения, вернулась в аналитический кабинет, а вместе с ней – тревога по поводу исключенности, вначале моей (я должен был смотреть на ее отношения извне и ревновать), а затем ее собственной. Вполне ожидаемо через некоторое время А рассказала больше о сводящей ее с ума ревности, в том числе – к терапевту мужа.

Обсуждение

В отличие от Л, с А – по крайней мере на данном этапе ее анализа – не было проблем в обсуждении переноса здесь и сейчас. Напротив, разговор об отношении А ко мне, о ее желаниях, ожиданиях и страхах, связанных со мной, на каком-то этапе превратился в самоцель. По сути, этот тип разговора сам по себе стал особого типа *убежищем* (Д. Стайнер, «Психические»), *анклавом* (в противоположность *уклонениям* Л, по О'Шонесси), в котором А пряталась от тревожений своей внешней и внутренней жизни. С точки зрения динамики ее внутренних объектных отношений перенос выражал стремление к диадным, «прилегающим» отношениям (рот – сосок или же кожа к коже) и избегание отношений с третьим объектом, который воспринимался как садистический и вторгающийся. В качестве такового в прошлом выступал отец А (в одной из своих ипостасей), а в настоящем мог выступать муж или же я, когда напоминал о муже или другим образом не отвечал на ее приглашение к сверхблизости. В динамике переносно-контрпереносных отношений, думаю, возник вид разыгрывания, в котором я втягивался в предпочтительные для А прилегающие или отвергающие отношения, ложным образом истолковывая это как работу с переносом здесь и сейчас. В течение довольно длительного времени я также противостоял коллегам, которые пытались указать мне на этот анклав. Мне казалось, что они рекомендуют неаналитическую технику, а я придерживаюсь истинно аналитического подхода к работе с тотальной ситуацией переноса здесь и сейчас (по сути, совершенно неверно эту концепцию истолковывая). В данном случае школьные догмы, очевидно, использовались в защитных целях, и мне потребовались значительные усилия, чтобы понять иначе и конкретную аналитическую ситуацию, и некоторые теории.

Выводы

1. На протяжении долгой и разноплановой истории психоанализа внутри психоаналитического сообщества возникают объединения, построенные по принципу классических научных школ. Их членов связывают общие правила проведения исследований и обобщения их результатов, базовый концептуальный аппарат, признаками чего становятся перекрестные ссылки на членов сообщества в публикациях, ощущение причастности к общей истории школы, авторы, идеи и тексты, считающиеся «образцовыми». Примерами таких объединений могут служить «венская школа», трансформировавшаяся в «эго-психологию», «кляйнианская школа», «психология самости» Х. Кохута и некоторые другие.

2. Важнейшей особенностью психоаналитических школ, объясняющей многие их непривычные для традиционной науки черты, является то, что одновременно с научной они выполняют и практическую функцию. В этом качестве они представляют собой скорее *системы предписаний*:

на что следует обращать внимание в клиническом материале, к какой цели стремиться и какими средствами этого можно добиваться – все это придает им сходство с тем, что называется «школой» в искусстве или этической философии, но не с наукой. Именно здесь обнаруживается наибольшая опасность для психоаналитического мышления: превратиться в «суперэгоистическую» деятельность по установлению критериев «правильного» и «неправильного» как для научной работы психоаналитика, так и для его практической деятельности. Последнее опасно вдвойне, поскольку с потерей установки на поиск истины мы рискуем заняться «коррекцией» пациента по нашим (или даже неизвестно чьим) лекалам.

3. Непреходящее значение научности в психоанализе заключается в сохранении установки на поиск истины, столь важной во всех сторонах деятельности психоаналитика и психоаналитического сообщества. Разные подходы к пониманию этой научности, содержащиеся в многочисленных исследовательских программах, методах сравнения психоаналитических школ и теорий и конкретных психоаналитических исследованиях, нуждаются в дальнейшем анализе. Но наиболее важным следует признать то, что все они служат общему делу замены жестких, зачастую деструктивных «школьных Супер-Эго» чем-то другим: способностью выносить разумные суждения, согласоваться с реальностью, слышать чужие точки зрения и понимать истоки своей – т.е. нормальным Эго, являющимся ядром в том числе и нормального Супер-Эго, индивидуального или группового.

Приложение

Концепция переноса как тотальной ситуации по М. Кляйн вкратце означает:

1. Что во всем материале пациента – ассоциациях, сновидениях, рассказах о внешних людях и внешних проблемах – обнаруживаются ссылки на отношения с аналитиком и его значение для пациента (в противоположность ожиданию явных указаний со стороны пациента)⁸.

2. Перенос означает не только «перенос» некой фигуры из прошлого в настоящее (целостного объекта), но также возможный перенос частичного объекта или функции (например, кормящей груди), объекта в отношении с другим объектом (родительской пары) или части самости (например, Супер-Эго; эта тема получила дальнейшее развитие в теории проективной идентификации).

⁸ Несмотря на то, что Кляйн опубликовала статью о переносе лишь в 1952 году, большая часть этих идей была ею высказана еще в лекциях по технике, прочитанных в 1936 году и ставших доступными широкой публике лишь недавно (см., в частности, лекцию «Интерпретация и перенос» (Steiner, 2017)). Это может объяснить тот факт, что к моменту публикации «Источников переноса» идеи о «тотальности» развивались и другими аналитиками Британского психоаналитического общества, довольно далекими от кляйнианской школы. Так, очень близкие идеи в отношении указаний на перенос во всем материале пациента высказывал Г. Эзриел, кроме того, подчеркивая значение интерпретации переноса здесь-и-сейчас (Ezriel, 1952).

3. Кроме того, перенос также может означать воспроизведение примитивных защитных механизмов, таких как расщепление (отчасти это напоминает термин А. Фрейд «перенос защиты»). Например, как отмечала Кляйн, при идеализации аналитика рассмотрение целостной ситуации переноса может показать также, что одновременно обесценивается другой объект, например супруг. Таким образом, важно будет исследовать не только происхождение и функцию идеального объекта, но и механизм расщепления.

4. Кляйн специально отмечает быстрые флуктуации, переключения в восприятии аналитика в течение коротких промежутков времени – с идеализированного объекта на преследующий, с отцовского переноса на материнский и т.д. Перенос образуют те же *процессы*, что участвуют в ранних объектных отношениях... (в последующем важность тщательного отслеживания динамики переноса была подчеркнута в технике Б. Джозеф).

5. Кляйн указывает на терапевтический эффект анализа переноса – он заключается в возможности *интеграции* того, что было расщеплено, вытеснено, забыто, спроецировано и т.д. Терапевтическая эффективность коренится в возможности прервать цикл навязчивого повторения за счет анализа переноса.

Комментарий

6. Несмотря на то, что Кляйн подчеркивает важность понимания «целостных инфантильных ситуаций», воспроизводящихся в переносе (например, отворачивания от объекта или же уже указанного расщепления-идеализации), очевидно, что при таком понимании переноса роль истории уменьшается. Речь идет скорее о (прото)типических ситуациях и об *экстернализации* в переносе внутренних конфликтов и объектных отношений (сходной с игрой детей).

7. Очевиден и важен вклад концепции постоянно действующей *бессознательной фантазии*, репрезентирующей наиболее примитивные объектные отношения на наиболее примитивном уровне, в данное понимание переноса. Эта теория противостоит, с одной стороны, теории фиксации / регрессии, а с другой, теории первичного нарциссизма и всей методологии, построенной на идее вторичности объектных отношений (в статье о переносе Кляйн посвящает много места дискуссии с теорией первичного нарциссизма).

8. Термин «*ситуация*» в некотором роде аналогичен термину «*позиция*» – в обоих случаях речь идет о неких целостных *конstellациях* тревог (и шире – аффектов), защит и объектных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* О первых опытах лечения маниакально-депрессивного психоза (1911) // *Абрахам К.* Характер и развитие. Ижевск: ERGO, 2007.

2. *Абрахам К.* История развития либидо (1924) // *Абрахам К.* Психоаналитические труды. Том 1. Работы 1907–1912 гг. Ижевск: ERGO, 2009.
3. *Бриттон Р.* Утраченная связь: родительская сексуальность в Эдиповом комплексе // *Бриттон Р., Фельдман М., О’Шонесси Э.* Эдипов комплекс сегодня: Клинические аспекты. М.: Когито-Центр, 2012.
4. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // *Собр. соч.* в 6 т. М., 1982. Т. 1.
5. *Грюнбаум А.* Теория Фрейда и философия науки // *Вопросы философии.* 1991. № 4. С. 90–106.
6. *Кляйн М.* Источники переноса // *Кляйн М.* Психоаналитические труды в 7 т. Т. 5. «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945–1952. Ижевск: ERGO, 2009.
7. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
8. *Литтл М.* Контрперенос и отклик пациента на него // *Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.).* М.: Академический проект, 2005. С. 376–398.
9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
10. *Пуанкаре А.* О науке. М., Наука, 1983.
11. *Соколов А.В.* Структура, генезис и проверка психоаналитической теории: Материалы спецкурса МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1992.
12. *Стайнер Дж.* Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Когито-Центр, 2010.
13. *Франк К.* «Тень объекта падает на "Я" и затмевает его»: Размышления о меланхолии в переносе и контрпереносе. Доклад на семинаре Тюбингенского психоаналитического института. Одесса, 2002.
14. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. (Учебное издание, Т. 3.)
15. *Фрейд З.* Торможение, симптом и страх // *Фрейд З.* Истерия и страх. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. (Учебное издание, Т. 6.)
16. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. (Учебное издание, Т. 3.)
17. *Хайманн П.* Контрперенос // *Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.).* М.: Академический проект, 2005. С. 248–261.
18. *Bion, W.* (1962) Learning from Experience. London: Heinemann.
19. *Bion, W.* (1963) Elements of Psycho-Analysis. London: Heinemann.
20. *Britton, R., Steiner, J.* (1994) Interpretation: selected fact or overvalued idea, *IJPA* 75: 1069–1078.
21. *Dreher, U.* (2000) Foundations for Conceptual Research in Psychoanalysis. London: Karnac.
22. *Ezriel, H.* (1952) Experimentation Within the Psychoanalytic Session. *Contemporary Psychoanalysis*, 8(2): 229–245
23. *Garvey, P.* (2010) Found in Translation: Ukraine is Not Dead Yet. Teaching the psychoanalytic approach in Ukraine. http://www.melanie-klein-trust.org.uk/worldwide_events?item=31
24. *Hinshelwood, R.D.* (2008) ‘Controversy is the growing point’. Repression and splitting, and methods of conceptual comparisons. *IJPA*, v. 89, 3: 503–521.
25. *Joseph, B.* (1989) Psychic Equilibrium and Psychic Change. London: Routledge.

26. King, P., Steiner, R. (eds.) (1991) *The Freud-Klein Controversies 1941–1945*. London: Hogarth Press.
27. Meltzer, D. (1978) *The Kleinian Development*. Perth: Clunie.
28. O'Shaughnessy, E. (1992) Enclaves and excursions, *IJPA* 73: 603–11.
29. Rustin, M. (1991) *The Good Society and the Inner World: Psychoanalysis, Politics and Culture*. London: Verso.
30. Steiner, J. (ed) (2017) *Lectures on Technique by Melanie Klein*. Edited with Critical Review by John Steiner. Routledge, London, New York. Lecture 3: Transference and Interpretation. P. 51–60.
31. Tuckett, D., Basile, R., Birksted-Breen, D., Bohm, T., Denis, P., Ferro, A., Hinz, H., Jemstadt, A., Mariotti, P., Schubert, J. (2008) *Psychoanalysis Comparable and Incomparable: The Evolution of a Method to Describe and Compare Psychoanalytic Approach*, London and New York, Routledge.
32. Wollheim, R. (1993) Desire, belief and professor Grunbaum's Freud. In Wollheim, R. (1993) *The Mind and Its Depths*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London. P. 91–111.

A scientific school in psychoanalysis: selected fact or overvalued idea?

I.Yu. Romanov

Romanov Igor, a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of professor Y.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V.N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor of "Era of countertransference" (Moscow, 2005), an editor of translation of R. Hinshelwood's, J. Steiner's and other books, a head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

In this paper I would like to investigate the meaning of such phenomena as 'a scientific school' in psychoanalytic thinking and training. I suppose an influence of school could be either positive or negative – in the first case we might say on it as a kind of "conceptual container", helping us to provide an analytical "alfa-function", i.e. to think about clinical experience with a patient and to receive a new knowledge about human mind; in the second case we face with the different kind of scholar theories "fetishizing", their transformation into overvalued ideologies, which searches for new confirmations of their own truthfulness and omnipotence. My thinking is rooted in my own experience of "scholar training" in the program of Ukrainian Kleinian Seminars Program, supported by Melanie Klein Trust, which took place during last 17 years (Garvey). On the other hand, I will try to consider the contemporary discussions on the issue of comparison and dialogue of different psychoanalytical schools. In the last part of the paper I will describe some "critical" and "clinical" examples, which could illustrate the typical positive and negative aspects of "school attitude" in psychoanalytical discussions and practice.

Keywords: psychoanalysis, scientific school, prescriptions, trasference, countertransference.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Голос как психоаналитический феномен

А.А. Пилявина

Анна Артуровна Пилявина – Магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог

Данная статья сводит воедино разные концепции о голосе и помещает этот феномен в более широкий контекст науки и профессиональной деятельности.

Мы исследовали эволюцию психоаналитических концепций звука и голоса, охватив сразу несколько аспектов: голос как объект, голос как способ коммуникации, философия голоса, музыка языка, а также особенности аналитического процесса с помощью голоса. Голос толкуется не только как акустический феномен, но и как голос в его отношении с Другим. В статье реализован краткий психоаналитический анализ феномена голоса на примере классической оперы.

Статья имеет историко-научный обзорный характер, отдельные тезисы настоящей статьи нуждаются в дальнейшей их доработке и открывают новые цели на пути к изучению голоса.

Ключевые слова: голос, логос, речесущество, музыка языка, язык матери, Сверх-Я, лингвистика, фоноповедение, интерпретация, коммуникация, сонорное пространство, переходное явление, вербализация, акт высказывания, влечения, акт речи, первичные связи, крик, пение, опера.

Введение

«Говори, чтобы я мог тебя увидеть»
Сократ

Вдохновение, которое привело нас к частичному раскрытию этой обширной темы, можно охарактеризовать словами нашего современника – словенского философа и психоаналитика Младена Долара: «То, что у языка и тела есть общего, – это голос, но голос не является частью ни языка, ни тела» (Dolar, 2006, p. 103). Исследователь заметил, что голос проходит между языком и телом, связывая их. Можно сказать, что голос занимает свое место между душой и телом.

Психоаналитическая ситуация наиболее ярко демонстрирует связывающую функцию голоса. Вполне очевидно, что взгляд и голос – это два самых принципиальных объекта в психоанализе. Изучая психоаналитическую литературу, мы видим большое количество исследований про взгляд и про глаз, а вот голосу посвящено очень скромное количество научных работ. Философ и основатель Музея сновидений З. Фрейда Виктор Мазин на конференции, посвященной феномену голоса в психоанализе, назвал голос и ухо «психоаналитическим диспозитивом» или тем аппаратом, буквально внутри которого оказываются люди. «Можно сказать, что Фрейд – это "человек уха", а Лакан – это "человек голоса". <...> Мы можем найти ряд отсылок к голосу у Фрейда, но куда больше он говорит о психоаналитическом слухе. То есть Фрейд больше занят психоаналитическим органом, который называется ухо. А Лакану он оставил голос» (Мазин, конференция «Голос», 2016).

Мы предлагаем обратить внимание на общее направление, которое прослеживается по отношению к роли голоса в истории. Это движение от «позитивной» оценки голоса с точки зрения его наличия и звука, к более сложному «негативному» пониманию голоса с точки зрения его отсутствия и молчания. Отражение этой динамики в конечном счете приводит к определенным вопросам и гипотезам, которые выходят за рамки психоанализа и расположены ближе к философии голоса.

Голос как психоаналитический феномен

Рассмотрим голос, начиная с видения этого феномена Зигмундом Фрейдом. От процесса, характерного для первичной структуры психического аппарата, то есть крика младенца как разрядки по рефлекторной схеме, Фрейд переводит голос в процесс коммуникации, связанный с пониманием смысла, характерный для вторичной структуры психики.

По Фрейду, крик ребенка сначала связывается с болью, а затем этот крик боли связывается с характеристикой объекта, и, следовательно, первые сознательные воспоминания ассоциированы с неудовольствием. В этот переходный период между первой и второй топикой, который

знаменуется движением от концепции влечений Я и объектных влечений до конфликта между влечением к жизни и влечением к смерти, переходом от описания психического функционирования в терминах бессознательное – предсознательное – сознательное к описанию психической структуры, состоящей из инстанций Я, Оно, Сверх-Я, Фрейд исследует голос в связи с инстанцией Сверх-Я, которая появляется в детстве как интернализированный родительский голос (Фрейд, 2007).

Давайте рассмотрим некоторых постфрейдистов в контексте изучения слуховых характеристик. Роберт Флисс исследовал форму и содержание слуховых интродукций (*Fliess, 1956*). Отто Исаковер изучал опыт засыпания через лингвистические особенности этого процесса. Исаковер демонстрирует свою более усложненную версию модели формирования Сверх-Я, которая заключается в интернализации фрагментов родительского голоса через метафору морского явления. Он сделал акцент на том, что речь ребенка будет формироваться из уже сформированной речи взрослого, что, в свою очередь приводит к развитию наблюдающей и критикующей функций. Это привело Исаковера к изучению лингвистических аспектов архаичного восприятия других голосов (*Isakower, 1939*). Для этого он исследует языковые сигналы Сверх-Я в ситуациях гипноггии (промежуточное состояние между явью и сном) и гипнопомпии (состояние непосредственно перед пробуждением), выявляя особенности речи в эти промежутки функционирования человека как хорошо организованную структуру языка во время засыпания, и ощущение интерпелляции во время пробуждения. Исаковер, таким образом, подтвердил видение Фрейда о сне, как об активном процессе.

Теодор Райк продолжил исследование слуховых аспектов Сверх-Я, подтверждая, что эта инстанция основана на запрещающем тоне голоса с помощью примера со своим сыном, который описывает «поведение» своего внутреннего голоса (*Reik, 1924*). Райк также рассуждает на тему, что голос является и внутренним феноменом, и внешним, и развивает теорию Фрейда о «свободноплавающем внимании» с помощью своей концепции «слушания с помощью третьего уха». Райк предлагает слушать не смысл сказанного, а невысказанное содержимое через музыку языка – тон голоса, акустические характеристики, то есть «слушать чувства», которые вкладывает в свою речь человек. Он сравнивает это с прослушиванием музыки (*Reik, 1956*). Можно предположить, что с помощью «третьего уха» психоаналитик может слышать и свой внутренний голос, как контрпереносную реакцию на материал пациента. Благодаря этим исследованиям случился переход к более внимательному изучению явления контрпереноса.

Голос рассматривался сначала как симптом беспорядка, а затем в контексте слушания и слышания своего голоса и голоса другого человека.

Анализируя теорию «сонорного конверта» Дидье Анзьё, можно отметить его большой вклад в исследование голоса как психоаналитического

феномена. Анзьё заметил, что младенец как бы купается в звуках с самого начала своего существования, что он больше анализирует фоноповедение других людей, с пяти недель отличая голос матери от других голосов.

Анзьё предлагает использовать так называемую «сонорную купель», в которую помещается ребенок с голосовыми и речевыми нарушениями. Находясь в наушниках и с микрофоном в звукоизолированном помещении, где транслируются различные успокаивающие голоса и шумы, а также музыка, ребенок начинает повторять ту речь, которую слышит.

Исследователь отмечает феномен проекции у своего пациента Марсия, который воспринимает сессии с аналитиком то как неудавшуюся коммуникацию с его холодной матерью, то как оживленную и эмоциональную беседу с его соседкой. Голосу матери Марсия были характерны жесткие интонации и нежелание слышать его, звуковая коммуникация с матерью, как и телесная, была нарушена, что отразилось на восприятии пациентом аналитика (Анзьё, 2011).

Анализируя два типа «сонорного зеркала» по Анзьё (нормальное, когда ребенок в доброжелательном голосе матери как бы видит свое отражение и отражение окружающего мира, отзываясь на звуки своим эхо; и патологическое, когда мать дает неадекватный ответ, обезличенный или вторгающийся, слишком холодно или резко общаясь с ребенком, тем самым нарушая его развитие), можно сделать вывод, что *при нарушении первичного психического сонорного пространства ребенка, которое должно гармонизировать его Самость, ломаются перспективы и других сфер его развития.*

Бернар Гольс уже в 2017 году рассматривает голосовое взаимодействие с детьми с точки зрения динамической лингвистики и в связи с этим делает вывод, что важно воспринимать не только сообщение языка, но и сам акт речи, разделяя субъект высказывания и субъект акта высказывания в отдельные явления (*Clouard, Golse, 2017, p. 338*).

Ученый и философ Умберто Эко открывает нам эстетическую функцию языка, которая выражается в неоднозначном смысловом послые речевого сообщения, где сообщение направлено как бы на само себя, привлекая внимание к тому, как оно построено. Адресат делает интерпретации такого сообщения интуитивно, не прибегая ни к одной из теорий коммуникации (Эко, 2004).

Согласно некоторым современным теориям, коммуникация делится на аналоговую и цифровую. Аналоговая коммуникация характеризуется большей глобальностью, поддерживается правым полушарием мозга, она превербальна, состоит из произвольных и некодированных элементов, отвечает за чувственную сферу, семантику взаимоотношений (Вацлавик, 2000), в то время как цифровая – это более поверхностный вербальный уровень коммуникации, осуществляющийся с помощью доминирующего левого полушария мозга, состоящий из произвольных и кодированных

элементов, с помощью которых можно распознать смысл; отвечает за разум и умозаключения, имеет логически построенный синтаксис. Известно, что человеческое общение построено на этих двух видах коммуникации, то есть на сегментируемой последовательности слов и на сверхсегментальных характеристиках музыки языка, таких как тембр, ритм, артикуляция, тон голоса и т.д. (*Clouard, Golse, 2017, p. 337–350*).

Как подтверждают работы таких ученых, как Джером Брунер (*Bruner, 1983*) и Дидье Анзьё (*Анзьё, 2011*), ребенок первично входит в языковое пространство именно через аналоговую коммуникацию. В этом ракурсе феномен инфантильной амнезии, открытый Фрейдом в 1905 году, можно трактовать как смещение прецессии с аналоговой на цифровую, что объясняет вытеснение этих воспоминаний в процессе психического развития ребенка.

В свете этих рассуждений допустимо связать аналоговую коммуникацию с неосознаваемой имплицитной (процедурной) памятью, задействованной в воспроизведении вещей, а цифровую – с осознаваемой эксплицитной (декларативной) памятью, задействованной в воспроизведении слов.

Благодаря многочисленным характеристикам музыки языка голос запускает огромный потенциал влечений. С этой точки зрения имеют большую ценность работы Андре Грина, который рассмотрел природу аффекта и его роль в клиническом процессе (*Green, 1973*) и исследователя с говорящей фамилией Ивана Фонаги (с греческого «phone» – звук), который изучал психофонетику и бессознательные части интонации голоса (*Fónagy, 1991*).

Многие исследования заставляют нас переосмыслить голос, понимая его не просто как акустический феномен, но и как голос в его отношении с Другим. Яркий пример – формирование первичных связей у младенца через материнский голос.

В связи с прерывающимся голосовым взаимодействием с плодом в пренатальный период создаются понятия присутствия – отсутствия объекта в послеродовом периоде, как нам это наглядно показала работа Сюзан Майелло, иллюстрирующая взаимодействие развивающейся психики ребенка и уже сформированной психики взрослого (*Maiello, 1991*). Кроме того, было обнаружено, что звуки влияют на активность плода, особенно те, на которые эмоционально реагирует сама мать (*Deliège, 1996*).

Также ученый Колвин Тревартен показал, что архаичный диалог с матерью, характеризующийся цикличностью и пошаговостью, дающей возможность каждому участнику ответить, начинается до рождения младенца (*Trevarthen, 1974*). Этот феномен создает предпосылки для характера гуления ребенка с самим собой в кроватке и подготавливает его к речевому акту. В исследовании Рут Вейр с участием ее двухлетнего сына было замечено большое количество императивов в речи этого ребенка

с самим собой, что больше напоминало диалог, нежели монолог (Weir, 1962). Другие исследования показали, что дети учатся речевому подражанию через «подражание подражанию» самих матерей. Крайне важным оказался вопросительный характер сообщений от матери ребенку – с помощью этого речевого пространства ребенок подготавливается не только отвечать на вопросы с помощью жестов и криков, но и предлагается почва для него как для значимого субъекта (Kuczaj, 1983).

Один из важнейших представителей теории объектных отношений, детский психоаналитик Дональд Вудс Винникотт, изучая переход младенца от состояния слияния с матерью к восприятию ее как внешнего объекта, отмечает значение звука и голоса как «переходного феномена». Голос как коммуникация как раз и оказывается в этом пространстве игры по Винникотту, то есть между внутренним и внешним миром ребенка (Винникотт, 2015).

Голос является пульсирующим узлом либидо, который, реализуясь, связывает влечения.

В работе «Опера или крик ангела» Мишель Пуаза поддерживает идею Леви-Стросса о негативной связи музыки с языком, то есть о том, что музыка – это язык минус значение (Poizat, 1986). Возможно, что природа любви и восприимчивости к музыке сложнее, нежели просто привязанность к голосу матери до насильственного для ребенка разрыва со смыслом. Вероятно, это привязанность к архаичному материнскому языку, влияющему на человека в тот период онтогенеза, когда еще нет символизации.

В любом случае, говоря о музыке языка, мы подразумеваем связь между музыкой и голосом. Можно провести параллель между матерью как дирижером процессов восприятия ребенка и взаимодействием аналитика и пациента в процессе психоаналитического лечения.

Бернар Гольс и Рене Руссийон подняли важный вопрос интерпретации психоаналитика с точки зрения вербализации, которая осуществляется с помощью голоса. В отличие от последователей Жака Лакана, которые считают, что символический язык воспринимается детьми с самого рождения, ученые заключили, что *в терапии с не-невротическими пациентами большее значение имеет аналоговая коммуникация и музыка языка, нежели цифровая и тот символический смысл, который вкладывает аналитик в интерпретацию* (Golse, Roussillon, 2010). У еще не сформированной психики зарождается фундамент посредством первоначальной вербализации внутреннего содержимого. Если интерпретация, которая имеет структуру музыкальной фразы, совпадает с эмоциональным представлением ребенка, то он воспринимает ее как «правильную речь», если же нет, то она не будет иметь терапевтического эффекта (Clouard, Golse, 2017, p. 337–348). Представляет сложность совместная психотерапия родителей с детьми, так как в этом случае поднимается вопрос донесения информации, содержащейся в интерпретации психоаналитика, до всех

адресатов, используя и аналоговую, и цифровую коммуникации с учетом различий восприятия ребенка и взрослого.

Таким образом, развитие психоаналитической мысли идет по пути углубления и расширения понятия голоса. Такой технический прием психоанализа и психоаналитической терапии как интерпретация широко обсуждается в научных кругах и, несомненно, изучение становления языка через акт высказывания будет только способствовать развитию этой важной темы.

Определенно сложно было бы понять глубину феномена голоса без **философского осмысления**, которое, обогащает любое познание.

Аристотелевская душа как доиндивидуальное начало рассматривается как голос другого внутри человека и отсылает нас к вопросу Сверх-Я. Сначала Аристотель (Аристотель, 1996), а затем и Гегель (Гегель, 1977) рассматривают людей и животных как субъекты, которые издают звуки и общаются с помощью голоса. Гегель, подчеркивая разные уровни свободы у животных, говорит о том, что они буквально выкрикивают голосом факт своего бытия. Особенно в этом деле он выделяет пение птиц (Гегель, 1934). В отличие от животных, человек имеет язык, и на этом факте держится метафизическая философия, во главе которой стоит Гегель. Современный философ Джорджо Агамбен комментирует Гегеля, делая акцент на артикуляции как прерывании чистого звукового потока согласными звуками для придания смысла человеческой речи. Он сравнивает этот процесс с дискретным сдерживанием животного крика (*Agamben*, 2006). Это наводит на мысль о Фрейде и бессознательном, в котором хранятся и пытаются вырваться наружу сдерживаемые психические содержания животного характера. Так и Жорж Батай говорит об этом феномене как о жертвоприношении, то есть уничтожении глубинного животного в себе (Батай, 1994). Философское понимание голоса дополнили в своих работах Жак Деррида (Деррида, 1999) и Юлия Кристева (Кристева, 2013), помогая осознанию топологии места голоса между внутренним и внешним, между живым и мертвым.

Важнейшую роль в изучении голоса сыграла противоречивая фигура Жака Лакана, который не был большим писателем, но был известен своими выступлениями, текст которых записывали за ним его студенты. Лакан добавил к общему списку влечений по Фрейду зрительное и голосовое (Лакан, 2010). По его мысли, голос – это объект желания. Сопоставим интересный факт манеры говорения самого Лакана на его знаменитых семинарах с его же теорией. Известно, что так называемые беспорядки речи всегда сопровождали выступления Лакана, создавая впечатление регрессии и сопротивления. А в конце жизни он страдал афазией. Лакан, который к своему двадцатому «немому» семинару уже совсем не мог говорить, в своей теории заявляет о голосе, который не звучит. Как будто его голос как объект его исследований играет с ним злую шутку, вместе с сознательным смыслом его теории выставляя напоказ бессознательное автора.

Голос, являясь объектом желания, играет свою роль в связывании влечений еще до «стадии зеркала», до идентификации с объектом, что в некоторой мере переворачивает взгляд на субъекта.

Голосовой объект в виде криков и стонов также проявляется в контексте первосцены, которая структурирует психику ребенка.

Славой Жижек указывает на тезис Лакана о том, что взгляд и голос, являясь объектами, не принадлежат субъекту, значит, они скорее относятся к тому, на кого смотрят, или кому говорят (Zizek, 1996).

Лакан говорит об «алетосфере» как о сопровождении голосом, благодаря которому, по его примеру, была совершена высадка человека на Луну. У Фрейда есть другой пример этого явления: ребенок, засыпающий в темной комнате, просит взрослого поговорить с ним через стену, чтобы ему стало «светлее». Это некое визуальное преобразование голосом и связь через него с другим и описывает Лакан, говоря об «алетосфере». Лакан приводит пример незвучащего голоса другого – это голос Бога. Эта апорийность как расщепление характеризует теорию Лакана, совмещающая акустический голос, имеющий звук, и тишину внутреннего голоса как заполняющего пространства.

Философ, участник лакановских семинаров при Музее сновидений З. Фрейда, последователь Жака Лакана Айтен Юран подняла вопрос о сложных отношениях **голоса и логоса**. Несмотря на то, что звучание голоса неразрывно воспринимается вместе с передачей некой смысловой нагрузки, в то же время голос, функционирующий, например, в психозах, обрушивает этот смысл. Вспомним миф о сиренах, когда голос не дает услышать запреты и в конечном итоге оказывается смертельным. Голос делает неслышимыми слова и невозможным нахождение их символического значения. В логике скопического влечения Лакана, где чтобы увидеть, необходимо перестать видеть взгляд извне, голос должен перестать звучать, чтобы его услышать. И тогда объектом психоанализа является тот голос, который неслышим. По Лакану, беззвучный голос Сверх-Я не испытывает потребности акустически проявляться. Психоаналитическая мысль открывает нам перспективу рассмотрения этих двух голосов в ракурсе их противопоставления – как неговорящего голоса и голоса, предупреждающего воспроизведение (Юран, конференция «Голос», 2016).

Опера как возвращение в детство

Первым музыкальным инструментом и музыкальным звуком явился человеческий голос. Исследователи восприятия голоса заметили, что оперная музыка особенно вызывает телесный отклик, а именно появление «мурашек», так как основная масса звуков оперных произведений находится в диапазоне человеческого крика, то есть 3–4 кГц.

Опера как искусство появилась в самом начале семнадцатого века. Это был «Орфей» Монтеверди. С девятнадцатого века и триумфа личной

субъективности вокальная натура определялась четко. Насколько много человеческих ролей, настолько разнообразна и тесситура: «В нашем западном обществе, с помощью четырех вокальных регистров оперы, мы получаем Эдипов триумф: здесь вся семья, отец, мать, дочь и сын, символически задуманные, какими бы ни были особенности этой занятой подробности и замены ролей на бас, контральто, сопрано и тенор», справедливо заметил Р. Барт (Барт, 1989, с. 465).

Опера показывает нам, насколько глубоко герои и героини проживают свою страсть. Страсть, которая приводит к трагедии, поскольку сталкивается с непреодолимыми препятствиями: разрыв в социальном положении («Богема», «Травиата»), религия («Норма»), этнические различия («Мадам Баттерфляй», «Отелло»), семейная вражда («Ромео и Джульетта»). Жажда власти – это в основном удел мужчин, соотносится с концепцией Фрейда о примате фаллоса: эту страсть мы находим у персонажей «Макбета» и «Бориса Годунова».

Зигмунд Фрейд, мягко говоря, не будучи меломаном, любил оперы Моцарта, особенно «Дон Жуан» (Шур, 2005). Как ни странно, он был почти не способен отдаваться переживанию чистой музыки, которая не сопровождается сюжетом или вербализованным содержанием, поэтому, по всей видимости, для оперы он делал это исключение. Он говорил, что из-за аналитического склада своей психики способен получать удовольствие только от тех видов искусства, которые наглядно объясняют причины появления этого удовольствия.

Данный факт биографии Фрейда видится парадоксальным, учитывая глубину личности этого ученого и его конкретные достижения в поиске скрытых, неявных смыслов. Американский психоаналитик Хайнц Кохут объясняет это тем, что особенности личности Фрейда заставили его избегать области бессодержательных форм, напряженных и необъяснимых эмоций (Кохут, 2003).

С психоаналитической точки зрения необходимо отметить присутствие элементов, которые делают оперу искусством, связанным с более или менее архаическими ритмами человека. Возьмем особенные моменты, когда из кажущегося хаоса звуков медленно и постепенно возникает спетая фраза, которая доминирует над хаосом, подчиняя себе изначально архаический звуковой материал.

Опера, распределяя хаос звуков и собирая фантазии человека, как будто структурирует содержания бессознательного. Опера через историю отражает как в зеркале те загадки личной фантазмагии человека, которые им не осознаны.

Категория времени исчезает, и человек охотно переносится в детство, чтобы снова пережить страх рождения и смерти и другие бессознательные фантазии. Та сцена со всеми ее героями, на которой разворачивается бессознательный театр человека, проецируется на сцену в оперном театре.

Сопоставим зрителя оперы с пациентом психоаналитического лечения, а условия и правила, которые он должен соблюдать на срок представления, с аналитическим кадром. Аргументацией этого смелого сравнения является по меньшей мере отказ зрителя на время от своей реальной жизни и социальной роли. Будто перерыв на выходные между аналитическими сессиями на неделе, спектакль прерывается антрактом, заставляя зрителя на время вернуться в жизнь из фантазийного мира.

Вспомним значимую традицию, в которой ребенок просит взрослого читать ему на ночь одни и те же истории, сюжет которых он уже выучил наизусть, и именно это его успокаивает и заставляет отделиться от матери и уйти в сон, и сравним этот феномен со зрительской любовью заново переживать давно знакомые репертуары из раза в раз. Подобно ребенку, зрителю нравится возможность контролировать развитие сюжета и предвидеть конец истории, чем объясняется настороженное отношение к смелым (читай: Другим) интерпретациям классических сценариев.

Музыка языка взрослого, о которой мы говорили выше, принимает основное участие в ритуале чтения ребенку на ночь, ведь правильно найденные интонация и имитация звуков создают акценты и подчеркивают характеры различных героев сказки. Таким образом, ребенок через аналоговую коммуникацию снова соединяется с музыкальностью матери, которую он как бы потерял с ростом и развитием, и получает нарциссическое подкрепление от присутствия ее любви. В таких условиях становится не страшно переживать тревогу и другие неприятные чувства, связанные с поворотами сюжета сказки. Такие переживания гармонизируют Самость ребенка, связывая его внутренние части и всемогущество, которое проецируется на злых и коварных персонажей. Хороший конец сказки дает ребенку уверенность в том, что его агрессивные импульсы не разрушат мать и другое окружение, что они будут выдержаны и сконтейнированы. Таким образом, формируется доверительное отношение к миру.

Аналогичная ситуация разворачивается в опере: миф, который она предлагает, находится между внутренним миром и внешним. Здесь можно вспомнить и коллективное переходное пространство по Винникотту, и гармонирующую функцию мифа в отношении этих двух сфер по Грину (*Green, 1969*).

К слову, об отношениях голоса и смысла: участники оперы вокальным и другими инструментами усиливают бессознательный посыл персонажей, меняя или минимизируя смысл слов.

Зритель приходит в оперу, чтобы жить другой жизнью, чтобы расширить его эмоциональный отклик в контакте с этими вымышленными существами, которые открывают неисследованные территории в глубинах нашей собственной чувствительности. Борхес был прав, сказав: «Все, что случается с одним человеком, может случиться со всеми другими людьми» (Борхес, 1994, с. 548). Таким образом, человек вполне может испытывать моменты деперсонализации, которые не связаны с психотической

диссоциацией, а представляют собой потрясение, о котором французский психоаналитик Мишель де М'Юзан сказал бы, что оно полезно для нашего психического функционирования, и польза эта в самом оспаривании нашей приобретенной уверенности и нашей социальной роли (*Castarède, 2002*). Принять эту иллюзию – это единственная цена, которую субъект должен заплатить, чтобы удовлетворить свои тайные желания, но не нарушить социальные запреты, чтобы «получить сдерживаемое и неуместное наслаждение, с помощью объектов, которые и являются, и не являются теми, что из себя представляют» (*Green, 1977, p. 32*).

Пение идет рука об руку с человеком с незапамятных времен, связывая музыку и речь. Маленький ребенок, подобно древнему человеку, прежде чем начинает говорить, поет (гулит и лепечет). Сначала все мы выражали эмоции, и только потом – понятия и идеи. Певческий голос транслирует экспрессию, используя ритм и вибрацию. Психоаналитик Пол Мозес трактует пение как незамутненное выражение чувств с доречевых времен (*Moses, 1954*).

Подход к явлению оперы с позиций психоанализа позволил нам сделать вывод, что ее задача – подарить каждому из слушателей зеркало для его первофантазмов – фантазмы о рождении и смерти, фантазм о первосцене, разнице полов, соблазнении и кастрации. Опера (музыка, голос, драматические темы) напрямую связана с проявлениями нашего бессознательного. Наиболее яркие примеры относятся к драматургии большинства опер: желание и запрет, нарушение запрета и следующее затем наказание, которое снимает груз вины. Эта конструкция подобна эдипальной, когда ребенок бессознательно желает родителя противоположного пола и становится соперником родителя своего пола. С самого начала основной темой оперы была и остается страсть, которая может привести к безумию. В опере главные герои поддаются искушению, отдаются страсти, чтобы таким образом восстановить слияние матери и младенца, отношения, которые могут привести к смерти.

Опера и есть то самое великое искусство, в котором голос существует сам по себе. Если оперу «смотреть с закрытыми глазами», то возникает, как правило, невероятный эффект именно *голоса как объекта*.

Заключение

Занимаясь изучением феномена голоса, мы пришли к пониманию, что эта тема безгранична. Лишь попытавшись ее охватить и раскрыть, мы обнаружили, какое огромное количество направлений для возможных исследований сходятся именно здесь. Даже оставаясь исключительно в поле аналитического дискурса, мы открываем несметное множество как проблем, так и возможностей. Именно голос оказывается своего рода пульсирующим узлом, к которому ведут эти темы.

Объект голос оказался гораздо сложнее, чем просто звуковой феномен, в этом особенность человека как говорящего или звучащего существа. В нашей статье мы предложили проследить лишь несколько аспектов феномена голоса, которые могут потребовать более полной реконструкции места голоса в истории психоанализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа / Дидье Анзье. Ижевск : ERGO, 2011. 303 с.
2. *Аристотель.* История животных / *Аристотель*; пер. с древнегреч. В.П. Карпова; под ред. и с примеч. Б.А. Старостина. М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 1996. 525 с.
3. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика : Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
4. *Батай Ж.* Гегель, смерть и жертвоприношение / Жорж Батай // Танатология эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 349 с.
5. *Борхес Х. Л.* Сочинения : в 3 томах / *Борхес Хорхе Луис*. Рига : Полярис, 1994 г. 1661 с.
6. *Вацлавик П.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / *П. Вацлавик, Д. Бивши, Д. Джексон*; пер. с англ. *А. Суворовой*. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. 320 с.
7. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность / *Дональд Вудс Винникотт*. М. : Ин-т общегуманитарных исслед. (Серия «Современный психоанализ: теория и практика»), 2015. 208 с.
8. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. Т. II. / *Георг Вильгельм Фридрих Гегель*. М.: Соцэкгиз, 1934. 682 с.
9. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / *Георг Вильгельм Фридрих Гегель Г. В. Ф.*; пер. Б.А. Фохта, отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. 471 с.
10. *Деррида Ж.* Голос и феномен / *Жак Деррида*. СПб.: Алетейя, 1999. 112 с.
11. *Кохут Х.* Анализ самости : Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / *Хайнц Кохут*. М.: Когито-Центр, 2003.
12. *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении / *Юлия Кристева*. Пер. А. Костикова. СПб.: Алетейя, 2013. 246 с.
13. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 10. Тревога / *Жак Лакан*; пер. с фр. *А. Черноглазова*. М.: Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
14. *Фрейд З.* Введение в психоанализ / *Зигмунд Фрейд*; пер. *Барышникова Г.В.* // Страх: 25 лекция. М.: AST Publishers, 2014. 770 с.
15. *Фрейд З.* Горе и меланхолия // Психика: структура и функционирование / *Зигмунд Фрейд*. М.: Академический проект, 2007. 240 с.
16. *Шур Макс.* Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть / *Макс Шур*; [пер. с англ. *Л.А. Игоревского*]. М.: Центрполиграф, 2005. 525 с.
17. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / *Умберто Эко*; пер. с итал. *В. Резник, А. Погоняйло*. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.
18. *Agamben G.* Language and Death: the Place of Negativity / Trans. *P.E. Pinkus and M. Hardt*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006. 136 p.

19. Bruner J.S., Watson R. Child's Talk: Learning to Use Language. Oxford University Press, 1983. 144 p.
20. Castarède M.-F. Les vocalises de la passion, psychanalyse de l'opéra. VUEF, Paris – Armand Colin, 2002. 200 p.
21. Clouard C., Golse B., Vanier A. La narrativité. Racines, enjeux et ouvertures. Chapitre 17. Le bébé, le langage et la musique // Ouvertures psy. In press (4 octobre 2017). 500 p.
22. Deliège I., John A. Sloboda. Musical Beginnings. Oxford University Press, 1996. 222 p.
23. Dolar M. A voice and nothing more. MIT Press, 2006. 224 p.
24. Fliess R. Erogenicity and Libido. New York: IUP, 1956.
25. Fónagy I. La vive voix : essais de psycho-phonétique. Bibliothèque scientifique Payot. Payot, 1991. 346 p.
26. Golse B., Roussillon R. La naissance de l'objet. PUF, Coll. Le fil rouge. Paris, 2010. 288 p.
27. Green A. Le discours vivant: la conception psychanalytique de l'affect. Paris. Presses Universitaires de France, 1973. 364 p.
28. Green A. Maria Callas : un mystère // Lyrica n° 38, 1977. P. 32.
29. Green A. Un œil en trop. Paris: Ed. de Minuit, 1969. P. 35.
30. Isakower O. On the Exceptional Position of the Auditory Sphere // International Journal of Psychoanalysis. 1939. Vol. 20. 378 p.
31. Kuczaj S. Crib Speech and Language Play. New York: Springer Verlag, 1983. 188 p.
32. Maiello S. L'objet sonore. Hypothèse d'une mémoire auditive prénatale // Journal de la psychanalyse de l'enfant. 20 Le corps. 1991. 92 p.
33. Moses Paul J. The voice of neurosis. Grune & Stratton, 1954. 131 p.
34. Poizat L'Opéra ou le cri de l'ange. Essai sur la jouissance de l'amateur d'opéra. Editions Métailié. Paris, 1986. 300 p.
35. Reik T. Listening with the Third Ear. New York: Grove Press, 1956. 403 p.
36. Reik T. Psychoanalysis of the Unconscious Sense of Guilt // International Journal of Psychoanalysis. 1924. Vol. 5. 750 p.
37. Trevarthen C. Conversations with a Two-Month Old. New Scientist, 62, 1974. 323 p.
38. Weir R. Language in the Crib. Mouton, The Hague, 1962.
39. Žižek S. and Salecl R. (eds.) Gaze and Voice as Love Objects. Durham / London: Duke University Press, 1996. 264 p.
40. Конференция «Голос», ведущий Виктор Мазин, 11 сентября 2016 г. Музей Сновидений Зигмунда Фрейда. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vc0Q-HLO57I> (дата обращения: 10.10.18).

Voice as a psychoanalytic phenomenon

A.A. Pilyavina

Anna A. Pilyavina, Master of Psychology (HSE), Psychoanalytically-oriented psychotherapist, Clinical psychologist.

This article brings together various concepts of voice and places them as phenomena in a wider contexts of science, professional studies and psychoanalytic activities.

We have explored the evolution of psychoanalytic concepts of sound and voice, covering several aspects: voice as an object, voice as a means of communication, philosophy of voice, music of language, as well as features and peculiarities of analytical processes with the help of voice. The article poses that voice is not only an acoustic phenomenon, but also an instrument in its relationship with the Other. The article implements a brief psychoanalytic analysis of the phenomenon of voice using the example of classical opera. It is important to note that some of the theses and statements of this article still need to be further refined as they explore new goals when it comes to studying voice. The work has thus raised new questions rather than gives answers.

Keywords: voice, logos, essence of speech, music of language, mother's language, Superego, linguistics, phono behavior, interpretation, communication, sonor space, transitional phenomenon, verbalization, act of speaking and attraction, act of speech, primary connections, cry, singing, opera.

Психоаналитический подход к оценке суицидального риска в профессии авиапилотов: случай Андреаса Любица (рейс 4u9525)

**Д.А. Куликов,
А.С. Евдокименко**

Куликов Денис Александрович – работал в качестве риск-менеджера АО «Аэрофлот» более 4-х лет, после этого больше 5-ти лет занимал руководящие позиции в подразделениях, отвечающих за страхование авиационных рисков, в ведущих страховых и перестраховочных компаниях (АльфаСтрахование и СОГАЗ). Последние 5 лет является партнером в ведущем страховом брокере по авиационным рискам – СиЛайн. Имеет большой опыт расследования и урегулирования различных страховых событий в авиационной отрасли. Магистр психологии, психоаналитически-ориентированный психолог-консультант, коуч. Выпускник совместной программы Тавистокского института и Университета Эссекса по психодинамическому и системному подходу в консультировании организаций и лидерстве. Член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Евдокименко Александр Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики».

В исследовании представлен анализ единичного случая, где разбирается ситуация суицида авиапилота рейса 4U9525. С помощью биографического метода анализируются данные о воспитании и профессиональном становлении пилота, его переписка с близкими людьми и врачами, опубликованные в открытых источниках. Главной целью исследования является применение психоаналитического метода к анализу симптомов, пониманию причин совершения суицида и плана профилактических мероприятий, которые можно внедрить в авиационной сфере.

Ключевые слова: суицид, психоаналитический метод, депрессия, психосоматическое расстройство, инцестуозное влечение.

Подходы к оценке человеческого фактора в гражданской авиации

Авиационная отрасль исторически связана с повышенными рисками, и, как результат, здесь уделяется особое внимание выявлению, анализу и в итоге – управлению этими рисками с целью максимально повысить безопасность полетов. В течение тех 100 с небольшим лет, что существует авиация, основное внимание всегда уделялось повышению надежности техники и, надо отдать должное, современные воздушные суда являются, пожалуй, одними из самых совершенных творений человека, а по статистике – самым безопасным видом транспорта. При этом такому важному риску, как влияние человеческого фактора, авиаторы стали уделять особое внимание относительно недавно – чуть более 30-ти лет назад. И поводом к этому послужила катастрофа двух столкнувшихся Boeing B747 в аэропорту Лос-Родос на о. Тенерифе в 1977, унесшая жизни 583 человек. Именно тогда авиакомпанией KLM, одной из участниц катастрофы, была разработана, а позднее поддержана ICAO, прикладная методология работы с человеческим фактором в экипажах, получившая сначала название Cockpit Resource Management (сокращенно – CRM), а затем переименованная в Crew Resource Management, т.к. была дополнена, усовершенствована и распространилась не только на летные экипажи, но и на бортпроводников, а в самых современных поколениях системы CRM – уже и на всю авиакомпанию целиком, рассматривая понятие «экипаж» в качестве одной большой команды, куда входят все работники авиакомпании от пилотов до офисных клерков.

Тем не менее классический подход к управлению рисками как правило сосредоточен вокруг минимизации расходов и затрат и большей частью занимается теми вопросами, которые не зависят непосредственно от человеческого фактора: хеджирование топлива, отбор и контроль поставщиков услуг и партнеров, страхование и т.д. При этом риски под грифом «ЧФ» часто оказываются в статусе не поддающихся управлению / контролю и просто принимаются к сведению. Даже продвинутое поколение систем CRM больше направлены на анализ эмоционального климата внутри экипажа с точки зрения эффективности взаимодействия, развития лидерских навыков командиров воздушных судов, конфликтологии и стилей поведения, командообразования. За бортом остается анализ эмоциональных рисков членов летных экипажей, бортпроводников, техников и прочих представителей авиационного персонала, которые за пределами своих служебных обязанностей оказываются простыми людьми, подверженными стрессам, депрессиям и прочим влияниям среды и общества.

Специфика летной работы имеет фундаментальное свойство – профессиональный риск, определяемый самой природой этой профессии, неотделимо связанной с повышенной опасностью. Если рассматривать авиакомпанию в целом и летные экипажи в частности с точки зрения рисков человеческого фактора, то именно риск является мерилем профессионального

роста и зрелости, определяя готовность субъектов этой деятельности работать в условиях повышенной опасности. Еще один важный фактор, оказывающий влияние на понимание значения человеческого фактора в авиационных рисках, – это социальная и правовая незащищенность субъектов этой отрасли в случаях, когда имеет место неадекватное или ошибочное действие с их стороны, которое приводит к серьезным инцидентам и происшествиям.

Анализ рабочих ситуаций летных экипажей показывает, что базовой трудностью, с которой они сталкиваются во время полета, оказываются аффективные переживания, связанные с осознанием безусловной ответственности принимаемые за решения. Здесь и рождаются бессознательные процессы, приводящие в итоге к нарушению письменных инструкций. В итоге мы получаем ситуации, когда нормативные документы устанавливают «правильный» алгоритм последовательных действий (особенно в нештатной ситуации), в то время как пилот может действовать по совершенно иной модели, созвучной его личному восприятию психической репрезентации происходящего «здесь и сейчас» (Пономаренко, 2007).

Психоаналитический подход к суицидальному поведению

Помимо разработанной З. Фрейдом концепции обращенного против собственного Я гнева, в его работах также обращается внимание на следующие стороны вопроса: чувство вины, вызываемое желанием смерти других; месть или убегание посредством самоубийства; при наличии совершившего акт суицида родителя – отождествление с ним; невозможность отказа от желаемого; суицид и мазохизм; вызвавшая немало дискуссий концепция проявления инстинкта смерти через суицидальный акт. Сам Фрейд писал: «Судьбоносный для человеческого рода вопрос, по-видимому, состоит в том, насколько его культурное развитие позволит преодолеть общественные неурядицы из-за свойственного человеку инстинкта агрессии и саморазрушения» (Литмен, 2003).

К сожалению, Фрейд не обобщил свои взгляды на суицид в формате отдельной статьи или книги. Большое количество его клинических изысканий и наблюдений, заключений и мыслей о разных аспектах суицида необходимо собирать в разнообразии написанных им работ, которые, как правило, затрагивают иные вопросы и посвящены другим целям. В работе Фрейда «Психопатология обыденной жизни» мы можем найти множество клинических наблюдений, на основании которых он делает вывод о важности той роли, которую для психического существования человека играет инстинкт саморазрушения (Фрейд, 2009).

Позднее Фрейд укажет на значительное открытие, что самоубийство порождается взаимодействием нескольких мотивов, особо подчеркивая при этом расщепление Эго и идентификацию. Акт суицида можно объяснить следующим образом – расщепленное Эго отыгрывает идентификацию

с одним из родителей (как правило, с матерью). Кроме того, отмечается вопрос смерти и возрождения / спасения, последствия самоубийства как сообщения, меняющего окружающие обстоятельства, отмечаются эротические и мазохистские элементы попытки самоубийства. Функцию необходимой для совершения суицида энергии играет желание смерти других, хотя, стоит отметить, что подобные желания присутствуют не только у суицидентов, а являются вообще типичными для людей.

Если обратиться к идеям, изложенным в работе «Скорбь и меланхолия» (Фрейд, 2014), то мы увидим следующий процесс: Супер-Эго, будучи невероятно сильным, овладевает сознанием и восстает против Эго; инстинкт смерти полностью захватывает Супер-Эго и таким образом оно может довести до смерти Эго. В свою очередь Эго сдается, так как ощущает по отношению к себе ненависть и преследование со стороны Супер-Эго, а не любовь и заботу. В результате получается, что если Эго выбирает жизнь, то это равносильно получению любви Супер-Эго, и тогда смерть через суицид символизирует / отыгрывает как бы отказ Супер-Эго от Эго. Подобный расклад похож на разлучение ребенка с чересчур опекающей матерью. Однако описание этих особенностей может лишь отчасти объяснить индивидуальный случай суицида, так как в нем, как правило, задействованы еще и особые механизмы. Среди них – срыв механизмов психологической защиты Эго и высвобождение повышенной энергии деструктивного инстинкта.

На базе утверждений, высказываемых суицидентами касательно собственных сознательных мотивов, вкупе с вербальными и невербальными поведенческими моделями, более поздние исследователи (*Zilboorg*, 1936; *Hendin*, 1963; *Kubie*, 1964; *Lilman*, *Tabachnic*, 1968) сделали общий вывод, что существуют фантазии, которые в конечном итоге и проявились в форме суицидального действия. При этом, однако, как отмечает Х. Хензелер, в методическом отношении практически не учитывается то, что такие фантазии или мотивы подверглись уже в той или иной мере вторичной переработке и представляют собой конечный продукт психодинамического процесса, то есть отражают истинную мотивацию в искаженной форме (Хензелер, 2001). Отчасти это объясняет разнообразие существующих классификаций вместе с различной степенью их абстракции.

Однако будет неправильно не упомянуть о существенных расхождениях во взглядах некоторых упомянутых исследователей относительно создания единого теоретического подхода. Л. Куби (*Kubie*, 1964) высказывает предположение о существовании разнообразных психодинамических механизмов, в то время как Г. Зилбург (*Zilboorg*, 1936, 1937) подвергает сомнению утверждение, что убийство интернализированного объекта есть единственный формат психодинамики суицида. Он поднимает вопрос: не может ли попытка суицида являться также «парадоксальным самоутверждением» (*selfassertion*) ослабленного Я (*Zilboorg*, 1937).

Х. Хендин (*Hendin*, 1963) в своих изысканиях выделяет чувство всемогущества суицидента, рассматривая акт самоубийства в качестве возможности активно воздействовать на любую ситуацию, то есть активное предупреждение сепарации с объектом любви, иногда отыгрываемую фантазию о воссоединении, фантазии о возрождении в лучшем мире, а также известные агрессивные аспекты инверсии импульсов убийства. Он указывает, что грандиозность притязаний подтверждается, если рассматривать самоубийство в качестве самонаказания за неудачу в чем-либо.

Важная особенность, отмечаемая в работах сразу нескольких авторов, – это амбивалентность психических процессов у суицидентов. Особенно явно мы можем наблюдать это в таком понятии, как демонстративная попытка самоубийства или попытка самоубийства как театра (*Brockhaus*, 1922; *Schneider*, 1936). Рассматривая суицидальный акт в подобном ключе, мы увидим, наряду с деструктивными, также и конструктивные мотивы. В основе лежит идея перманентного смещения (или сверхдетерминации) мотивов саморазрушения и самосохранения.

Продолжая изыскания З. Фрейда в области взаимосвязи депрессии и суицида, И. Бибринг (*Bibring*, 1953) называет страх и депрессию базовыми реакциями (*basic reactions*) Я. В результате мы получаем картину, когда страх свидетельствует об угрозе, связанной с влечениями, и побуждает Я к защите, а депрессия, в свою очередь, сигнализирует о «нарциссической угрозе» и парализует Я чувством беспомощности и бессилия перед лицом опасности. Проводя параллель с фрейдистскими взглядами на разграничение страдания и страха, И. Бибринг рассматривает депрессию в качестве первичного эмоционального выражения беспомощности и бессилия, сравнимого с масштабами «Я-идеала» (по сути, в качестве конфликта, носящего структурный, интрасистемный характер). Выходит отказ от теории депрессии как выражения конфликта агрессии и отдается предпочтение теории структурного конфликта, и тогда агрессия представляет собой всего лишь часто встречающееся наложение (Хензелер, 2001).

И наконец стоит упомянуть исследование Г. Аммона (*Ammon*, 1973). С его точки зрения суицид является попыткой первично-процессуальной защиты от страха, связанного с бессознательным конфликтом идентичности, который появляется в результате возникновения требования к обозначению границ обретаемой идентичности, – это требование оказывается невыносимой угрозой. Конфликт идентичности является результатом нарушения раннего развития Я, создающего нарциссический дефицит, «лакуну в Я». В генетическом отношении речь идет о бессознательном запрете идентичности со стороны первичной группы, прежде всего матери. Следствием этого является бессознательная симбиотическая связь, зачастую близкая к маниакальной зависимости членов семьи друг от друга.

Анализ индивидуального случая суицидального поступка

Попробуем проанализировать ситуацию принятия решения о суициде вторым пилотом воздушного судна Андреасом Любицем, намеренно направившим с этой целью самолет в гору 24 марта 2015 года. На этом примере, широко освещавшемся в прессе, мы рассмотрим специфику формирования суицидального решения и проверим гипотезу о бессознательных факторах, оказывающих влияние на подобное решение.

Для доказательства наших основных предположений мы рассмотрим доступные факты из биографии Андреаса Любича и его семьи, а также события, происходившие в его жизни непосредственно накануне трагедии, в том числе его личное письмо одному из своих врачей.

Во время выполнения регулярного рейса номер 4U9525 из Барселоны в Дюссельдорф 24 марта 2015 года, спустя примерно час после взлета командир воздушного судна Патрик Сондхаймер в рамках стандартной процедуры, предусмотренной регламентом, передал управление второму пилоту Андреасу Любичу и покинул пилотскую кабину. Во время его отсутствия Андреас закрыл дверь, что предусмотрено регламентом, однако он также заблокировал возможность экстренного открывания двери снаружи, что было осознанным строжайшим нарушением инструкции. Как будет позже установлено официальным расследованием, незадолго до катастрофы Любич искал в интернете подробную информацию об устройстве дверей в пилотскую кабину в самолетах семейства Airbus A320, а также о различных способах суицида.

После этого он перепрограммировал автопилот, установив команду на снижение и направив таким образом самолет в гору. На крики командира с призывами открыть дверь и на его попытки эту дверь сломать Любич никак не отреагировал. Некоторое время официальное расследование придерживалось версии, что второму пилоту могло стать плохо и он потерял сознание, однако более детальное изучение звуков на речевом самописце показало, что Андреас был в полном сознании – слышно его ровное дыхание вплоть до самого столкновения с землей.

В ходе расследования был выявлен один примечательный факт: во время выполнения первого «плеча» злополучного рейса, то есть во время полета из Дюссельдорфа в Барселону ранее того дня, также имела место похожая ситуация, когда Любич остался один в пилотской кабине. При анализе бортовых самописцев того рейса удалось установить, что в этот момент Любич также предпринял попытку перепрограммировать автопилот, установив минимальный, 100-футовый, показатель на снижение. Вот как комментирует это газете *The Telegraph* Реми Жути (*Remi Jouty*), директор французского бюро расследований авиационных катастроф ВЕА: «Я не хочу спекулировать на тему того, что могло происходить у него в голове в тот момент. Все, что я могу сказать, так это что он поставил

тумблер, отвечающий за установку показателя высоты на снижение, на минимальный показатель в 100 футов и повторял эту операцию несколько раз». Специалисты утверждают, что этому не было придано значения, так как воздушное судно уже приступило к снижению в связи с заходом на посадку в аэропорту назначения.

Спустя несколько часов Андреас Любиц проделал те же манипуляции, и в результате последовавшего спустя несколько минут столкновения воздушного судна с Альпами погибли все находившиеся на борту 150 человек, включая суицидента.

Из доступных источников о Любице известно, что на момент гибели ему было 27 лет. Он проживал в доме со своими родителями в небольшом городке Монтабаур, куда семья переехала, когда Андреасу было 6 лет, а до того вся семья проживала вместе с бабушкой и дедушкой Андреаса в Нойбурге. При этом он также снимал квартиру в Дюссельдорфе, где периодически останавливался (около трети рейсов Germanwings выполнялись из аэропорта этого города). Отец – предприниматель, мать – учительница музыки по классу фортепиано и по совместительству – органист в местной церкви, дедушка – педиатр, бабушка – школьная учительница. Со слов друзей и соседей, Андреас был «тихим, замкнутым, но вежливым и дружелюбным» человеком. Главной страстью всей его жизни были мечты о полетах – он мечтал о том, чтобы стать пилотом с младшей школы. Как говорят его близкие друзья, все стены его комнаты, даже над кроватью, были обклеены постерами с самолетами и рекламой Lufthansa, а на полках было множество моделей самолетов различных типов и времени производства. В 14 лет Андреас начинает заниматься в местном аэроклубе и получает лицензию пилота-любителя на планере. Родители, будучи обеспеченными людьми, даже покупают ему свой личный планер, который хранился в том аэроклубе.

Клаус Радкер, председатель аэроклуба, так сказал о Любице в интервью местной газете: «Летать было его мечтой с самых ранних лет, и воплотить эту мечту в реальность он начал именно здесь. И когда он пошел дальше и получил коммерческую лицензию и начал летать на таких самолетах, как аэробус, он был очень счастлив и горд». Господин Радкер видел Любица в последний раз осенью 2014 года, когда Андреас заходил в клуб, чтобы продлить свою лицензию на легкую авиационную технику, а также принять участие в клубном мероприятии – барбекю, на котором он появился со своей девушкой. Никто из членов клуба не заметил ничего странного в его поведении. «Он выглядел нормальным. Гордился своей работой после стольких тренировок. Казался счастливым, – говорит господин Радкер. – Я всегда находил его дружелюбным, хотя и сдержанным человеком. Открытым и вежливым».

Вот что рассказал The Telegraph другой член аэроклуба, в котором состоял Любиц, Дитер Вагнер (*Dieter Wagner*): «Я уверен, что он отлично знал сектор, в котором произошла катастрофа, потому что часто выполнял

там полеты на своем планере. Он был страстно увлечен Альпами, даже одержим».

В 2008 году Любиц поступил в летную школу Lufthansa в Бремене, при этом часть обучения проходила в США (Финикс, Аризона). Во время обучения Любиц жалуется друзьям на слишком сильный стресс и высказывает желание сделать перерыв. В итоге ему действительно приходится прервать обучение на срок чуть больше 8 месяцев в связи с тяжелой депрессией, от которой он проходил лечение, в том числе и медикаментозное, у доктора Роберта С. (психиатр и невролог) из Монтабаура. Мать школьной подруги Любица сказала в интервью изданию *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, что знала об этом факте, так как Андреас рассказал ее дочери, что он прервал обучение из-за того, что страдает от депрессии. По ее словам, состояние Любица было похоже на выгорание.

В 2009 году Андреас возобновил обучение на пилота гражданских авиалиний, предоставив в Lufthansa документы, по которым у него был эпизод глубокой депрессии (*previous episode of severe depression*) и он проходил длительное психотерапевтическое лечение, в том числе и от суицидальных наклонностей – эти данные были в его личном деле в авиакомпании. Этот факт станет одним из важнейших особенностей этого кейса, поскольку на его основании Lufthansa несколько раз официально отказывала Любицу в обеспечении его медицинским страховым полисом, который необходим для ежегодного продления пилотской лицензии. Впоследствии в его медицинской карте была поставлена особая отметка, на основании которой при постановке ему психиатрического диагноза врач был обязан уведомить работодателя и страховую компанию. Это примечательно, поскольку законы Германии о конфиденциальности и врачебной тайне напрямую запрещают врачам сообщать информацию о своих пациентах куда-либо. Исключения бывают крайне редки и всегда определяются строгими формулировками. В результате Любиц, по всей видимости, зная об этой юридической специфике, беспрепятственно посещал большое количество медицинских учреждений и врачей разной направленности, сознательно пытаясь избежать постановки опасного для него диагноза и игнорируя рекомендации врачей взять официальный больничный.

Ситуацию с допуском Любица к полетам прокомментировал CEO Lufthansa, заявив немецкому *Bild*, что незадолго до катастрофы не было абсолютно никаких признаков отклонений в поведении второго пилота, и что «ни одна система в мире» не смогла бы предсказать и предотвратить то, что он в итоге сделал. «Он (Любиц) был на 100 % годен к летной работе. Не было никаких конкретных зацепок, чтобы проявлять по отношению к нему повышенную бдительность», – говорит он. Он также отметил, что психологические тесты, применяемые Lufthansa к своим пилотам, разработанные в их специализированном центре подготовки летного персонала, признаны одними из лучших в мире. Стоит отметить, что на сегодняшний день, признано всего 4 случая, когда пилоты воздушных судов совершают намеренные акты суицида при помощи направления

самолета в землю, Любиц стал пятым по счету и первым европейцем, совершившим это. На основании этого факта мы можем видеть, что подобный риск действительно является редким и трудно предсказуемым.

После окончания курса подготовки и получения лицензии пилота Любиц устраивается в компанию Germanwings (лоукост-дочка Lufthansa) и некоторое время работает бортпроводником, прежде чем стать вторым пилотом. Мы не знаем, чем это было вызвано – отсутствием вакансий или очередной «передышкой», которую взял Любиц. В любом случае этот факт имеет важное значение с точки зрения оценки общего психологического состояния, так как его работа бортпроводником стала позднее предметом насмешек со стороны других пилотов. Более того, коллеги дали ему прозвище Томат Энди (Tomato Andy), что, с одной стороны, демонстрировало пренебрежительное отношение к его прошлому «самолетного официанта», а с другой – в сленговом варианте отражало ходившие слухи о его возможной гомосексуальности или бисексуальности. Также насмешкам подвергался тот факт, что он проживал с родителями, несмотря на свой возраст и социальный статус. Говоря о его профессиональной карьере пилота, на момент катастрофы налет на типе А320 составлял всего 630 часов, что, по меркам ведущих мировых авиакомпаний, считается очень маленькой цифрой, то есть формально Любиц был не очень опытным пилотом.

Что касается личной жизни, то у Андреаса Любица были длительные отношения с девушкой по имени Кэтрин Гольдбах, местной учительницей начальных классов, с которой он познакомился в то время, когда около года работал в закусочной Burger King в Монтабауре (то есть еще до начала обучения на пилота в школе Lufthansa). В прессе имеются заметки, что за несколько недель до катастрофы Любиц признался своей возлюбленной, что у него был короткий роман с одной из стюардесс, но они вместе «смогли это преодолеть» и незадолго до катастрофы обсуждали возможную свадьбу. Ранее были публикации, в которых утверждалось, что в качестве примирительного подарка Любиц купил своей будущей жене довольно дорогой новый автомобиль Audi, однако эта информация, равно как и спекуляции на тему возможной беременности его подруги, не нашли подтверждения в более поздних статьях либо напрямую отрицались Кэтрин.

Еще одной страстью Любица были занятия бегом. Соседи и знакомые в Монтабауре часто заставляли его за утренней пробежкой. Он также регулярно участвовал в различных забегах на марафонские, полумарафонские и прочие дистанции, причем в некоторых вместе со своим отцом, Гюнтером Любицем. В интернете есть фото с одного из забегов в 2009 году, где они даже одеты абсолютно одинаково. Отец сопровождал Андреаса и на утренних пробежках.

Важное для анализа настоящего кейса событие произошло в 2014-м: в конце года Любиц попал в автомобильную аварию, в результате которой

получил сильный удар в лицо раскрывшейся подушкой безопасности. После аварии он жаловался на ухудшившиеся зрение и слух в результате того удара. В ходе многочисленных обследований он заявлял, что среди прочего у него часто темнеет в глазах, что ему необходимо очень сильное освещение, чтобы видеть, и что «белый больше не кажется белым». Любицу делали МРТ мозга, но никаких серьезных физических повреждений обнаружено не было. Также не было обнаружено каких-либо письменных доказательств опасных отклонений, что дает основания предполагать, что расстройство зрения носило скорее психосоматический характер.

Тем не менее именно этот факт играет ключевую роль в развитии у Любица эмоционального напряжения. В своем последнем полном отчаяния письме от 10 марта 2015 доктору-психиатру Роберту С., который лечил его от депрессии во время перерыва в обучении на пилота, Любиц пишет: «Меня преследует неизбывный страх, что я продолжу слепнуть, и все возрастающее неподконтрольное напряжение и стресс лишают меня сна. Днем мои мысли постоянно возвращаются к зрению, потому что оно напоминает мне о себе в любой ситуации. Белый больше не кажется белым, а освещение должно быть хорошим, чтобы я мог сносно видеть. <...> Я, как и прежде, сосредоточен на проблеме со зрением и могу с полной определенностью заявить, что если бы не глаза, все было бы хорошо». В этом письме Любиц также жалуется на проблемы со сном – по всему выходит, что мучавшая его бессонница позволяла засыпать на короткие промежутки продолжительностью не больше пары часов: «Я не в состоянии проспать более двух часов кряду (между тем и это становится редкостью)». Любиц пробовал различные препараты, чтобы бороться с таким плачевным состоянием, но медикаментозное лечение не было эффективным – о своих экспериментах с лекарствами и дозировкой он также пишет в письме.

Мы предполагаем, что данная авария и последовавшее психосоматическое расстройство зрения запустили давно назревший конфликт, который проявился в общем ухудшении психического состояния Любица. За непродолжительный отрезок времени с момента автомобильной аварии и до дня катастрофы Любиц, согласно документам, посетил 41 врача различной специализации, и многие обнаружили у него серьезные психические отклонения. Также исходя из отчетов, Любиц принимал препараты от депрессии, тревожного расстройства / невроза и панических атак. Одно из лекарств, которое принимал Любиц, – транквилизатор Lorazepam – принадлежит к классу бензодиазепинов, его применяют при различных расстройствах, включая тревогу, проблемы со сном и другие психические нарушения. Один из врачей Дюссельдорфской клиники, выписавший Андреасу этот препарат, так прокомментировал известие о катастрофе: «Я сомневаюсь, что в том состоянии, в котором он пребывал, а также учитывая прием прописанного ему лекарства, можно было управлять хотя бы автомобилем, не говоря о том, чтобы пилотировать самолет».

Ниже приведена хронология событий в части посещения Андреасом врачей в непосредственной близости по времени к катастрофе:

- 27 января 2015 года – Любиц обращается к доктору Роберту С., психиатру и неврологу, у которого он проходил курс лечения от депрессии в 2008–2009 годах во время перерыва в обучении на пилота. Андреас просит выдать ему заключение о том, что он здоров, необходимое для оформления страховки от потери профпригодности – без такого заключения он будет вынужден заплатить 100 %-ю надбавку или вовсе лишиться страхового полиса и как следствие – пилотской лицензии;

- 23 февраля 2015 года – Урсула Любиц (мать Андреаса) появляется у Роберта С. с просьбой о срочном приеме: «...я знаю, что он доверяет Вам <...> он активно занимается спортом, делает релаксирующие упражнения, но он теряет надежду, потому что ничто не помогает». На следующий день она сопровождает своего сына к врачу, который, однако, не диагностирует «ярко выраженной депрессивной симптоматики» и прописывает антидепрессант Миртазапин, который Андреас будет принимать вплоть до катастрофы, а за восемь дней до этого события добавит еще некоторые антидепрессанты;

- 17 февраля 2015 года – персональный врач Бригитта П. из Дюссельдорфа направляет Любица к психиатру. Диагноз: общее психосоматическое расстройство, тревожное расстройство, нарушения зрения. Она выписывает ему снотворное Zopicoln и рекомендует взять больничный по месту работы;

- 2 марта 2015 года – в неврологическом отделении университетской клиники Дюссельдорфа Любицу посоветовали как можно скорее пройти повторный курс психотерапии, однако Любиц не стал этого делать, чтобы об этом не были проинформированы его персональный врач и работодатель;

- 10 марта 2015 года – персональный врач из Дюссельдорфа выписывает направление в психиатрический дневной стационар. В этот же день Любиц вместе со своей девушкой пишет полное отчаяния электронное письмо своему психиатру доктору Роберту С. из Монтабаура;

- согласно служебному расписанию, с 16-го по 23-е марта Любиц находится на больничном. 23-го марта он заявлен в резерве, а в 4:57 приступает к выполнению технического рейса из Дюссельдорфа в Берлин. В 8:20 он возвращается в Дюссельдорф в качестве пассажира. Днем позже он направит самолет в гору.

По сообщениям прокуратуры, из анализа личного компьютера Любица установлено, что за несколько дней до катастрофы он искал в интернете запросы на поиск следующей информации: «медицинские методы лечения», «способы совершить суицид», «двери пилотской кабины А320 и их

устройство». Это ясно указывает на заранее спланированный, подготовленный акт суицида.

Стоит также отметить реакцию родителей Любица на произошедшее: они не дали ни одного интервью после трагедии. Помимо представителей следствия в рамках официальных допросов, с отцом Андреаса удалось пообщаться мэру городка Prads-Haute-Bléone, неподалеку от которого разбился самолет, Бернарду Бартолини (*Bernard Bartolini*): «Весь груз этой трагедии лежит теперь на его плечах. Он выглядит как человек, чья жизнь находится в руинах. Я глубоко сочувствую ему, потому что все его эмоции можно было наблюдать невооруженным взглядом – эмоции человека, который потерял любимого человека. Но также и потому, что его сын, по всей видимости, и явился причиной этой трагедии». Отмечается, что именно отец принимал участие в мемориальной церемонии на месте катастрофы – и ни слова о матери Андреаса Любица. Лишь спустя год после печальных событий родители пилота-самоубийцы опубликовали небольшую статью в местной газете Монтабаура *Westerwälder Zeitung*, в которой отдают дань памяти погибшему сыну, называя его только по имени Андреас, и «милым и драгоценным», а также благодарят всех друзей и родных за оказанную поддержку: «Это был год, полный ужаса, страха, непонимания, волнения, онемения, отчаяния и непрекращающейся скорби. Мы благодарны всем, кто нас окружал и помогал вынести эту огромную утрату и выстоять, когда все вокруг разрушилось». В статье также присутствуют слова благодарности жителям Монтабаура, которые были на похоронах, говорили слова поддержки и приносили цветы в память об их сыне. Заканчивается статья словами: «Мы очень сильно скучаем по тебе, но ты остаешься в наших сердцах. Твои мама, папа и брат».

Обсуждение данных биографического анализа

Из анализа доступного материала мы можем достаточно уверенно утверждать наличие следующих важных моментов, которые могли сыграть роль в истории формирования суицидального решения у Любица.

Во-первых, невозможность принятия утраты либидозного удовлетворения проявилась в грозящем списании с летной работы по состоянию здоровья. Ситуация для Любица складывалась патовая, поскольку, с одной стороны, его расстройство зрения, хоть и носящее по всей видимости психосоматический характер, однозначно привело бы к отстранению от полетов по объективным (соматическим причинам) – 100 % зрение является одним из базовых требований к пилотам; с другой стороны, перевод этого недуга в русло проблем на психологическом уровне также сказалось бы негативно – у Любица уже была особая пометка в личном деле в связи с его депрессией во время обучения, а это означало отказ в продлении медицинского освидетельствования, аннулирование медицинской страховки и списание с летной работы по состоянию здоровья.

В пользу данного предположения говорят два факта: Любиц отчаянно пытался вылечить проблемы со зрением и при этом всячески избегал глубокой психологической проработки и возвращения в терапию, дабы не получить диагноз от врачей психиатрической направленности; одновременно с этим все эти проблемы тщательно скрывались от работодателя – листы о профнепригодности выбрасывались (в квартире в Дюссельдорфе было найдено несколько больничных листов, в том числе разорванных и выброшенных в мусор).

Во-вторых, реакция бегства от унижения также представлена довольно ярко в этом кейсе. Путь к статусу пилота гражданских авиалиний дался Любицу очень нелегко и при этом был аффективно сильно окрашен: заданный в ранние школьные годы фантазиями о самолетах («самых больших», со слов его друзей), перешедший затем в увлечение планеризмом в качестве пилота-любителя, увенчавшийся долгой и сопряженной с первой серьезной психологической травмой (подробностей которой мы, увы, почти не знаем) подготовкой в летной школе Lufthansa, снова затормозившийся работой в качестве бортпроводника, прежде чем получить место второго пилота. Если посмотреть на этот материал под углом пути взросления и сепарации от матери, то мы можем заметить своеобразную тенденцию у Любица быть всегда «вторым номером»:

a. среди прочих постеров в комнате маленького Андреаса присутствовали рекламные плакаты Lufthansa – флагмана не только немецкой авиационной отрасли, но и компании, уверенно входящей в топ-5 авиакомпаний мира, то есть налицо мечты о чем-то великом;

b. планер по сути является самолетом без двигателей, который не может взлететь самостоятельно и выводится на эшелон «полноценным» самолетом. Кроме того, планер, на котором летал Любиц, был куплен ему его родителями;

c. усиленная подготовка на пилота, в рамках которой потребовался отрыв от семейного очага (как мы знаем, часть обучения проходила в США), вызвала сильнейший стресс, приведший к острой и затяжной депрессии;

d. после окончания подготовки Любиц попадает не в головную компанию Lufthansa, постеры которой будоражили его детские фантазии, а в одну из ее многочисленных «дочек», причем лоукост-перевозчик, что означает частые полеты на короткие расстояния – этакое аэротакси или рейсовый «небесный автобус»;

e. длительное ожидания начала работы в качестве пилота, когда Любиц принимает весьма непопулярное в пилотской среде решение устроиться на это время бортпроводником, что в дальнейшем непременно скажется на его восприятии коллегами-пилотами;

f. и наконец уже свершившаяся мечта ставит его в позицию второго пилота, даже несмотря на то, что это стандартная практика и иначе не могло

бы и быть, для бессознательной картины «синдрома второго номера» это не имеет никакого значения.

В-третьих, проявление акта мести, которую мы можем наблюдать сразу в нескольких направлениях по отношению к объектам из ближнего окружения:

a. матери, от которой Любиц так и не сумел сепарироваться. Мы видим из материала, что мать имеет серьезное влияние на жизнь сына – именно она отводит его к врачу незадолго до катастрофы, предварительно обсудив его проблемы с этим врачом. Следовательно, она прекрасно знала о плачевном состоянии сына и пыталась до самого конца проявить свою заботу о нем. И мы можем видеть, насколько сильным потрясением для нее явилась гибель сына, – ни одного интервью в течение года, и в результате статья, возвышающая Любица, полная скорби и сожаления, на фоне отсутствия какого-либо упоминания о других жертвах, которые как будто не имеют никакого значения, как и не имеет никакого значения, что многими ее сын расценивается как убийца;

b. отцу, которого он так и не смог превзойти в эдипальном соперничестве. Даже попытки «обойти» его в беге выглядели невыразительно – разница в возрасте между отцом и сыном составляла 35 лет;

c. коллегам-пилотам, которые так и не приняли его в свой круг, были лучше и регулярно напоминали Любицу о его положении маменькиного сынка;

d. возлюбленной, которая, вероятно, требовала (прямо или косвенно) от него «взросления» в виде брака и, возможно, ребенка, и которая также, как и его мать, «не отпускала» Андреаса, даже несмотря на измену, и которая также, как его мать и бабушка, была учительницей.

Исходя из вышеуказанных предположений, а также основываясь на том факте, что Любиц в 27 лет по-прежнему проживал с родителями, несмотря на наличие отдельной квартиры и постоянных серьезных отношений, мы делаем следующее предположение, что имели место симбиотические отношения с гиперопекающей матерью. В данном контексте стремление в небо, к полетам можно рассматривать как бессознательную попытку улететь, сепарироваться от материнского влияния. Единственным местом, где Андреас чувствовал себя свободным от материнского контроля и внимания, была пилотская кабина.

Упомянутая выше особенность выбранного летательного аппарата во время юношеского увлечения бездвигательным планером отчасти может объяснить, почему аффективный страх от становящейся явью фантазии сепарации не проявился тогда (или не проявился настолько сильно, чтобы вызвать депрессию или меланхолию): улететь по-настоящему далеко на планере невозможно, и такие полеты в конечном счете проходят под чутким «материнским» контролем. Кстати, как уже указывалось, родители

Любица впоследствии приобрели такой планер для своего сына, и он находился на хранении в его аэроклубе в Монтабауре. Однако первое же столкновение с реальной сепарацией с материнским объектом, переход на «взрослую» технику во время обучения на пилота гражданских авиалиний в летной школе Lufthansa, потребовавшего физического расставания (часть обучения проходила на другом континенте), вызвало серьезнейшую регрессию, проявившуюся в острой депрессии, сделавшей продолжение обучения невозможным. Следующая пауза, вызванная невыносимой сепарационной тревогой, была сделана уже после окончания летной школы: Любиц работал бортпроводником, как будто не решаясь взять в руки штурвал собственной жизни. Примечательно, что мечты о дальнейшем развитии пилотской карьеры не оставляли его: один из командиров, с которым Любиц выполнял полет всего за несколько недель до катастрофы, рассказывал, что Андреас делился своими планами в будущем переучиться на дальнемагистральный тип, потому что мечтает о трансатлантическом перелете в качестве командира воздушного судна.

Еще один факт, указывающий на весьма непростое отношение Любица к материнской фигуре, это фраза из его письма, в которой он говорит, что глубокая психоаналитическая проработка ему не по нраву – затронутый, по все видимости, на одной из сессий вопрос о возрасте его матери при рождении Андреаса вызвал у него чувства дискомфорта и непонятости.

Таким образом, мы видим глубокий внутренний конфликт между одной бессознательной силой – тягой к сепарации с матерью, проявившейся в увлечении полетами, и другой – страхом потери материнского объекта, инкорпорированного в Эго, проявившейся в постоянно чинимых препятствиях занятию, которое могло бы реализовать диктуемое Супер-Эго желание сепарации.

Важную роль в подтверждении гипотезы играет увлеченность Любица бегом. Не имея возможности все время летать, он выбрал бег в качестве схожей, привычной формы поведения. Кроме того, факт совместных забегов с отцом в одинаковой одежде может свидетельствовать о попытках идентифицироваться и соревноваться с ним, реализовывая таким образом инцестуозное влечение к матери.

В последней фазе развития общего состояния Любица мы можем наблюдать совмещение сразу нескольких факторов: обострившаяся хроническая бессонница, психосоматическое расстройство зрения, разговоры о свадьбе со своей возлюбленной, несмотря на недавнюю измену. Если рассматривать бессонницу как результат развивающейся меланхолии, вызванной неотвратимостью сепарации с материнским объектом, то единственным выходом, который нашла агрессия, оказалось повреждение глаз. Отказ видеть, с одной стороны, обеспечивал Любицу очередной перерыв (временный или окончательный) в попытках улететь, а с другой – позволил бы ему не видеть что-то, что его так сильно мучало. Факт же принятия его несовершенства (измена) его спутницей жизни

и планирование следующего шага во «взрослую» жизнь (свадьба), по всей видимости, усилили стресс и вывели процесс принятия суицидального решения в финальную стадию. В результате принятого решения будет уничтожен инкорпорированный объект и произойдет компенсация нарциссического кризиса за счет регрессии к гармоничному первоначальному состоянию. Здесь примечательно, что гора (нем. Gebirge) – существительное женского рода, т.е. Любиц как будто окончательно воссоединился с материнским объектом, войдя в него «фаллическим» самолетом, которым он управлял единолично, устранив отцовскую фигуру командира воздушного судна.

Подводя итог проведенного анализа, мы можем констатировать следующие выводы:

1. На основании анализа медицинских сведений, личной переписки и информации, полученной в результате официального расследования, было установлено, что суицидент обращался за медицинской помощью и что его расстройство зрения носило психосоматический характер, вызванный невыносимой сепарационной тревогой. Также мы можем наблюдать явные признаки депрессии, вызванной невозможностью осуществить давнюю мечту – улететь из-под материнского контроля.

2. На основании анализа поведения пилота до происшествия – серьезное нарушение сна и отчаянные попытки вылечить проблемы со зрением, избежав при этом постановки диагноза по психологической линии; обращение его матери к врачу, которому они оба доверяли и который уже занимался проблемами, актуализированными в прошлом схожими, по всей видимости, процессами; планомерное сокрытие от работодателя больничных листов, поиск в интернете особенностей устройства дверей в пилотскую кабину и своеобразная «тренировка» по программированию автopilота во время рейса «туда» – было установлено, что характер подготовки суицидального акта был тщательно спланирован и имел под собой клинические и патологические формы мотивации.

3. На основании биографических данных мы установили, что основным условием, при котором складывался риск такого суицидального поступка, были отношения с матерью и невозможность их самостоятельно психологического преодоления. Это находило отражение в увлечениях суицидентом полетами и бегом, а также можно было наблюдать в проявлениях чрезмерной опеки со стороны матери Любица и тяжелейшем переживании утраты любимого сына.

Представленное исследование кейса пилота-самоубийцы наглядно демонстрирует, что современные инструменты формирования, поддержания и контроля в области безопасности и риск-менеджмента в такой чувствительной к этому отрасли, как авиация, практически полностью оставляют за бортом эмоциональные риски, связанные с человеческим фактором.

Психоаналитический подход к анализу понятия человеческого фактора дает возможность заглянуть глубже обычных социальных методов контроля и управления рисками и имеет значительный потенциал к применению в области управления эмоциональными рисками. Конечно, с точки зрения соразмерности затрат необходимы более глубокие и предметные исследования, каким именно образом и в какой мере психоаналитические инструменты могут быть применимы в организациях, в которых на долю человеческого фактора относится серьезный процент аварий и катастроф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Литмен Р.* Зигмунд Фрейд о самоубийстве // Журнал практической психологии и психоанализа (ИППиП). 2003. № 1.
2. *Пономаренко В.А.* Учение «человеческий фактор» в практике психофизиологической подготовки летного состава. Человеческий фактор в условиях перехода авиакомпании к управлению безопасностью полетов // Тезисы докладов научно-практической конференции 30-31.10.07) / Под ред. д.м.н., профессора В.В. Козлова. Москва–Шереметьево, 2007.
3. *Andreas Lubitz Story: The Son, The Father, The Drive* // *Marathoner*. 27.03.2015.
4. *Der Pilot schrieb seinem Arzt. Die letzte E-Mail im Wortlaut!* // *Bild*. 05.03.2016.
5. *Relatives of Germanwings' victims express fury after parents of pilot Andreas Lubitz issue newspaper tribute calling him a 'lovely and valuable person* // *Daily Mail*. 05.04.2016.
6. *Germanwings co-pilot Andreas Lubitz kept deadly mental illness secret from bosses* // *Mirror* / by *Jeremy Armstrong, Andy Lines*. 27.03.2015.
7. *Andreas Lubitz: Everything we know about Germanwings plane crash co-pilot* // *The Telegraph* / by *Patrick Sawyer*. 06.05.2015.
8. *Germanwings co-pilot practised descent on outbound flight before crash* // *The Telegraph* / by *Reuters*. 06.05.2015.
9. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ / пер. с нем. А.М. Боковикова. М.: Академический проект, 2009.
10. *Фрейд З.* Скорбь и меланхолия // Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, 2014. С. 243–260.
11. *Хензелер Х.* (2001) Вклад психоанализа в проблему суицида // *Энциклопедия глубины психологии*. Т. 2. Москва: Cogito-MGM, 2001. С. 88–102.
12. *Ammon G.* Zur Psychodynamik des Suizidgeschehens // *Med. Welt*. 1973. № 24. С. 1667–1671.
13. *Bibring E.* Greenacre, Phyllis (Ed) *Affective disorders; psychoanalytic contributions to their study*. Oxford, England: International Universities Press, 1953. С. 13–48.
14. *Brockhaus A.Th.* (1922) *Zur Psychologie des Selbstmordes der Psychopathen*. *Mschr. Kriminalpsychol*, 1922. P. 290–301.
15. *Hendin H.* The Psychodynamics of Suicide // *J. Nerv. Ment. Dis.* 1963. Vol. 136. P. 236–244.
16. *Kubie L.S.* Multiple Determinants of Suicide // *J. Nerv. Ment. Dis.* 1964. Vol. 138. P. 3–8.
17. *Lilman R.E., Tabachnik N.D.* Psychoanalytic Theories of Suicide. In: *H. L. P. Resnik (Ed.) Suicidal Behaviors*. Boston, 1968. P. 73–81.

18. *Schneider K.* Psychiatrische Vorlesungen für Ärzte. Leipzig: Thieme, 1936.
19. *Zilboorg G.* Considerations on Suicide // Amer. J. Orthopsychiat. 1937. Vol. 1937. P. 15–31.
20. *Zilboorg G.* Differential Diagnostic Types of Suicide // Arch. NeuroPsych. 1936. Vol. 35. P. 270–291.

Psychoanalytic approach to assessment of suicide risk among pilots: the case study of Andreas Lubitz (Flight 4U9525)

***D.A. Kulikov,
A.S. Evdokimenko***

Denis A. Kulikov, Worked as a Risk Manager of JSC "Aeroflot" for over 4 years. After that spent more than 5 years on the senior positions aviation risks insurance divisions in leading insurance and reinsurance companies (AlfaStrakhovanie and SOGAZ). For the last 5 years has been working as a Partner in the leading insurance broker in aviation – SeaLine Insurance Broker LLC. Has extensive experience in investigating and handling various insurance events in the aviation industry. Master of Psychology (HSE), Psychoanalytically-oriented consultant psychologist and coach. Recently got education in London on a joint program of the Tavistock and Portman Trust and the University of Essex in a psychodynamic and systematic approach to consulting organizations and leadership. Member of Association of psychoanalytic coaching and business consulting, member of International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations.

Alexander S. Evdokimenko, PhD, Asst.Professor; Psychoanalysis and business consulting department, National Research University Higher School of economics.

This paper presents the case study of suicide committed by the pilot of flight 4U9525. Using biographical method based on the public data about education and professional development of the pilot, his correspondence with relatives and doctors root causes of suicide were analyzed. The main purpose of the study is to apply the psychoanalytic method to the analysis of symptoms, understanding the causes of suicide and the plan of preventive measures that can be implemented in the aviation.

Keywords: suicide, psychoanalytic method, depression, psychosomatic disorder, incestuous attraction.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ

Психодинамический подход к организационному развитию

Е.В. Шаповалова

Екатерина Викторовна Шаповалова – Магистр менеджмента (LUBS, Лидс, Великобритания), Магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психодинамический коуч и бизнес-консультант, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solutions, старший преподаватель Магистерской программы «Психоанализ и Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Несмотря на повышение внимания экономической и управленческой теории к теме эмоций и влияния эмоций на поведение индивида в организации и экономике в целом, роль эмоций как фактора, вмешивающегося в рациональность, остается скорее недооцененной, а попытки вписать эмоции в парадигму управления сводятся к желанию контроля, управления и устранения и, в целом, минимизации «человеческого фактора».

Данная статья рассматривает ключевые концепции психодинамического подхода к пониманию организационной действительности, где организация представляется психосоциальной системой. В рамках такого подхода проясняются и обретают смысл и значение иррациональные феномены в динамике организационного поведения, которые не могут быть иначе расшифрованы и изменены.

Организации как психосоциальные системы неизбежно провоцируют тревогу у членов организации, но одновременно и предлагают способы справиться с ней (организационные защитные механизмы), которые часто институализируются в форме организационной структуры, норм и практик, и культуры. Таким образом, эти ключевые переменные управленческих усилий предстают не только как объекты управления, но и как симптомы организации как эмоциональной системы. Без расшифровки значения этих симптомов их действенное и эффективное изменение затрудняется и принимает форму одинарной петли обучения. Рефлексивная способность руководителя и организации становится ключевым фактором для организационного развития в формате двойной и тройной петли обучения.

Ключевые слова: психоанализ организаций, психодинамика организаций, организационные защитные механизмы, рефлексивная способность, организационное развитие.

Место эмоций в современной управленческой теории и практике

Некоторое время назад мне попала статья профессиональных экономистов под заголовком «Экономика и эмоции» (Калмыкова, Юдкевич, 2006). Статья 2006-го года, но следующая цитата из нее до сих пор отражает широко распространенный в управленческих кругах взгляд на роль эмоций в бизнесе: «Одной из потенциально привлекательных, но практически не изученных на сегодняшний день экономистами областей является анализ потенциала различных организационных форм *по подавлению эмоций при принятии решений*. Так, например, индивидуальное частное предпринимательство сильно подвержено рискам эмоционального принятия решений, тогда как *в крупной корпорации эмоции индивидуальных агентов практически полностью гасятся* (курсив автора. – *Е.Ш.*). Проблемы внутриорганизационного дизайна и структуры внутрифирменных контрактов, учитывающих эмоциональный фактор, составляют интересную область для совместных исследований экономистов, организационных психологов и специалистов в области организационного управления».

Приятный для уха психолога знак – эмоции удостоились права быть включенными в экономическую повестку дня. Обсуждения заслуживают два утверждения: о том, что управлять эмоциями хорошо через подавление, через поиск оптимального способа, как не дать эмоциям вмешаться в рациональный процесс принятия решений; и о том, что, чем крупнее организация, тем меньшее влияние оказывает эмоциональный фактор «агентов» на их взаимодействие.

До сих пор большая часть теории и практики управления и организационного развития была сконцентрирована вокруг рациональных моделей и подходов. Рациональность – основной драйвер управленческой мысли, обучения и практики. В подобных условиях эмоциональные реакции в организации зачастую расцениваются как неважные, и на это есть несколько причин. Во-первых, рационально-натренированные управленцы защитным образом с легкостью игнорируют все сложные, эмоциональные аспекты как иррациональные, парадоксальные, противоречивые, а потому нерелевантные, не заслуживающие внимания и времени. Во-вторых, организационные культуры часто принимают форму защитных механизмов индивидов против тревоги и блокируют выражение чувств и эмоций в организации, что выражается в специфических нормах и принципах, которые со временем закрепляются в организации в качестве принятых правил поведения и взаимодействия («так не принято поступать», «об этом не принято говорить» и т.п.). В-третьих, организации предоставляют мало пространства и возможности членам организации для анализа и осознания собственных сознательных и бессознательных чувств относительно организации в целом и организационных изменений, в частности (*Vince, Broussine, 1996*). В существенной степени усилия управленцев

направлены на максимально быстрый поиск ответа на вопрос «что делать?», нежели осмысление того «что происходит на самом деле?».

Необходимость развития способности управлять и адаптироваться к изменениям требует обращения нашего внимания к внутренней жизни организации, поскольку эффективная адаптация к внешней среде невозможна без успешной интеграции людей внутрь компании, а значит, без понимания человеческой природы. Участники организации привносят свои индивидуальные особенности, не исключая собственные слабые стороны. И, возможно, использование рационалистических, системных и технологических подходов к управлению организациями не столько не верны, сколько неполны в понимании и описании организационных процессов (*Allcorn, Godkin, 2008*).

Политические, экономические и рыночные факторы закладывают контекст для адаптивных организационных изменений, в то время как внутренние факторы представляют внутриорганизационные элементы, которые могут как способствовать, так и ограничивать организационное развитие. Не менее важным для понимания организации становится анализ внутренних психодинамических процессов (*Fotaki et.al. 2012*). Именно психоаналитический подход в организации фокусируется на психологической природе невидимых, на первый взгляд весьма неопределенных, аспектов организационной реальности – субъективных представлениях о причинах, мотивации и субъективном значении организационного поведения (*Hoffman, 2012*).

Можно утверждать, что путь к рациональности в организации и принятии управленческих решений лежит через осмысление и включение в картину мира иррационального, для чего именно психоаналитический подход предоставляет как парадигму мышления, так и набор инструментов, позволяющих руководителю стать способным признать, принять и осмыслить, а значит и воздействовать на эмоциональную составляющую организационного опыта.

Эмоциональная роль организации для индивида: тревога и защита от тревоги

Все мы знаем, или помним из детского опыта, что человек обладает способностью ощущать, чувствовать правду, эмоциональную правду, несмотря на попытки окружающих ее скрыть. Любой ребенок способен тонко чувствовать настроение и эмоции родителей, даже если ему подробно объясняют, «что все хорошо». Наша способность «строить» приемлемые объяснения для неприятных или неприемлемых переживаний с возрастом усиливается, но наша способность ощущать, чувствовать эмоциональную правду остается. Эта способность не выключается, когда утром мы прикладываем рабочий пропуск к турникету на проходной. Можно убеждать себя в том, что мы оставляем личное, эмоциональное, непрофессиональное за бортом организации, но нельзя перестать чувствовать.

Эмоциональная роль организации, как пространства реализации профессиональной (и не только) идентичности человека, остается очень недооцененной. В то же время, можно выделить целые группы факторов, подтверждающих эмоциональную значимость организационного опыта для членов организации.

Гэбриэл и Карр выделяют следующие факторы (*Gabriel u Carr, 2002*):

1. Люди внутри и вне организаций являются *эмоциональными (а не рациональными) существами*, и находятся под влиянием их личных и семейных историй. Значительный объем современных нейробиологических исследований и концепций подтверждает ключевую роль эмоций и раннего эмоционального опыта в регуляции повседневного поведения человека.

Так, исследования памяти Джозефа Леду (*LeDoux, 1994*) позволяют утверждать, что ранний эмоциональный опыт (опыт довербального периода, опыт первых трех лет жизни) не только сохраняется, но и способен бессознательно воспроизводиться во взрослой жизни в невербальных формах: физиологических реакциях тела на стресс; тоне и тембре голоса в значимых эмоциональных ситуациях; неконтролируемых поведенческих реакциях – отыгрываниях; мысленном отождествлении текущих ситуаций со значимыми ситуациям из прошлого, то есть в реагировании под влиянием трансферентных реакций, нежели на основе объективного анализа действительности (*Mancia, 2006*).

Кроме того, исследования показывают, что ранний эмоциональный опыт (негативный) оказывает нейродегенеративный эффект на дальнейшее созревание структур головного мозга, ответственных как за вербальную консолидацию памяти (личной истории), так и за последующую волевую (рациональную) регуляцию поведения (*LeDoux, 2002; McGaugh, 2002*).

Открытие системы зеркальных нейронов, обеспечивающих нашу способность без слов понимать и сопереживать чувствам и ощущениям других людей (эмпатию), оставляет без сомнения возможность бессознательной невербальной сонастройки людей в группе или организации в ответ на разделяемое эмоциональное переживание (*Gallese, 2006*).

Согласно самому принципу работы головного мозга «животное внутри нас» обеспечивается куда более древними и ранее созревающими мозговыми структурами, и принцип удовольствия лежит в основе нашей мотивированной деятельности, в то время как возможности волевого регулирования и рационального принятия решений находятся в зоне куда меньшего сознательного контроля, нежели принято думать (*Solms, Panksepp, 2012*).

2. Посредством работы люди *стремятся реализовать глубинные бессознательные желания*. Организации предоставляют индивиду уникальное

пространство, которое способно обеспечить весь набор базовых мотивационных нужд человека.

Финансовые условия работы обеспечивают индивиду возможность самостоятельного удовлетворения физиологических потребностей, а гарантия занятости и защищенность трудовых отношений обеспечивает потребность в безопасности. Потребность в принадлежности подкрепляется выстраиванием интенсивных и значимых отношений с коллегами. Потребность в профессиональном и статусном признании, и самоактуализации – напрямую связана с возможностями карьерного развития и эффектом от него для всей социальной жизни человека.

Однако еще большее значение имеет то, какую эмоциональную «цену» платит член организации за возможность удовлетворять эти потребности в каждой конкретной организации. Приверженности каким решениям требует лояльность к организации, на какой внутренний компромисс необходимо пойти, чтобы оставаться в безопасности? Если организация в чем-то «плохая», что будет добавлять к моему самоощущению, к моему Я, чувство принадлежности к такой организации? Насколько я реально значим и нужен, даже при наличии громкой должности и статуса, если кто-то другой реально принимает решения? Насколько я могу выражать свое профессиональное мнение, или «кто не с нами – тот против нас»? То есть организации не только предстают для индивида важными площадками для реализации собственных мотивационных нужд, но и неизбежно провоцируют тревогу, связанную с пребыванием в организации и со следованием правилам и принципам взаимодействия.

3. *Организации провоцируют тревогу* и, в то же время, предлагают способы защиты от тревоги.

Принадлежность к организации настолько же желанна для индивида, насколько и связана с неизбежностью столкновения с различными видами тревог, требующих от индивида существенных психических сил, чтобы справляться с ними.

В качестве одной из классификаций тревог, которые провоцируют организации, можно привести «первичные страхи», описанные Россом Лазаром (*R. Lazar, 2010*).

Страх Неизвестного – страх неизведанного и неназванного сталкивает нас с ощущением собственной беспомощности, несовершенства и конечности. Способы борьбы заключаются в вечных попытках человека предсказать будущее. Раньше – с помощью оракулов, ясновидения, пророчеств, толкования сновидений, а сегодня – с помощью научных методов (симуляции, математических моделей, статистики). Склонность управленческой теории и практики опираться и оперировать рациональными моделями и подходами, также по сути представляет собой способ справиться с «неизвестными и непонятными» иррациональными, эмоциональными факторами, просто вычеркнув их из повестки дня.

Страх Другого – это страх инаковости, непонятности того, что отлично от нас, незнакомо. Этот вид тревог начинается на уровне семьи и заканчивается страхами глобализации, чем больше мы сталкиваемся с «Другим»: с культурными, религиозными, этическими, социальными, экономическими различиями, – тем больше страхов. Чем больше соприкосновений с «Другим», тем больше потребность «крепко держаться» за «свое и своих». Способ борьбы с этим страхом в первую очередь заключается в проецировании негативных аспектов себя и своих тревог в «Другого». В качестве «Другого» в организации могут выступать множество объектов: другой департамент, другое поколение сотрудников, другой уровень управления («мы – рабочие» и «они – руководители»), конкуренты и внешние рыночные силы, которым приписывается, например, вина и ответственность за все плохое.

Страхи, связанные с пребыванием «внутри или вне» группы, это первичные страхи человека, как социального животного: страх не принадлежать к группе, не быть принятым, быть изгнанным, исключенным. Эти тревоги относятся к экзистенциальным страхам, так как человек не может существовать вне группы. Изолированность эмоционально воспринимается как социальное убийство. Типичный способ борьбы с этим страхом: ощущать принадлежность к группе и быть во власти решать, кто «в», а кто «вне» группы, что дает чувство безопасности от исключения из группы. Таким образом, вопросы лояльности, политики и власти в организации обретают совершенно иную, глубокую окраску, становятся вопросами жизни и смерти, социального выживания.

Страх Изменений – это комбинация страха неизвестного и страха сепарации (потери чего-то привычного, старого). Каждый раз, когда мы покидаем знакомую «территорию» и вынуждены адаптироваться к новой, для которой в лучшем случае у нас есть «карта», мы испытываем тревогу.

Стоит подчеркнуть, что современные вызовы организационной жизни: технологические вызовы и перспективы (например, замещение рабочих мест и профессий искусственным интеллектом), развитие новых форм труда и занятости (без физической принадлежности к организационному пространству, виртуальные и дистанционные команды), глобализационные тренды (сближение со все большим числом Других, междисциплинарность) и постоянные требования развития, изменения и самосовершенствования (*life-long learning*) – провоцируют все больше и больше тревоги.

4. Организации, являясь частью общества, становятся площадками, на которых разыгрывается более *широкая социальная и культурная динамика*, например, связанная с классом, расовой принадлежностью, отношением полов и т. д., таким образом открывая арену для эмоциональных переживаний и тревог куда большего исторического и культурного масштаба, чем сама организация. Характерный пример из российской бизнес-действительности – конфликт лидерства и трудности передачи

власти от предпринимателя-основателя компании к первому наемному менеджеру. Значительные (часто бессознательные) трудности этого процесса (*Shekshnia, Kets de Vries, 2008*) в определенной степени резонируют с культурно одобряемым и исторически повторяющимся стилем российского лидерства, основанного на безграничной и бесконечной (до самой смерти) власти правителя и невозможности заблаговременной и постепенной передачи власти. Подобная скрытая динамика способствует тому, что самые прозрачные и рационально выверенные схемы передачи полномочий (*succession planning*) в российских организациях в лучшем случае остаются планами «на бумаге».

5. Организации выступают не только как причина беспокойств и тревоги, также они открывают возможности для *реализации коллективного видения*, стимулируют креативность и удовлетворенность. Говард Шварц исследует феномен организационного Эго-идеала, как части Эго-идеала личности (*Schwartz, 1991*). Когда степень идентификации сотрудника с организацией максимальны (организационный Эго-идеал, то есть представление об идеальном сотруднике организации и себе, как сотруднике организации, становится частью Эго-идеала человека), успех организации становится тождественен ощущению собственной успешности и «хорошести». Это, с одной стороны, способствует тому, что сотрудник готов максимально инвестировать свои лучшие качества, творческий потенциал и ресурсы для реализации первичной бизнес-задачи организации, но с другой – может иметь и свои негативные, порой тиранизирующие для сотрудника последствия, когда поддержание «иллюзии» успешности и «хорошести» компании начинает требовать от членов организации предания своей способности ясно оценивать саму компанию и окружающую ее среду, потери аутентичности и обесценивания профессиональных качеств в угоду единомыслия, сплоченности и лояльности (Шварц называет эти состояния организационной среды *организационным тоталитаризмом и организационным распадом*).

Организация как психосоциальная система

Итак, мы видим, что организации предельно далеки от образа опрятно упакованной рационально настроенной системы, созданной специально для достижения заранее определенной бизнес-задачи. Это скорее сложные, комплексные живые системы, огромное значение в которых придается скрытому, эмоциональному измерению. Майкл Даймонд прекрасно суммирует психоаналитический взгляд на суть этих процессов в организации: «Психоаналитический подход рассматривает организации, как *системы отношений и переживаемого опыта*, на стыке социальных и психологических защитных структур. Невозможно исчерпывающе понять организацию без интерпретации значения и качества межличностных взаимоотношений и опыта внутри организации, динамик переноса и контрпереноса, лежащих в основе компульсивного повторения в организации» (*Diamond & Allcorn, 2003*).

Организационная эмоциональная среда может быть представлена, как реально действующая система взаимоотношений между сотрудниками всех уровней, со всеми смыслами, которые они вкладывают в существование организации и свою роль в ней, с соответствующей психологической, эмоциональной динамикой, ощущением и переживаниями от того, что «Я являюсь частью этой организации». Поведение сотрудников на всех уровнях определяется не только и не столько тем, что манифестируется (тем, что мы знаем, о том, чего хотим достичь, и какими способами) и соответствующими знаниями, навыками и компетенциями, а тем, что, как ощущает каждый из них, происходит на самом деле с организацией вообще, и по отношению к сотруднику и его роли в организации, в частности. Если быть кратким, то организационная среда выражается в ощущениях сотрудников о том, «Каково это быть частью этой организации», и определяет реальное поведение и желание сотрудников инвестировать себя в бизнес-результат.

Представление об организации как о сумме индивидуальных профессиональных и личных компетенций сотрудников, грамотно, рациональным образом «наложенных» на структуру и бизнес-процессы компании, да еще и дающих непременно положительный синергетический эффект, уводит от понимания того, почему «мы вкладываем в развитие сотрудников, а они уходят», почему вовлеченность сотрудников стабильно не превышает 20 процентов¹. Именно эмоциональная система организации определяет, получит ли организация системный положительный синергетический эффект от суммы всех индивидуальных характеристик (знаний, навыков и компетенций) своих сотрудников, или ее эффективность будет незаметно подрываться по мере того, как ресурсы членов организации будут направляться на сдерживание и переработку тревоги, провоцируемой организацией, а не на реализацию бизнес-задачи.

Организационные защитные механизмы и эффективность организации

Вне зависимости от того, что провозглашает организация о своих целях и миссии, о своих принципах в отношении клиентов, сотрудников или общества, любой сотрудник способен на своем опыте почувствовать, что на самом деле происходит с организацией, какова ее реальная задача и реальное отношение к людям внутри и вовне. Приведу несколько «вымышленных» примеров. Компания может заявлять своей задачей «делать модную одежду доступной каждому», в то время как для достижения этой цели и снижения себестоимости производства использовать детский труд и опасные производства в странах «третьего мира». Или компания может ставить своей задачей «продавать продукты питания и товары

¹ Исследования вовлеченности сотрудников Gallup: URL: <http://news.gallup.com/opinion/gallup/224012/dismal-employee-engagement-sign-global-mismanagement.aspx>

первой необходимости по максимально доступной цене», но для достижения такой цели наладить процесс «продления» срока годности товаров. Или компания «провозглашает» ценности открытости, развития лидерства на местах и поощрения инициативы «снизу», но по факту даже скромные финансовые решения (покупка принтера в отдел) не может пройти без согласования с начальством.

Кроме того, некоторые организации по самой сути своей главной бизнес-задачи вызывают множество тревог и эмоциональных конфликтов, например, табачные и алкогольные компании, коллекторские услуги, компании, связанные со столкновением с уязвимостью, травмами, болезнями и трагедиями, чья основная задача эмоционально неоднозначна, бросает этический или моральный вызов индивиду.

Во всех этих случаях оставаться внутри компании, сохранять вовлеченность в работу означает для сотрудника найти способ справиться с теми тревогами, которые вызывает в нем работа в организации. Тревога о том, «хороший ли я», тревога за собственную нужность, значимость, самоуважение, а порой и тревога за собственное благосостояние и безопасность ощущается сотрудниками, несмотря на риторику руководства, на финансовые отчеты и презентации, на любые материальные стимулы и нематериальные поощрения. Деструктивная эмоциональная среда заставляет сотрудников искать способы поведения, часто крайне неэффективные с точки зрения бизнеса, но помогающие справиться с эмоциональным вызовом организационной действительности.

Способы справиться с тревожащей действительностью (или представлением о ней) называются защитными механизмами. И ровно как и способность чувствовать и ощущать тревогу не выключается «на входе» в организацию, так же и способность психики справляться с тревогой, используя защитные механизмы, остается в силе. Проблема заключается в том, что, оказавшись в группе (в организации), склонность психики каждого отдельного индивида «защищаться» не снижается (ведь тогда справедливо было бы говорить о том, что чем больше группа, объединившая усилия для достижения задачи, тем больше рациональность поведения, а значит и эффективность выполнения задачи), а растет (*Sievers, 2006*). Эти феномены стали исследоваться в рамках психодинамического подхода к группам и организациям в работах Уилфреда Биона (*Lawrence et.al., 1996*), Эллиота Жака и Изабель Мензис (*Menzies, I.P., 1960*) еще в 1950-е гг. «Тревога служит тенью будущего», пишет Блон, то есть тревога, ощущаемая членами группы сейчас (по поводу целей организации, своего места и роли в ней), заставляет участников группы мыслить и действовать защитным способом, который часто приводит к неэффективным с точки зрения бизнеса результатам в будущем. Защита от тревог, вызываемых организацией, становится приоритетной для сотрудников в том, как они действуют и ведут себя в организации, нежели достижение максимального бизнес-результата. Под воздействием продуцируемой самой организацией тревоги сотрудники, по отдельности здоровые и невротичные

индивиды, могут начать коллективно вести себя психотическим, с точки зрения уровня психического функционирования, способом, формируя то, что Буркард Сиверс назвал «психотической организацией» (*Sievers, 2006*).

В своем пионерском исследовании процесса формирования организационных защитных механизмов в одном из университетских госпиталей Лондона Изабель Мензис (*Menzies, I.P., 1960*) показывает, как «объективные» элементы организации (структура, культурные нормы и принципы, правила принятия решений и делегирования полномочий и ответственности) становятся по сути «закостенелыми» способами компульсивного повторения (действий, структур и паттернов), направленного на защиту от ощущаемой в организации тревоги.

Тревога в организации неотделима от сути ее первичной задачи. В данном примере (университетском госпитале) первичная задача организации, а именно – прием больных и забота о тех, уход за которыми в домашних условиях невозможен, – сталкивала участников организации с целым набором тревог, связанных со страхом смерти, выживания, уязвимости и беспомощности, проживания амбивалентных чувств отвращения и вины одновременно.

Потребность членов организации использовать ее (организацию) в борьбе с тревогой, которую она же и вызывает, приводит к формированию социально структурированных защитных механизмов, которые выражаются в форме структуры, культуры и норм функционирования организации. Важным аспектом является то, что в ходе формирования социальных защитных механизмов экстернализируются и обретают организационную форму специфические индивидуальные психические защитные механизмы членов организации. Социальные защитные механизмы вырабатываются со временем в результате взаимодействия и согласия, часто бессознательного, между членами организации относительно того, какую форму они должны принять. В результате – социальные защиты становятся элементами внешней организационной реальности, которую новые и старые члены организации принимают как данность.

Мэнзис описывает множество выработавшихся и устоявшихся дисфункциональных норм и принципов работы госпиталя, которые сформировались в качестве защитных механизмов против тревоги у медсестер и основного медперсонала:

– Расщепление отношений медсестра-пациент. Медсестры избегают установления личных отношений с пациентами, задача ухода за больными заменяется задачей выполнить все действия из листка задач медсестры на день.

– Деперсонализация, категоризация и отрицание значимости индивида. Помимо листка задач медсестры обороняются от тревоги, называя пациентов не по именам, а по номеру койки и типу болезни или пораженного органа, например, «пневмония на 15-ой» или «печень на 10-ой». Норма

«все пациенты одинаковы» становится практически этической нормой в профессиональной среде медсестер, «не должно иметь значения, за кем какая медсестра ухаживает». Это также выражается в униформе медсестер и отсутствии каких-либо личных опознавательных знаков.

– Отщепление и отказ от чувств. Одним из профессионально тренируемых качеств медсестры считается умение контролировать свои чувства, воздерживаться от чрезмерного вовлечения, сохранять профессиональную независимость. Кроме того, считается, что медсестра «никогда не против перехода в другое отделение, даже другую клинику».

– Замещение принятия решений ритуальным выполнением заданий. Задачи по уходу за пациентами выполняются на основе предписаний листка задач на день, нежели на основе реальной индивидуальной потребности пациента.

– Снижение давления ответственности через систему проверок и перепроверок. При выполнении любых задач, от ответственных, влияющих на ход лечения, до простых, типовых, медсестры склонны советоваться как с непосредственными супервизорами, так и с вышестоящим персоналом, что приводит к затягиванию всех решений относительно ухода за пациентом.

– Одновременное социальное перераспределение ответственности. Медсестры не предпринимают никаких действий, даже простейших, не перепроверив их со старшими, а старшие вводят все более и более жесткие дисциплинарные меры в отношении младших, и относятся к ним со всей суровостью, которой, как они бессознательно считают, они (старшие) заслуживают сами.

– Целенаправленное искажение формального распределения ответственности. В формальной структуре в полной мере не определены масштабы и границы ответственности. Студенты каждого последующего года обучения отвечают за деятельность всех студентов более младшего года обучения, а старший персонал – за действия младшего персонала всех уровней, начиная со студентов первого года обучения.

– Снижение тревоги ответственности путем делегирования «наверх». В отличие от обычной практики делегирования специалистам более низких уровней управления, медперсонал склонен делегировать свои задачи вышестоящим в иерархии коллегам, таким образом освобождая себя от груза ответственности.

– Идеализация и недооценка возможностей личного развития. Ценностная норма «медсестрами рождаются, а не становятся» позволяет персоналу снизить тревогу за то, что служба медсестер должна быть укомплектована компетентными, ответственными людьми.

Описанные Мэнзис коллективные, организационные способы справиться с тревогой первичной задачи очевидно уменьшают эффективность организации, то есть уменьшают качество выполнения первичной задачи. Помимо снижения показателей выздоровления пациентов, и высокого уровня выгорания, отсутствия на рабочем месте, больничных отпусков и текучки персонала, начинает саботироваться и выполнение задачи

обучения младшего медицинского персонала, повышается чувство депривации среди молодых специалистов и массовый уход из профессии. Таким образом, защитные механизмы против тревоги оборачиваются защитными механизмами против выполнения организацией своей задачи.

Ларри Хиршхорн описывает динамику организационных защитных механизмов в терминах риска и эффективного либо неэффективного контейнирования тревоги в организации (Hirschhorn, 1989). Любой бизнес связан с риском. Рыночные риски «проникают» внутрь организаций и создают тревогу, которой необходимо управлять. Успешное управление тревогой позволяет компании развиваться, неуспешное – провоцирует организационные защитные механизмы (и ощущение индивидуальной угрозы на уровне отдельного работника). Базовой задачей лидера становится контейнирование тревоги и управление тревогой в организации. Психодинамика организационных процессов может быть тогда представлена в виде следующей схемы (рис. 1).

Отсутствие способов контейнировать возникающую в организации тревогу, которые были бы эффективны с точки зрения первичной задачи бизнеса, приводит к тому, что развиваются дисфункциональные структуры, нормы, принципы и практики, которые в свою очередь начинают усиливать организационную тревогу и создавать то, что Мэнзис называет вторичным циклом, замкнутым кругом организационной тревоги и защитных механизмов. Только адекватное контейнирование (через признание, принятие и осмысление тревог, их причин и способов справиться с ними) способно снизить эмоциональный «захват» участников организации и высвободить их ресурсы для эффективного выполнения бизнес-задачи.

В качестве иллюстрации приведем эмоционально емкий пример работы коллекторских компаний. Их первичная задача – повышение возврата долгов заемщиков, нарушающих обязательства перед банками.

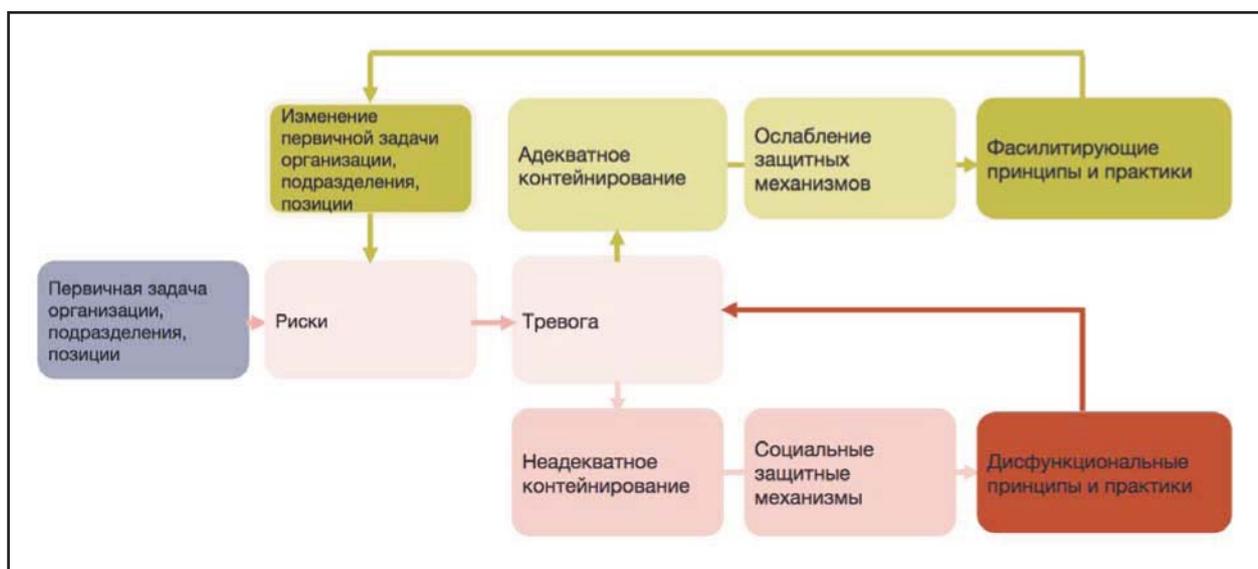

Рис. 1. Контейнирование тревоги в организации и организационная эффективность

С течением времени способы их работы существенно трансформировались из общепринятых в совершенно дикие, выходящие далеко за пределы отношений экономических агентов, требующих дополнительного вмешательства и регулирования со стороны государства. Рассмотрим скрытую эмоциональную повестку дня такого бизнеса. По природе своей задачи коллекторская компания, то есть ее сотрудники, сталкиваются с большим числом «должников», не только недобросовестных, но и оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации и неспособных с ней справиться. Ситуации могут быть разными, но все они транслируют тревогу о собственной уязвимости, несовершенстве, невозможности все держать под контролем, о собственной «нехорошести» в целом. Сталкиваясь с этими тревогами каждый день, и не имея возможности хоть в какой-то мере осознать и проработать эти тревоги, сотрудники коллекторских служб «защищают» себя от со-переживаний и переживаний, направляя всю агрессию на того, кто вызывает в них эти чувства. Отсюда «рождаются» жестокие и бесчеловечные способы выполнения коллекторами своих задач, способы, которые потом составляют хронику происшествий в криминальных сводках. Такое поведение, в свою очередь, вызывает еще большее повышение тревоги у сотрудников за собственную безопасность и благополучие, потому что они прекрасно представляют, что может случиться с ними, окажись они в аналогичной трудной жизненной ситуации, в состоянии беспомощности, как их «клиенты», и какую «поддержку» они смогут найти.

Попробуем представить, каким мог бы быть этот бизнес, если бы организация была способна адекватно контейнировать, прорабатывать тревоги, которые она же сама и вызывает, при этом надежно удерживая первичную бизнес-задачу (повышение возврата долгов ненадежных заемщиков) в фокусе внимания. Определенное рабочее пространство и время выделялось бы для осмысления того, какие эмоции вызывают «должники», какие фантазии они провоцируют, и какова защитная природа и функция агрессии, ставшей основой взаимодействия и решения задач. Эти процессы позволили бы сотрудникам выйти за рамки «защитного» функционирования и разработать другие, более конструктивные способы достижения своих целей, или, по крайней мере, предотвратить дальнейший выход непринятых способов работы за рамки правового поля. Разработка систем и структур поддержки, повышения финансовой грамотности и ответственности должников могли бы стать примерами того, как по-другому достигать целей повышения количества возвращенных долгов.

Таким образом, стратегия, структура, нормы и принципы в организации предстают не столько как переменные управленческих усилий руководителя, сколько как симптомы, отражающие попытки членов организации контейнировать/справиться с тревогой, и требующие осмысления. Организационные изменения возможны только через процесс осмысления и «размонтирования» бессознательных компульсивных паттернов и структур, которые в первую очередь созданы для борьбы с организационной тревогой, а не для достижения бизнес-результата.

Главная задача психоаналитически-ориентированного подхода к пониманию и управлению организацией (наряду, безусловно, с повышением организационной эффективности и продуктивности) состоит в том, чтобы помочь организации признать реальность латентных процессов и динамик (тревог и организационных защитных механизмов против них), вывести их на осознанный уровень и раскрыть значение, которое они несли в организации. Именно такой подход позволяет устранить препятствия к рациональности в организации, которые созданы из-за бессознательных конфликтов в групповых и организационных отношениях, чтобы высвободить энергию, необходимую для выполнения задач и реализации ролей в организации (*Zaleznik, 1995*). Отрицание реальности скрытых процессов, и отказ от того, чтобы включить их в ментальную картину организации, приводит к тому, что разрыв между организационной реальностью и риторикой институционализируется, а эмоциональные аспекты организационной системы все больше вмешиваются и подрывают рациональные управленческие планы и усилия. (*Kets de Vries, 2005*)

Рефлексивная способность руководителя и рефлексивные пространства в организации

Вопрос определенного рода «нового» качества, компетенции лидера становится ключевым. Современное общество и бизнес во многом представляют себе лидера, в максимальной степени обладающего огромным набором знаний, навыков и компетенций, способного анализировать, принимать решения и действовать. Манифестный образ лидера – активный, энергичный, достигающий результатов – часто приравнивает скорость и активность к продуктивности. Настоящий лидер знает, как разработать план и как контролировать, что все идет по плану. Однако столкновение с эмоциональной, иррациональной стороной организации требует иных качеств. Помимо способности к действию значительную роль начинает играть способность лидера к рефлексии, осмыслению, то есть недействию. Способность к действию и способность к рефлексии выделяют Френч и Симпсон (*French, 2008*) и называют их соответственно позитивной и негативной способностями, но не в смысле хорошей и плохой, а в том смысле, в котором не может существовать фигура без фона и позитив фотоснимка без негатива. В то время как способность лидера к действию обеспечивает, что он «знает, что делать», рефлексивная способность лидера обеспечивает, что он «понимает, что происходит на самом деле», способен принимать и выдерживать бездействие, незнание и неопределенность и исследовать их.

Рефлексивная способность связана с вниманием к тому, что происходит на невидимом, но ощущаемом, эмоциональном уровне, со способностью выдерживать неопределенность, парадокс и двойственность, принимать широкий спектр возможных в организации эмоций (включая тревоги, страхи, цинизм и агрессию) и быть достаточно смелым, чтобы их исследовать

с целью принять их и включить в повестку дня, осмыслить, найти причины и значение, а не игнорировать и бороться с ними. Перефразируем известный вопрос: «Кто виноват и что делать?» в «Что происходит и что делать?». Прежде всего, для составления плана действий необходимо глубокое понимание того, в какой отправной точке мы находимся. «Что происходит на самом деле?» – ключевой вопрос для руководителя, ответ на который невозможен в рациональной системе координат.

Столкновение с эмоциональной стороной организационной системы, с ее эмоциональной правдой (*Hirschhorn*), требует от руководителя способности принять собственное незнание («мне не все понятно»), ограничения («я не все контролирую»), а иногда несовершенство («я – причина некоторых дисфункциональных способов работы и поведения сотрудников»); признать страхи и тревоги, собственные и своих последователей, и найти в себе смелость называть вещи своими именами, принимать и обсуждать их. Росс Лазар также называет эту способность лидера – депрессивной способностью, или способностью к участию (*capacity for concern*) (*Lazar, 2010*). А Ларри Хиршхорн говорит о способности руководителя к контейнированию и управлению тревогой.

Рефлексивная способность руководителя – основа для способности организации к осознанности и осмысленности своих действий, без которых невозможны изменения текущей ситуации и вообще развитие. Рефлексия, осмысление происходящего, включающее исследование эмоциональной правды организации, это «процесс посвящения времени и места для осмысления организационного опыта» (*S. Long, 2013*). Именно руководитель, обладающий достаточным уровнем способности к рефлексии и самоосмыслению, может позволить организации легитимизировать ее эмоциональную составляющую и дать время и пространство для, казалось бы, безделья в обыденном управленческом понимании, то есть для осмысления, а не разработки плана действий.

Рефлексивное пространство подразумевает осмысление своей работы, а не того, как эта работа делается, поиск ответа на вопрос: «что и почему происходит на самом деле?», вместо: «что и каким образом делать, менять?». Подобная работа позволяет руководителям и сотрудникам встретиться с динамической, эмоциональной стороной своего поведения, осмыслить его глубинные причины и направить энергию на реализацию бизнес-задач, а не на поиск способов справиться и защищаться от тревог, которые процесс реализации бизнес-задач вызывает. Иными словами, человеческий фактор в бизнесе заслуживает не «устранения» и «управления», но принятия и исследования, и тогда он будет способствовать возвращению в бизнес инвестиций сотрудников, инвестиций их творческого потенциала, а не защитных способов поведения, которые позволяют достигать KPI, но не добавляют ничего к стоимости бизнеса в глазах клиентов.

Как уже было отмечено, работа с эмоциями в бизнесе, столкновение с эмоциональной составляющей организационной системы, требует

определенной смелости (в первую очередь, от руководителя) и отнюдь не является простой и легкой дорогой. Неосвязаемость влияния эмоциональных динамических факторов на финансовые показатели также служит существенным препятствием для того, чтобы начать такую работу. Результаты и сложно-достижимы, и отложены во времени. Процесс представляется крайне неопределенным, неструктурированным, непрозрачным и очень личным. Тем не менее уже давно существует целое направление в работе с организациями, связанное с психодинамическим (психоаналитическим) пониманием человека и его поведения в организационной системе.

От одинарной к двойной и тройной петлям обучения

В теории и практике управления одной из принятых моделей организационного развития стала модель одинарной и двойной петли обучения Криса Арджириса и Дональда Шона (*Argyris, Schön, 1996*) (рис. 2). Одинарная петля обучения состоит в том, чтобы изменять способ поведения, действия, для достижения нового результата. Большинство практик организационных изменений следуют данной логике: если мы делаем «А», то получаем результат «А1», значит, если мы хотим получить результат «Б1», нам необходимо начать делать «Б» вместо «А». В рамках этой парадигмы также работает значительная часть тренеров и бизнес-консультантов, привлекаемых для реализации проектов по организационному развитию и изменениям, когда проблема, которую предлагает организация для решения, или объект изменений, принимается за отправную

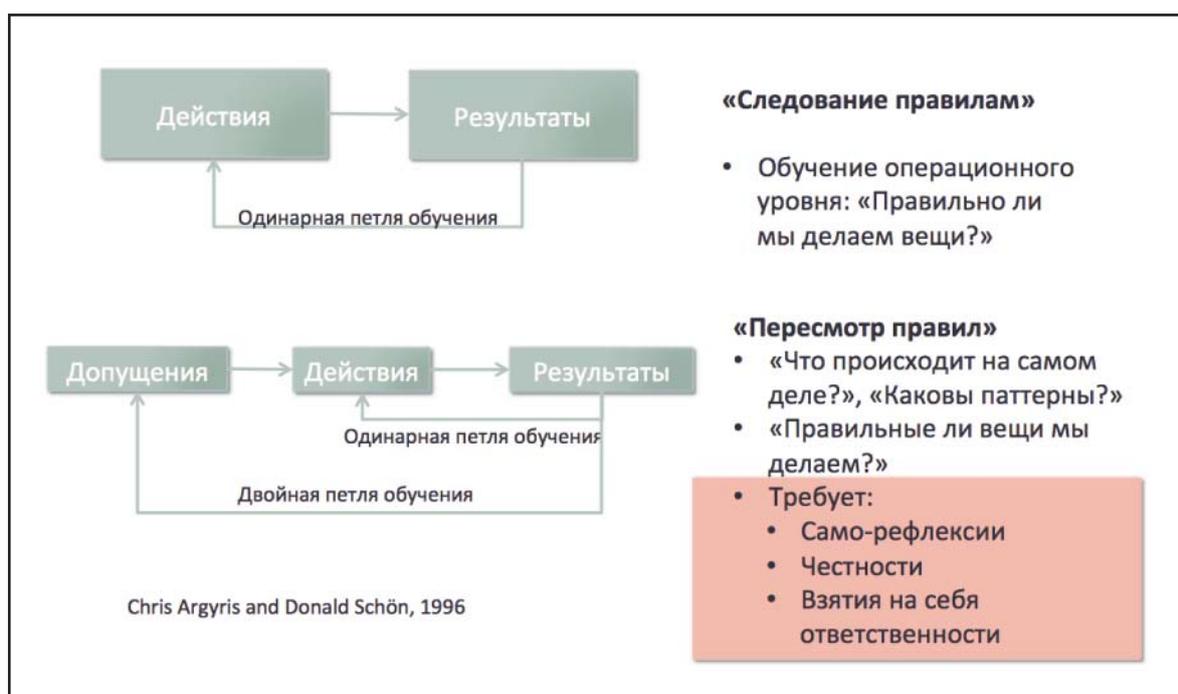

Рис. 2. Одинарная и двойная петля обучения

точку приложения усилий по изменениям, нежели рассматривается, как имеющий значение и смысл симптом чего-то скрытого, неявного.

Арджирис и Шон предлагают переход к двойной петле обучения, в качестве мыслительного фреймворка для работы с организационными изменениями. За каждым действием стоит скрытая причина, которую они называют «допущением». Именно «допущения» определяют, как мы действуем, и просто изменение способов действия не окажется значимым или долгосрочным, если не исследовать и не подвергать сомнению допущения, лежащие в основе действия. Арджирис и Шон, таким образом, предлагают начинать процесс изменений и развития с вопроса: «Что происходит на самом деле?», «Каковы те паттерны/допущения, которые определяют наше поведение, которое мы хотели бы поменять?», и утверждают, что такой процесс изменений требует от участников само-рефлексии, честности и ответственности. Если предположить, что под допущениями можно иметь в виду не только когнитивные мыслительные конструкции, но и способы эмоционального реагирования «тревога-защитные механизмы», лежащие в основе организационных действий, то можно с большой уверенностью утверждать, что психоаналитический подход к организациям – действенный инструмент для организационного развития.

Само-рефлексия, честность (развитие способности выдерживать эмоциональную правду, столкнувшись с ней) и присвоение себе ответственности являются ключевыми аспектами психодинамического подхода к работе с индивидом и группами в организации.

Модель двойной петли обучения была расширена и дополнена Тоси и коллегами (*Tosey et al.*, 2012) до тройной петли обучения (рис. 3), и включила анализ контекста (системного и исторического) в исследование формирования допущений, лежащих в основе организационного поведения, и определяющих силу приверженности организации тем способам действий, которые она хочет изменить.

И снова, «научение о том, как мы чему-то научились», еще один важнейший пласт рефлексивной работы, которую психоаналитический подход предлагает исследовать, и предоставляет для этого целый арсенал инструментов.

Таким образом, можно заключить, что развитие рефлексивной способности руководителя и организации в целом, понимание организационной «проблемы» не как мишени для прямого действия, а как симптома, требующего осмысления и расшифровки, лежат в основе эффективного подхода к организационному развитию. То есть именно психоаналитический подход к работе с организациями становится связующим звеном и инструментом достижения рациональных целей организационного развития через исследование и работу с иррациональными, скрытыми и комплексными элементами организации.

Рис. 3. Тройная петля организационного обучения

Заключение: организационное развитие и психодинамический подход

Психодинамический подход к развитию руководителей и организаций держит фокус не столько на изменении поведения, или обучении инструментам, сколько на задачах развития способности мыслить и осмыслять. Работа с руководителями и сотрудниками организации фокусируется на способности к само-рефлексии и оценке себя и среды, способности понимать свое влияние на других, понимать то, как история соотносится с тем, как человек/организация справляется с текущими бизнес-задачами. Помимо непосредственно коучинговой работы (в индивидуальном или групповом формате) разработан целый ряд хорошо структурированных методик, часто проективных по своей сути, опирающихся на метод свободных ассоциаций, позволяющих создавать безопасное пространство осмысления эмоциональной правды организации, давать возможность участникам справляться с тем, о чем сложно говорить, и находить новые способы взаимодействия, поведения и достижения бизнес-целей, тем самым осмысленно расширять свой управленческий и профессиональный репертуар. Среди таких методик можно выделить работу с организационным рисунком (Nossal, 2013) и организационной метафорой (Gooijer, 2013), метод работы со сновидениями участников организации – социальная матрица сновидений (Lawrence, 2007), работа с фотографиями – социальная фото-матрица (Sievers, 2013), методы работы с организационной ролью (Newton, 2006), организационную психодраму.

Исследование эмоциональной скрытой составляющей организационной системы и организационного поведения становится особенно актуальным в периоды максимального стресса и тревоги, либо, наоборот, в периоды максимальной ясности, определенности и успеха:

- проведение масштабных организационных изменений (в том числе слияний/поглощений);
- длительные периоды кризиса и неопределенности;
- передача власти следующему поколению;
- необходимость выполнения амбициозных задач, достижения целей и реализация стратегий;
- реализация программ развития организационной культуры и лидерства (в том числе переход от иерархической к более плоской организационной структуре);
- периоды расцвета и максимального успеха бизнеса.

Психодинамические методы работы с лидерами и командами в организациях позволяют вернуть человеческое эмоциональное измерение в контекст бизнеса, при этом высвобождая внутренние ресурсы сотрудников для повышения количества инвестиций себя в бизнес-результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калмыкова И.Ю., Юдкевич М.М.* Экономика и Эмоции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 3. С. 61–87.
2. *Allcorn S., Godkin L.* Dealing with organizational inertia: Psychoanalytical insight and instruction // *International Business Journal*. 1996. Vol. 18 (4). P. 378–87.
3. *Argyris C., Schön D.A.* Organizational learning II: Theory, method and practice Reading, MA: Addison-Wesley, XXIX, 1996
4. *Diamond M.A., Allcorn S.* The cornerstone of psychoanalytic organizational analysis: Psychological reality, transference and counter-transference in the workplace // *Human Relations*. 2003. Vol. 56 (4). P. 491–513.
5. *Fotaki M., Long S., Schwartz H.* What can psychoanalysis offer organization studies today? Taking stock of current developments and thinking about future directions // *Organization Studies*. 2012. Vol. 33 (9). P. 1105–1120.
6. *French R.* Negative capability: Managing the confusing uncertainties of change // *Journal of Organizational Change Management*. 2001. Vol. 14 (5). P. 480–492.
7. *Gallese V.* Intentional attunement: embodied simulation and its role in social cognition // *Psychoanalysis and Neuroscience*. / Mancina, M. Milan: Springer-Verlag Italia, 2006.
8. *Gooijer de J.* Diagnosing organizational work culture: a socioanalytic approach // *Socioanalytic methods. Discovering the hidden in organisations and social systems*. / Long. S. London: Karnac, 2013
9. *Hirschhorn, L., Gilmore, T.N.* The psychodynamics of a cultural change: Learnings from a factory // *Human Resource Management*. 1989. Vol. 28 (2). P. 211–33.
10. *Hoffman T.* Theory and practice of executive consultation: Case illustration in a research laboratory // *Psychoanalytic Inquiry*. 2012. Vol. 32. P. 384–92.
11. *Kets de Vries, M., Balazs K.* A clinical perspective on organizational consultation // *Organizational Dynamics*. 2005. Vol. 34 (1). P. 1–17.
12. *Lawrence W.G., Bain A., Gould L.* The fifth assumption // *Free Associations*. 1996. Vol. 6 (1). P. 2885.
13. *Lawrence W.G.* Infinite Possibilities of Social Dreaming. London: Karnac, 2007.

14. *Lazar R.* Who's Afraid of the Organisation?': 'Angst' in Organisational Life and What (If Anything) To Do About It // *Organisational & Social Dynamics*, 2011, 11(2), P. 196–218.
15. *LeDoux J.* Emotion, memory and the brain // *Scientific American*, 1994, Vol. 270. P. 32–39.
16. *LeDoux J.* *Sunaptic self: how our brains become who we are.* New York: Penguin Putnam, 2002.
17. *Long S.* The associative unconscious // *Socioanalytic methods. Discovering the hidden in organisations and social systems.* London: Karnac, 2013.
18. *Mancia M.* How the neurosciences can contribute to psychoanalysis // *Psychoanalysis and Neuroscience.* Milan: Springer-Verlag Italia, 2006.
19. *Mancia M.* Implicit memory and unrepressed unconscious: how they surface in the transference and the dream // *Psychoanalysis and Neuroscience.* Milan: Springer-Verlag Italia, 2006.
20. *McGaugh J.L.* Memory consolidation and the amygdala: a system perspective // *Trends in Neuroscience*, 2002, Vol. 9. P. 456–461.
21. *Menzies I.P.* A case-study in the functioning of social systems as a defence against anxiety // *Human Relations.* 1960. Vol. 13. P. 95–121.
22. *Newton J., Long S., Sievers B.* *Coaching in Depth. The Organizational Role Analysis Approach.* London: Karnac, 2006.
23. *Nossal B.* The use of drawing as a tool in socioanalytic exploration // *Socioanalytic methods. Discovering the hidden in organisations and social systems / Long. S.* London: Karnac, 2013.
24. *Schwartz H.* Narcissistic Process and Corporate Decay // *Business Ethics Quarterly*, 1991. 1 (3). P. 249–268.
25. *Shekshnia S., Kets de Vries M.* Russia's Succession Paradox // *Organizational Dynamics*, 2008. Vol. 37. № 3. P. 266–276.
26. *Sievers B.* The psychotic organization // *Ephemera.* 2006. Vol. 6 (2). P. 104–120.
27. *Sievers B.* Thinking organisations through photographs: the social photo-matrix as a method for understanding organisations in depth // *Socioanalytic methods. Discovering the hidden in organisations and social systems. / Long. S.* London: Karnac, 2013.
28. *Solms M., Panksepp J.* The "Id" Knows More than the "Ego" Admits: Neuropsychanalytic and Primal Consciousness Perspectives on the Interface Between Affective and Cognitive Neuroscience // *Brain Sci.* 2012. 2. P. 147–175.
29. *Tosey PC, Visser M and Saunders* The origins and conceptualisations of 'triple-loop' learning: a critical review *Management Learning, MNK*, 2012. 43 (3). P. 289–305.
30. *Vince R., Broussine M.* Paradox, defense and attachment: Accessing and working with emotions and relations underlying organizational change // *Organization Studies.* 1996. Vol. 17 (1). P. 1–21.
31. *Zaleznik A.* The case for not interpreting unconscious mental life in consulting organizations // *Psychiatry.* 1995. Vol. 58 (4). P. 357–70.

Psychoanalytic approach to organizational development

E.V. Shapovalova

Ekaterina V. Shapovalova, MSc Management (LUBS, Leeds, UK), MA Psychology (HSE, Moscow). Psychodynamic coach and business consultant, working with private clients and organisations, psychodynamic psychotherapist. Managing partner at Subcon Business Solutions, Senior lecturer on the Master's Program "Psychoanalysis and Business Consulting" at Higher School of Economics, Member of ISPSO, Board member and Certified Professional Business Coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

Despite the increasing number of studies on how emotions impact organisational behaviour in business and economics, still much efforts in diminishing emotional interference with rationality focuses on controlling or eliminating the "human factor".

The present study is an overview of the main concepts in psychodynamic approach to organisations which take a view on the organization as psycho-social system. Taking this approach allows to explore and make meaning of the irrational phenomena of organizational life, which otherwise can not be understood and changed.

Organisations being psycho-social systems inevitably provoke anxiety in its members, at the same time offering means to manage these anxieties (social defense mechanisms) often institutionalized in the form of organizational structures, practices, norms and culture. Thus all these key organizational variables are both the objects of management efforts and the symptoms of organizational emotional system. Without exploring the meaning of these symptoms effective organizational change is hindered and takes the form of the single learning loop. Negative capability of the leadership and reflective spaces in organisations become key to enable organizational development along the double and triple loop learning. Keywords: psychoanalysis of organizations, psychodynamics of organizations, organizational protective mechanisms, reflexive ability, organizational development.

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Как проводить коучинг CEO: Успешный коучинг направлен на работу с сопротивлением человека, а не против него

Манфред Кетс де Врис

(Перевод с англ.: Андрей Карпов)

Манфред Кетс де Врис – профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Executive коуч и бизнес-консультант. Действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), Канадского психоаналитического общества (CPS), Парижского психоаналитического общества (SPP). Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Директор программы ИНСЕАД для топ-менеджмента «Вызов лидерства: развитие эмоционального интеллекта», научный руководитель Executive магистерской программы ИНСЕАД «Консалтинг и коучинг для изменений».

*«Знать – это самое легкое, а говорить вслух – самое трудное»,
Николас Эванс, «Заклинатель лошадей»*

Термин «заклинатель лошадей» связан с Дэниелом Салливаном, ирландским тренером лошадей, который более 200 лет назад прославился своей способностью перевоспитывать несговорчивых лошадей. Сегодня это относится к тем, кто одарен глубоким пониманием лошадиной психологии, позволяя умеющим «нашептать», приручать лошадей.

Некоторые коучи (и консультанты) очень похожи на заклинателей лошадей. Однако вместо того, чтобы иметь дело с трудными лошадьми, они шепчутся с руководителями. Их эффективность обусловлена интуитивным пониманием того, что движет этими руководителями. Они знают, как интерпретировать их вербальный и невербальный язык. Кроме того, они признают, что многие из этих руководителей – несмотря на их успех или, возможно, в связи с ним – могли приобрести дисфункциональные поведенческие паттерны.

Создание рабочего альянса

Чтобы добиться успеха, заклинатели СЕО должны первым делом установить рабочий альянс со своими клиентами и помнить, что отношения разворачиваются в определенном контексте, а не в вакууме. Учитывая характеристики и особенности обеих сторон, можно ожидать некоторого количества суеты на этом этапе.

Умение слушать имеет решающее значение для успеха рабочего альянса. Глубокое активное слушание позволит заклинателю СЕО расшифровать вербальные и невербальные сигналы, посылаемые клиентом на протяжении всех их отношений.

Первая сессия всегда самая сложная, так как обе стороны пытаются определить, смогут ли они работать вместе. Если потенциальный клиент не чувствует себя вовлеченным, существует очень мало шансов, что рабочий альянс будет установлен.

Кроме того, создание рабочего альянса всегда удастся труднее с клиентами, которые занимают чрезмерно оборонительную позицию; которые крайне осторожны или тихи; или которые не имеют никакого представления о том, что они хотят получить в результате работы с коучем. СЕО также должен быть готов прилагать усилия к достижению изменений.

Определение желаемого будущего

Во время первого собеседования я часто задаю вопросы, чтобы немного поговорить и попытаться понять желания руководителя, например: «Что привело вас ко мне? Что вы считаете неправильным в своей работе и личной жизни? Над какими вопросами вы хотели бы работать? Что бы вы хотели изменить?».

Я прошу их представить, что они смотрят в хрустальный шар: что бы они хотели видеть в будущем, особенно в результате нашей совместной работы? Воображение желаемого будущего создает тип мышления, сфокусированного на развитии.

Чтобы лучше понять их внутренние движущие силы, я прошу их рассказать мне что-нибудь из своей личной истории, например, про образование, отношения или карьерный рост. Однако я воздерживаюсь от затрагивания тем, которые могут оказаться чувствительными, таких как детство человека. Клиенты должны быть в состоянии решить, при каких условиях и в какой момент определенные темы становятся частью отношений коучинга.

Не тыкать медведя (слишком рано)

Чтобы слегка подтолкнуть клиентов вперед, коучу важно продемонстрировать хотя бы толику понимания их затруднительного положения.

Клиенты должны чувствовать себя принятыми, уважаемыми, находящимися в безопасности. Коучинг требует открытого отношения, а также теплоты и эмпатии. Клиенты могут придерживаться самых разных ценностей и убеждений, но работа коуча заключается в том, чтобы помочь им достичь своих целей, какими бы они ни были. Меньше всего клиенты хотят, чтобы им читали лекции, или чтобы они чувствовали себя находящимися под контролем.

Разумно с самого начала занять осторожную позицию и избегать любых споров. Подумайте о рабочем альянсе как о форме дзюдо. Дзюдоист движется с сопротивлением, а не борется с ним. Крайне важно, чтобы коуч знал, что работает, а что нет, и приспособивался соответствующим образом. Мой опыт показывает, что прогресс может застопориться, если клиентам приходится решать проблемы, с которыми они еще не готовы столкнуться. В коучинге лучше всего ковать железо, когда оно холодное.

Кроме того, коучи должны воздерживаться от дачи ложных заверений. Как я уже писал ранее, в помогающих профессиях не случается чудесных исцелений. Клиенты действительно могут надеяться улучшить свою жизнь с помощью коучинга, но важно не создавать совершенно нереалистичных ожиданий.

Касаясь уязвимостей

Серьезный заклинитель CEO также попытается углубиться в неудобные и трудные аспекты жизни руководителя. После установления прочного рабочего альянса я всегда стараюсь возбудить любопытство моих клиентов, осторожно начиная бросать им вызов. В зависимости от складывающейся ситуации можно прибегнуть к юмору для облегчения диалога.

На этом этапе коуч должен оставаться настроенным на клиентов, пробуждать любопытство и работать над созданием кадра для будущих отношений. Один из способов добиться этого – поощрять клиентов делиться подробностями об их источниках стресса, разочарованиях и неудовлетворенности. Такой подход помогает в формулировании целевого компонента отношений.

Имея в виду эти различные проблемы, также было бы полезным узнать, как клиент относится к рабочим отношениям. Чувствует ли он себя находящимся в безопасности, услышанным, воспринятым всерьез и окруженным заботой? Продолжает ли он все еще надеяться на успех или даже ожидает его?

Возможность для саморефлексии

Подводя итоги, важно отметить, что роль заклинителя CEO – помочь руководителям меньше притворяться и играть роли, и стать более рефлексивными. Заклинатель CEO побуждает их исследовать свою жизнь и максимизировать свой потенциал.

Сократ говорил, что неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить: слишком много людей путешествуют по жизни, не задумываясь о своем предназначении или цели. Эти люди попросту двигаются в темноте. Именно здесь на первый план выходят заклинатели CEO, помогающие своим клиентам рассеивать тени и видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими они хотели бы их видеть.

How to Coach a CEO

Manfred F. R. Kets de Vries, INSEAD Distinguished Clinical Professor of Leadership Development & Organisational Change | August 20, 2018

Источник публикации: https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/how-to-coach-a-ceo-9926?fbclid=IwAR2Yl3HcH2_tVfVh3-zYvZoD2Um2Z6pgJIFAvhBi05FzUmySpumiL1Gemcs (Дата обращения: 04.05.2020)

Manfred Kets de Vries, professor of Leadership Development and Organisational Change at INSEAD. Paste Founding Director of INSEAD's Global Leadership Centre. Executive coach and business consultant. Member of International Psychoanalytic Association, Canadian Psychoanalytic Society and Paris Psychoanalytical Society. One of the founders of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO). Program director of INSEAD's Top Management Programme "The Challenge of Leadership: Developing Your Emotional Intelligence", scientific director of the Executive Master's "Coaching and Consulting for Change".

**Если вы чувствуете себя как выжатый
лимон, то это вот из-за чего:
обратите внимание на ваш персональный
«энергетический барометр»,
поскольку он отражает уровень
вашего внутреннего счастья**

Манфред Кетс де Врис

(Перевод с англ.: Андрей Карпов)

Манфред Кетс де Врис – профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Executive коуч и бизнес-консультант. Действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), Канадского психоаналитического общества (CPS), Парижского психоаналитического общества (SPP). Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Директор программы ИНСЕАД для топ-менеджмента «Вызов лидерства: развитие эмоционального интеллекта», научный руководитель Executive магистерской программы ИНСЕАД «Консалтинг и коучинг для изменений».

Когда я столкнулся с Дирком, генеральным директором банка, которого я знал в течение некоторого времени, я спросил его, почему он выглядит таким подавленным. После короткого молчания Дирк ответил лавиной слов. Он чувствовал себя измотанным. На работе у него было слишком много встреч и часто с людьми, которые ему не нравились. Принимая во внимание свою должность, Дирк полагал, что его единственным выходом было притворяться и играть роль позитивного человека. Но это лишь вымотало его. Кроме того, он также страдал бессонницей, и тот короткий сон, который ему удавалось урвать, был наполнен кошмарами. Очевидно, Дирк был не в лучшей психической форме.

Я спросил Дирка, пользовался ли он когда-нибудь дневником для записи своих повседневных дел. Возможно, такой дневник мог бы пролить свет на то, какие факторы истощали Дирка, а что, напротив, наполняло его энергией. Он мог бы даже определить основные положительные

и отрицательные темы и события с помощью этого самостоятельно созданного «энергетического барометра». Осознание тех ситуаций, которые оказывали на Дирка негативное воздействие, помогло бы ему находить способы их упреждения.

Моя встреча с Дирком заставила меня задуматься о вредных привычках и событиях, которые часто отнимают нашу энергию. Это может касаться каждого из нас. Но признаем ли мы симптомы и будем ли готовы что-то с ними делать?

Наиболее распространенные причины потери энергии

Чтобы больше узнать о том, на что может расходоваться энергия, я организовал опрос среди участников моего ежегодного семинара для руководителей компаний, проводимом в INSEAD, о привычках, ситуациях или мыслительных шаблонах, которые оказывают влияние на их психическое здоровье. Этот список оказался довольно интересным.

Зависимость от интернета и других источников информации

Неудивительно, что большинство руководителей жаловались на зависимость от интернета. Но их напрягал не только бесконечный поток общения, они также признавали, что тратят значительное количество времени, просиживая в социальных сетях, принимая участие в различных онлайн-мероприятиях, что неизбежно отвлекало их от решения основных задач. Некоторые сообщали о том, что они могут часами бездумно смотреть телевизор или видео в сети интернет.

Неспособность управлять собственным временем

Многие руководители признавались, что они неэффективны в расстановке приоритетов. Им было трудно решить, что являлось важным, и твердо придерживаться своего графика. У них также были проблемы с установлением границ, и они чувствовали, что их время зависит от приоритетов других людей. Интересно, что в то время как некоторые руководители жаловались на отсутствие структуры в их жизни, другие говорили, что их жизнь была чрезмерно структурированной с небольшой долей свободы для деятельности, заряжающей энергией.

Чрезмерно завышенные ожидания

Некоторые из руководителей часто чувствовали, что они пытаются угодить всем. Однако еще большее число руководителей стало жертвами перфекционизма. Они были предельно жестки к себе и отвергали мысль

о том, что могут совершать ошибки (как способ расти и развиваться). Вместо этого некоторые из них были мастерами изводить себя, переживая стресс из-за ситуаций, которые они не могли контролировать.

Продолжение непродуктивных отношений

Необходимость иметь дело с негативными людьми оказалась еще одной распространенной жалобой. Некоторые руководители жаловались, насколько для них утомительно играть роль «мусорного ведра», в которое любой может сбросить свои проблемы. Другие отмечали, что они оказываются слишком чувствительными к определенным людям, которые знают, как ими манипулировать, и которых практически невозможно избежать, например, босс или члены семьи. Это наблюдение заставило некоторых понять, что они слишком долго находились в деструктивных отношениях. Хотя это истощало их энергию, они не всегда знали, как выбраться из этой ситуации.

Скудное питание

Учитывая, что многие руководители находятся под постоянным давлением, многие из них питаются крайне скудно. Они ели слишком много фастфуда или просто потребляли чрезмерное количество пищи, чтобы успокоить себя. Действительно, у многих из них наблюдались серьезные проблемы с весом. Другие рассказывали мне, что они занимались самолечением (например, употребляли наркотики или злоупотребляли алкоголем), чтобы заглушить боль от своего утомительного эмоционального труда.

Синдром хронической спешки

Многие руководители поделились тем, что их рабочая нагрузка и напряженный график командировок сделали их жертвами «синдрома хронической спешки». Точно так же, как Белый Кролик из «Алисы в Стране чудес», они всегда чувствовали себя в отчаянии, как будто время заканчивалось.

Откровенно говоря, многие руководители признавали, что некоторые из их энергозатратных действий совершались ими для того, чтобы избежать больших проблем в их жизни. Они предпочитали прибегать к «маниакальной защите» – поведенческому паттерну, при котором люди пытаются отвлечься от преследующих их чувств с помощью бурной деятельности или предаться противоположным мыслям или чувствам. Некоторые добавляли, что у них имеется склонность хоронить неприятные вопросы в «ментальных ящиках». Естественно, что эти проблемы имеют тенденцию всплывать на поверхность в более уродливом виде, с еще сильнее истощающими энергию способами и в самое неподходящее время.

Принятие на себя обязательств по исправлению дисбаланса

Наряду с расходом вашей энергии, все упомянутые действия и ситуации также отнимают много времени – дни, часы и минуты – которые можно было бы посвятить активности, заряжающей энергией. Как выглядит ваш «энергетический барометр»? Отзываются ли у вас некоторые из вышеперечисленных тем? Если это так, то что вы с этим делаете? Вы можете перестроить свою жизнь, чтобы уделять больше внимания активности, повышающей общую энергетизацию, например:

- заниматься творческой деятельностью;
- проводить время с семьей и друзьями;
- практиковать спортивные упражнения или гимнастику;
- **совершать прогулки на свежем воздухе.**

По словам руководителей, еще одним важным времяпрепровождением, которое отошло на второй план, оказалось чтение. И очень жаль, так как чтение – это активность, которая может вносить свой вклад в **формирование эмпатии** и имеет множество других психологических и неврологических преимуществ.

Аристотель писал об эвдемонии, концепции, относящейся к «высшему человеческому благу» и описывающей жизнь, направленную на достижение максимального счастья через добродетель. Глубоко осмысленная жизнь достигается путем вовлеченности с другими людьми – членами семьи, друзьями и согражданами – во взаимовыгодную деятельность. Далее греческий философ провел различие между эвдемонией и гедонизмом, который является стремлением к субъективному благополучию через удовольствия, получаемые посредством еды, секса и социального взаимодействия. Аристотель предположил, что и гедонические, и эвдемонические пути имеют решающее значение для счастливой, полноценной жизни.

Если благополучие и счастье ускользают от вас, не забудьте надеть кислородную маску сначала на себя, прежде чем начинать помогать другим, так, как вы бы сделали, находясь на борту самолета при возникновении чрезвычайной ситуации. С точки зрения управления энергией, мы все должны в первую очередь позаботиться о себе, прежде чем мы сможем помочь другим. Играть роль мученика или, напротив, всегда держаться храбрецом – это не решение проблемы. Не стоит думать, что быть «менее совершенным» или просить о помощи – это проявление слабости. Раскрытие своей проблемы, как это сделал Дирк, – это смелый первый шаг к восполнению вашей драгоценной энергии.

If You're Feeling Drained, Here's Why

Manfred F. R. Kets de Vries, INSEAD Distinguished Professor of Leadership Development and Organisational Change | October 25, 2019

Источник публикации: <https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/if-youre-feeling-drained-heres-why-12631> (Дата обращения: 04.05.2020)

Manfred Kets de Vries, professor of Leadership Development and Organisational Change at INSEAD. Past Founding Director of INSEAD's Global Leadership Centre. Executive coach and business consultant. Member of International Psychoanalytic Association, Canadian Psychoanalytic Society and Paris Psychoanalytical Society. One of the founders of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO). Program director of INSEAD's Top Management Programme "The Challenge of Leadership: Developing Your Emotional Intelligence", scientific director of the Executive Master's "Coaching and Consulting for Change".